

- [Андрей Анатольевич Ломачинский](#)
- [САМОЕ ГЛУПОЕ САМОУБИЙСТВО](#)
- [МЕДИЦИНСКАЯ ХИМЕРА](#)
- [РАДАРНАЯ ТРАВМА](#)
- [ЛЁТЧИК КИПЯЧЁННЫЙ](#)
- [ЛЁТЧИК В ПОЛЛИТРОВОЙ БАНКЕ](#)
- [ДУШ С РАСЧЛЕНЕНИЕМ](#)
- [ИЗЛЕЧЕНИЕ ОТ РАКА](#)
- [КЛИНЧ](#)
- [ЦВЕТЫ ДЛЯ ПАТОЛОГОАНАТОМА](#)
- [ОЖОГИ](#)
- [СОЛДАТ СПИТ — СЛУЖБА ИДЕТ](#)
- [СОВНАРКОМ](#)
- [ПРАВИЛЬНЫЙ ПОДХОД](#)
- [ЦЕНТРИФУГА](#)
- [ДОНОР СЕРДЦА](#)
- [АВТОНОМНЫЙ АППЕНДИЦИТ](#)
- [НАЧМЕД](#)
- [ГЕНОТИП ИЛИ СИЛА КРОВИ](#)

Андрей Анатольевич Ломачинский Курьезы Военной Медицины И Экспертизы

Тематически сгруппировано по заявкам читателей

САМОЕ ГЛУПОЕ САМОУБИЙСТВО

На мой крестьянский взгляд умных самоубийств вообще не бывает. Ну разве когда бойца моджахеды окружили, а патронов нет. Дёргает боец колечко на последней гранате и уходит в мир иной, заодно посадив по пути парочку алахакбаровцев до их любимого аллаха. По сути это не самоубийство, а перевод собственной смерти из разряда мучительных в геройские. В остальных случаях самовольный уход из кино, под названием жизнь, есть бааальшая глупость. Хотя одни глупости глупее других. А этот

случай о самой глупой из них.

В начале 1970-х ПИЯФ был ЛИЯФ. Ленинградский Институт Ядерной Физики. Работало там много разного народу — в основном люди солидные. Но были и несолидные. Рыжик был из несолидных, хотя сам себя он считал вторым по значимости в науке, сразу после Эйнштейна. Было ему полных 24 года, и работал он лаборантом. Как его в действительности звали, я забыл. Кличку свою он получил за редкую веснушчатость и лисий цвет волос. Наш гений любил покритиковать Общую Теорию Относительности (правда без особой логики и какой-либо алгебры на бумаге), зато утверждал, что располагает доказательствами существования эфира, как некой абсолютной системы отчета, но все, кому он показывал свои работы, над ним смеялись. Однако дома он находил своим изысканиям безоговорочную поддержку в лице мамы и некоторых друзей детства. Такие авторитеты укрепляли его в мысли, что его просто не могут понять вследствие 'их скудоумия' и зазнайства. Так или иначе, но через год наш самородок не считал никого достойными, чтобы показывать им свои гениальные работы. А еще он был известен тем, что каждый год поступал то в Физтех, то в ЛГУ, где неизменно получал на вступительных экзаменах двойку или по физике, или по математике, в зависимости от того, какой экзамен был первым. Не помогала даже «профильная» характеристика с места работы. Похоже, что у Рыжика были весьма большие проблемы с зашкаливающей самооценкой, в пух и прах разбивавшей принцип здоровой социальной адаптации и оценки реальности. Знаете, бывает — мама внушает бездарю, что он нечто особенное в этом мире. Бездарь верит. Хочет стать Ломоносовым-2, а становится невротиком. Хотел бы стать автослесарем, может жил бы счастливо.

После армии вернулся Рыжик в свой институт. Отслужил парень, а ума не набрался, хоть вроде должен был распрощаться с юношеской сопливостью. Тяжелый случай. А тут ещё угораздило Рыжика влюбиться. В МНСа, точнее в молодую младшую научную сотрудницу. Ох тётка была! Красоты неопишуемой и при этом умная — редкое сочетание. Ну на мой взгляд, после Кюри-Складовской молодым женщинам в экспериментальной ядерной физике не место. Говорю так не из-за махрового сексизма-мачизма, а с точки зрения элементарной биологии. Мамками им быть. У мужика в этом плане получше устроено — половые клеточки каждые три месяца меняются, а вот у девок — как с момента созревания наделались, так и сидят до самого климакса, излучение ловят. Ну наша красавица на такую сторону личной гигиены плевала и работала с жутко радиоактивными солями радия.

Давай Рыжик за этой красавицей ухаживать. Ну у девки диссертация в голове, да и взгляд на жизнь был посолиднее ювенильного максимализма. Надоел ей Рыжик своими приставаниями. И вот в очередной раз Рыжик улучил момент и давай этой даме в любви до гроба клясться, да руку и сердце предлагать. А дама решила его дурь в конструктивное русло перевести. Ну и говорит ему, что мол выйду за тебя замуж, как только ты физиком станешь. Поступай в универ, отучись, а там подходи, если желание сохраниться. Ну тому бы за книжки сесть, да к экзаменам подготовиться. А зачем? Невротика труд тяготит. Поперся Рыжик в университет, как всегда уверенный, что и без книжек умный. Сочинение сдал, а на математике схватил банан. Вот и вернулся на работу после второго экзамена. Давай опять к своей «невесте» клеиться. Тётке это уже порядком надоело, и она ему в глаза прямо высказала все то, что о нем думает. Типа — ты тупой лодырь с воспаленным самомнением, плюс маменькин сынок, а не мужик. Таким и давать противно, не то что замуж идти.

Резанули Рыжика эти слова. Первый раз за всю жизнь он осознал, что его мирок с реальным миром не совпадает. Что о его «значимости» люди диаметрально противоположное мнение имеют. И навалилась на Рыжика фрустрация, или в обиходе полное крушение надежд. Опять же, Рыжик был сынок маменькин, а поэтому никаких реальных методов борьбы с фрустрацией он не знал. Всю жизнь за него мама боролась со словами, подобными «не верь, мой сыночек, все они врут от зависти к тебе, такому умному и значительному.» В данной ситуации эти слова не сработали. Ну какая зависть у пославшей его дамы сердца? Ну мужички самостоятельные выход из подобных проблем быстро находят. Вариантов много, от «куплю бутылку и забуду», через «уйду к другой», до «учиться-учиться-учиться» или «работать-искать, найти и не сдаваться».

Короче обидный эпизод, но не конец жизни. У Рыжика же наступил конец жизни, потому как сама жизнь смысл потеряла. Смысл его жизни был насквозь невротический, выдуманный. Вот он рухнул, и оказалась калечная Рыжикова душонка, как улитка без раковины под палящим солнцем. Невыносимое состояние. Мамочка это видела. Ей бы сунулю-переростка к психиатру сводить, так нет. Она с «маменькиной мудростью» посыпала ему соль на рану — если ты, мое сыновье великолепие, об этой дуре не забудешь, я тебя любить перестану!

Самый сильный спусковой крючок на глупости. Психологически у любого взрослого мужика любовь к женщине — это прокрутка второй раз своей детской любви к матери. А тут из-за дешёвой материнской ревности такой болезненный удар в одно и тоже место. Решил Рыжик всех наказать. Возлюбленную свою и мамочку в первую очередь, ну и себя тоже. Да и вообще весь мир, за то что он такое говно и Рыжика не оценил. Решил Рыжик показушно сдохнуть, и чтоб все вокруг него бегали да жалели. Абсолютно детское желание «несправедливо» наказанного мальчика — желание сделать истерику и скандал вокруг «обиды». Помните, как дети орут в магазине, когда их мамка на выход за руку тянет? Рёв их, последнее средство мамочку наказать — пусть все окружающие видят, какая мамка у меня плохая. Рыжиково инфантильное подсознание включило тот же самый механизм.

Так как нашему «ребеночку» шел 25-й годик, то орать благим матом было не солидно. Окружающие бы не поняли. Поэтому Рыжик взял из маминой домашней аптечки шприц и тихонько пробрался в лабораторию к своей отринутой любви. В специальном сейфе его любовь хранила радиоактивные материалы. Материалы были строго учётными, и всякое их использование регистрировалось в специальном журнале. Расход-наличие и записи сверялись ежедневно. Ну а учёные в чём-то народ простецкий и комбинацию от сейфа записали на корочке той самой тетрадки. Так вот Рыжик стащил ампулу с солями радия и сделал соответствующую запись в учетном журнале. Странички в журнальчике пронумерованы, прошиты, а прошива опечатана — не вырвешь. Будут начальство и следователи читать. Запись была довольно пространной, страницы на две. Там Рыжик подробно описал, какое все дерьмо, а любовь его в первую очередь. А кончался сей опус фразой о том, что жить с подобным к нему отношением, ну совершенно невозможно, и поэтому Рыжик добровольно умирает, пустив себе радий по вене. Ну а кого винить в этой смерти — смотри вышенаписанное. Написав сию обидку, Рыжик и вправду открыл ампулу и сделал себе внутривенный укол её содержимым. Положив шприц в контейнер с радиоактивными отходами, поехал страдалец домой. Одного этот дурак не знал — сколько Кюри он хапнул, и что его ждёт. Кюри — это не та женщина, с которой ядерная физика начиналась, а тех Кюри, точнее Милликюри, в которых радиоактивность в честь той женщины меряют. А хапнул он немного. Совсем недостаточно, чтоб быстро, но мученически, сдохнуть. Но всё же достаточно, чтобы в конце-концов сдохнуть. Хоть бы в этом вопросе книжки почитал.

На утро пришла зазноба на работу. Открыла журнальчик и обомлела. Побежала к начальству. Начальство разозлилось, но подумало, что это всего лишь запись, так сказать безобидная месть Кота Леопольда. Но на всякий случай сообщило куда надо о факте пропажи радиоактивных материалов послало на дом к Рыжику в помощь КГБ дозиметриста. Приехали ГБ-шники обыск делать. Да обыскивать нечего — фонит от самого Рыжика и от унитаза, куда тот писял. Ну и чуть от кровати, где тот бессонной ночью потел, ожидая смерти. Правду, значит, написал. Дезактивировали унитаз, засунули в спецконтейнер постель, а самого Ромео загрузили в ментовский «бобик», заперли в заднем отделении в одиночестве и наказали сидеть на противоположной от водителя стороне. Чтоб не облучал хороших людей почем зря. Сами в другую машину сели и поехали всей гурьбой на ВПТ (в Клинику Военно-Полевой Терапии, что в Военно-Медицинской Академии). Там Рыжика сдали в надежные руки офицеров медицинской службы.

Военно-полевые терапевты такому подарку очень обрадовались. Это же какая удача — получить столь чистый эксперимент по инкорпорированной (внедренной в тело) радиации без сопутствующего внешнего облучения. Что там крысы-собаки, редкая возможность представилась на самом человеческом организме эффект посмотреть!

Позвонили в ЛИЯФ, уточнили «дозняк». Очень удачно всё складывается — и химически, и по активности, и по времени всё известно. Удачно для врача-экспериментатора, не для Рыжика. Для Рыжика как раз плохо. Хроническая лучевая болезнь. Сразу не сдохнешь, а будешь долго-долго мучаться.

На первый день всё было в норме. Сразу после беседы с пришедшим из соседней Клиники Психиатрии дежурным специалистом, Рыжик под предлогом «я всё понял, больше не повториться» стал просится домой. К тому же маму на отделение не пустили. Рыжика обнадежили, что всё ещё впереди. Не обманули. Мучения начались со второго дня. Дело в том, что радиация убивает самые быстроделющиеся клетки. Ну например костный мозг и выстилку кишечника. Последняя у нас полностью обновляется за 24 часа. Старый эпителий мы съедаем-перевариваем, а новый за один день наращиваем. Так вот этот процесс у Рыжика притормозился, и пошли язвы, где только можно. Ну Рыжику сразу сделали полный кровеобмен. Сменили его собственную грязную кровь на чистую донорскую. Потом стали колоть лекарства, тяжелые соли связывающие, давай делать разные ферезы да диализы — специальными аппаратами кровь от поступающего из тканей радию чистить. Только поздно уже. Много радиации вывели, но много и осталось. В основном в костях. А в костях у нас кровь делается.

Не заставила эта костная радиация себя долго ждать — стало Рыжигово кроветворение угасать. Потихоньку. При острой лучевой болезни дело совсем по-другому обстоит. Бахнул ядерный взрыв, облучил человека за секунды. Ну костного мозга много передохло. Передохло — кроветворение стало. Но не надолго — после паузы кроветворение медленно восстанавливается. Если успеет восстановиться — выживет человек, здоровым станет. Поэтому и зовут такую болезнь острой. Один раз стукнуло, а остальное отходняк. При радиоактивном заражении тела ситуация прямо-противоположная. Сначала почти никакой реакции нет. А вот дальше — чем больше времени проходит, тем тяжелее ситуация. Идет не восстановление, а постепенное угнетение. В конце-концов или костный мозг совсем перестаёт кровь делать, и тогда каюк. Или же начинает делать вместо нормальных кровяных клеток гемобластные. Тогда каюк чуть позже, уже от рака крови. То что Рыжику каюк, полевые терапевты не сомневались. Интересен был вопрос «каким образом»?

И действительно пришел каюк самым необычным образом и не сразу. Полтора года шло прогрессирующее угнетение кроветворения. Ну переливали кровь, делали трансплантации — пересаживали донорский костный мозг. Чем больше времени проходило, тем хуже работал трансплантант. Наконец в крови появились бластные клетки — белокровие. Кроветворению капут и счёт пошёл на месяцы. Ситуация получается дважды дурацкая — рак крови надо давить препаратами, угнетающими деление костномозговых клеток. А деление костномозговых клеток уже угнетено до крайности лучевой болезнью. Кольнёшь лекарства — обостриться «лучёвка». Отменишь лекарство — обостриться рак крови. Замкнутый круг. Для контроля за рыжиковым кроветворением приходилось делать частые пункции грудины — высасывать капельку костного мозга. Эту капельку размазывали по секлу, сушили-красили и смотрели под микроскопом. Ни у кого сомнений не было, откуда придет смерть.

А она пришла не оттуда. От рака, точнее раков и не крови. В обычной жизни так не бывает. Бывает рак, но единственный и последний. У Рыжика в дополнение к белокровию по непонятной причине молниеносно развилось ещё четыре разных рака. Точнее, два рака и два предраковых состояния. Они бы тоже 100%-но в настоящие раки перешли, да Рыжик, гад, не дал — помер. После ВПТ «пятираковый» труп долго был героем сезона уже на Кафедре Патанатомии.

Первый рак имел чудное название интраэпидермальная карцинома. Развился он на левом локтевом сгибе, как раз в том месте, куда Рыжик радий вколол. Метастазы обнаружили в лёгких, лимфоузлах и печени. Второй рак назывался остеосаркома. Злючий был рачок — больше всех метастазов накидал. Развился он на груди, как раз в том месте, где Рыжику постоянно костномозговые пункции делали. За какие-то пару месяцев на груди выросло нечто, напоминающее по форме хомут или громадную подкову от коня-тяжеловоза. Потом от этой опухоли-подковки росточки пошли по всем

костям и органам, где «успешно» боролись за место с метастазами вышеупомянутой карциномы. Похоже, о подобном повороте событий никто из паталогоанатомов не догадывался. Борьба раков за существование — Дарвин отдыхает. Плюс малигнизированная тератома — развился у хлюпика самый мужской рак, рак яиц. Ну и злокачественная нефрома — рак почек. Это тоже понятно — на почки много работы свалилось по фильтрации радия. В дополнение пятым раком шло белокровие — лейкоз или рак крови. Это вроде как уже не считается, ибо от него и ожидали смерть.

По-моему самоубийство длинной в два года — самая глупая глупость!

PS : прошу не возмущаться, что все неоплазиираками называю; мы все с третьего курса помним, что рак, это опухоль эпителиального генеза, а за словосочетание «рак крови» — так вообще безоговорочный банан на экзамене... Просто не только для медиков писалось и хотелось быть попроще — скучные термины по возможности я везде стараюсь заменять бытовыми понятиями.

МЕДИЦИНСКАЯ ХИМЕРА или петропавловский синдром

Ну что такое «химера» в обиходе? Смесь несмешиваемого. Что это такое исторически, тоже понятно. Какой-нибудь орёл с головой льва или лев с крыльями. А вот в военной медицине слово «химера» имеет однозначное толкование, так как является научным термином. И означает этот термин больного с чужим костным мозгом. Для неспециалистов придётся сделать пространное отступление, так как химер в мировой практике весьма мало, и одно толкование термина мало чего объясняет.

О трансплантации органов слышали все — пересадками почек и сердец сейчас никого не удивишь. О пересадках костного мозга слышали многие — тоже дело весьма обычное при анемиях (малокровии) или лейкозах (раках крови). Красный костный мозг — это фабрика крови. Там миллиардами штампуются красные эритроциты для переноски кислорода и белые лейкоциты для борьбы со всем, что организму чуждо. Ну с микробами понятно, с раковыми клетками не совсем понятно, но смысл тот же. А вот как быть со здоровыми пересаженными тканями? Костный мозг такие ткани считает «своими» лишь частично — находит он тонкие химические различия и в конце концов их тоже отторгает. Поэтому и колют больным после пересадок всякие лекарства, этот процесс замедляющие. Исключения только для естественных клонов — тканей близнецов, да и то не всех. Такие случаи редки и считаются необыкновенной удачей как для больного, так и для врача-трансплантолога.

Пересадка костного мозга самая лёгкая из всех пересадок. Ничего резать и шить не надо. Донору в таз или в грудину вкручивают шуруп с дыркой, как в игле от шприца. Через этот шуруп из кости отсасывают костный мозг в банку. Затем разводят его «водичкой» — специальным раствором, и переливают больному, как обычную кровь. Ну а собственный костный мозг больного, получив эту «присадочку» какое-то время её терпит и даёт инородному костному мозгу наделать крови, а затем всё отторгает как чужое. Убивает пересаженные донорские клетки. Костный мозг — это министерство иммунной обороны, а всякие там лимфоузлы, сама циркулирующая кровь и разные там фолликулы-полипы-гланды — это лишь войска под его командой. Что министр прикажет, то солдат и сделает. Такая биологическая война называется «хозяин против трансплантата». Но бывает случай наоборот — «трансплантат против хозяина», хотя в 1970-е годы о таких казусах ещё мало что знали.

Полковник Павел Васильевич Загуляев формально служил в войсках химзащиты. Формально, потому что никакой химзащитой он в жизни не занимался. С самого начала карьеры мысли его витали исключительно в области нападения и нападения ядерного. Из какой части этот военный, и что конкретно он делал, я не знаю. Это «выше моей крыши» было — я не проходил к такому знанию из-за низкого допуска секретности. От сослуживцев и с записей в истории болезни знаю, что коллеги звали его за глаза

«Загулом», был он доктором наук и в своем «ящике» слыл крутым авторитетом по ядерным фугасам. Научным авторитетом, разумеется, а не блатным. Поэтому, когда случилась беда с полковником, то приказ пришел с самого верху — слово «невозможно» исключить, сделать так, чтоб Загуляев жил.

Об инженере Петре Сергеевиче Краснодымском известно куда больше. Никаких особых званий, за исключением «Начальник Цеха Холодной Стерилизации» завода «Медполимер», у него не было. На вверенном ему хозяйстве мне довелось побывать лично и собственными глазами всё увидеть. Инженер Пётр и полковник Павел были людьми примерно одного возраста и схожей комплекции. Оба попали почти одновременно на ВПТ (в клинику Военно-Полевой Терапии, что в Военно-Медицинской Академии) и по одинаковой причине — жёсткое радиационное облучение. Соответственно и диагнозы у них были одинаковые — острая лучевая болезнь тяжёлой формы.

Вообще любила эта клиника подобных пострадавших. Со всего Союза стаскивала всякие случаи, напоминающие боевое поражение. Заснул пьяный рентгенолог на столе под включенным аппаратом (бывало и такое) — сюда его. Лечить будем и науку делать — представим, что лечим облученного от прохождения радиационной зоны после ядерного взрыва. Добавили алкаши дихлофоса в водку — сюда их. Будем лечить, как-будто враг фосфоротравляющее химоружие применил. Ну и многие другие подобные казусы в эту клинику попадали. Но всё же лучевая болезнь на особом почётном месте была, так как крайне редка она в мирное время. До Чернобыля оставалось десять лет, и два случая в одну неделю были экстраординарной удачей. Комбинация Петра и Павла, как этот плодотворный период остался в фольклорной памяти военных медиков Академии. Ну а после кое-какого научного открытия само открытие в шутку стали называть «петропавловским синдромом». Не знаю, жив ли сей термин в военной радиологии, но помню случай, когда какой-то профессор-радиолог из России был на американском семинаре. Так вот он на полном серьезе упоминал петропавловский синдром в русле того самого научного открытия, правда саму историю названия туманно связывал почему-то с городом Петропавловском.

Раз об истинной причине лучевой болезни Павла Всилича остается только догадываться, то рассмотрим причину болезни Петра Сергеевича. Для чистоты «эксперимента» и полного учёта поглощенной дозы создали специальную экспертную комиссию, которая и отправилась на завод «Медполимер». Большой это был завод. Делал он одноразовые шприцы, презервативы, медицинские перчатки, пластиковые контейнеры для заготовки крови, дакроновые ловушки воздуха с виниловыми трубками (в народе — капельницы), и много прочей подобной продукции. Продукции медицинской, и соответственно, стерильной.

Походили спецы по цехам, удивились. Врачей, привыкших к стерильности операционных, цеха реального производства их родных чистых вещей разочаровывающе поразили своей нечистотой. Никакой стерильности среди крупных механизмов и конвейерных линий не было и в помине. Были, как на всяком производстве, неизбежные лужи масла, механики в засаленных робах, а белые грязно-пятнистые халаты операторов на линиях казались неуместной бутафорией. И все же продукция выходила безукоризненно стерильной. В СССР за такими вещами контроль был серьезнейший. Обеспечивал стерильность Цех Холодной Стерилизации. Холодной, потому что пластик, это не медицинская сталь — его не проварить, не прожарить.

Холодная стерилизация достигалась жёстким облучением. Таким жёстким, что за секунды не только все микробы, но и сухие микробные споры погибали. Заходит конвейерная линия с грязной продукцией в АХС (агрегат холодной стерилизации), а выходит с продукцией стерильной. Всякая производственная головная боль по поддержанию стерильности отпадает сама собой — запаивай капельницы нестерильными, в последнем цеху все простерилизуют. В АХС над конвейером стояла радиационная пушка. Штука эта на пушку совсем не похожа. Напоминала она скорее тяжеленное, многотонное яйцо таинственной птицы Рух из сказки о Синдбаде. Но вместо хищного птенчика сидело в этом яичке за двухметровой многослойной скорлупой куда более опасное содержимое — изотопная смесь с убийственным

спектром радиоактивного излучения. Стеночки бункера вокруг АХС тоже были основательными — свинцовые плиты перемежались с бариевой штукатуркой и слоями парафина. Лента входила в бокс и сбрасывала продукцию на внутренний конвейер, тот таскал её под луч, а затем сбрасывал на третий, выносящий конвейер. Какого-либо участия человека не требовалось, и стараниями инженерной мысли, малейшая утечка радиации исключалась. Везде висели специальные дозиметры, подключённые к аварийной сигнализации, а внутри помещения дополнительно было понатыкано куча прозрачных трубочек, заполненных радиолоюменом. Радиация цвета не имеет, как не имеет ни вкуса, ни запаха. Ярко-зелёное радиоактивное свечение, столь известное из кино и устной народной молвы, это всего лишь свечение химических детекторов, самих ничего не излучающих.

Работа на АХС считалась блатной. Зарплата по тем временам — обзавидуешься, рабочий день — четыре часа, бесплатное молоко и санатории, два отпуска в год, льготная очередь на машины, а квартиры вообще без очереди. Чудо! Попасть в этот цех можно было исключительно по блату. Начальник цеха был зверем только в вопросах радиационной безопасности. Во всех остальных вопросах он был человеком мягким, уважающим своих подчиненных. А ещё в те времена было такое понятие, как обязательное «перевыполнение плана». Чтоб коммунизм быстрее наступил, от всех требовали наделать разных вещей больше, чем возможно. Этакая официально-идеологическая глупость. Ну и крутились инженеры, всякие ухищрения придумывали для перекрытия проектной мощности. Все цеха «Медплимера» план перевыполнили, за исключением цеха стерилизации. Директор завода в гневе. Вызывает на ковер начальника цеха. Что же ты, гад такое нам устроил? Этап твой заключительный, и если продукция нестерильна, то значит она и не произведена. Все склады помяты, а затор у тебя. Доводы о соблюдении опасной технологии по боку.

Собрал Пётр Сергиевич инженеров да технологов думу думать. Что-то там они придумали. Остановили цех, дистанционно закрыли макушку на адском «яичке», дождались разрешающих показаний дозиметра и полезли внутрь АХС — посмотреть на месте, как туда лучше их «рацуху» всунуть. Главный механик, технолог и начальник цеха. Трое человек и именно в такой очередности. И вдруг внутреннее убранство стерилизационного блока озаряется зелёным светом химдетекторов. Гидравлика забарахлила и настужь открыла источник. Мужики с криками в дверь. Выбежали, дверь задраили. Круглыми глазами друг на друга смотрят. Еще когда лезли, чтоб лишнюю поглощенную дозу остаточной радиации не писать, дозиметры предусмотрительно сняли и оставили перед входом. Они начальство, им можно. А зря оставили. Хапнули вот рентгенов, а сколько не ясно. Давай смотреть на показания, сколько же через открытую дверь «насветило». Технолог пытается пересчитать «поглощенку» исходя из коэффициента экранирования и расстояния. Хреново получается. Хреново, в смысле очень много.

Тут механик заметил, что не может выход из комнаты найти, забыл что и где — наступила так называемая радиационная дезориентация, симптом очень большой дозы. Затем появляется непонятная рябь в глазах, затем рвота. У всех. К чёрту прикладную математику, хватай красный телефон и звони врачу при заводе.

Все трое были доставлены в Академию. Механик умер часа через три. Радиационное поражение центральной нервной системы. Всё остальное у него тоже было поражено, но это вроде как не считается, потому что поражение мозга штука самая серьёзная. Технолог был жив два дня. У него смерть наступила вследствие полного радиационного поражения эпителиальных оболочек. Это то, что нашу требуху изнутри выстилает. Все кишки превратились в одну зияющую рану. Комбинация внутреннего кровотечения и «добро пожаловать, микробы». Инженеру повезло больше. Дистанция от источника максимальная, а время облучения минимальное. Да и луч по нему сквозанул уже ослабленным, пройдя через тела сотрудников.

Только вынесли труп технолога, поступает новый больной — Пал Василич. Закон парных случаев совмещающий две редкости. Или две беды. Так в стерильных боксах клиники Военно-полевой терапии и произошла историческая встреча Петра и Павла. Точнее встреча была весьма заочной и происходила она только в ординаторской

специалистов, на пятиминутках, консилиумах и научных совещаниях. О существовании друг друга эти больные не догадывались и содержались в гордом одиночестве и в абсолютно стерильных условиях специальных боксов при строжайшей изоляции от кого-либо. Только очень ограниченный круг лиц имел доступ к ним. Перед каждым входом медперсонал мылся и одевался, как на операцию. Кормили их в основном внутривенно, а то что давалось через рот, как и все остальное вокруг них было стерильно. Попал инженер по стерилизации в стерильные условия. Каламбур получается с набившим оскомину словом «стерильно»...

Расчетная доза у обоих мужиков смертельная. Приказы приказами, от кого бы они не исходили и какими бы грозными не были, а природные законы они отменить не могут. Больные тестируются, к ним подбираются лучшие доноры. Впереди бесчисленные переливания крови и её компонентом. Своя кровь у таких больных не образуется — костный мозг поражен. Приходиться лить тромбомассу — донорские тромбоциты, чтобы не начались спонтанные кровотечения из любого органа. А чтобы до селе безвредные бактерии заживо не спноили тело, необходимо переливание лейкомассы — донорских лейкоцитов. А вот, с казалось бы очевидной, следующей процедурой — переливанием костного мозга имелись проблемы.

Невозможно было восстановить нормальное кроветворение у таких больных. По сложным биологическим механизмам, после короткого улучшения такие реципиенты (те кто получал чужой костный мозг) необратимо гибли. Остатки собственного костного мозга бесились. Вместо того, чтобы усиленно восстанавливать утраченное кроветворение, все силы собственного костного мозга бросались на борьбу с донорским трансплантатом. Трансплантат тоже не оставался в долгу и начинал ответные иммунные действия против костного мозга хозяина. Борьба эта очень напоминала Бородинскую битву с неизменной Пирровой победой. Оба костных мозга быстро погибали, а за ними погибал и остальной организм, невзирая на окружающую стерильность, медикаментозную поддержку и непрерывные переливания крови. Попытки вытянуть таких больных из кризиса на собственных резервах, без костного мозга донора, тоже были 100%-но неудачными. Слишком долгим был процесс восстановления. Облученный организм загибался, когда угнетенное кроветворение было ещё в самой зачаточной стадии. Получалась дурацкая безвыходная ситуация — больной умирал или от лечения или от его отсутствия. Но умирал всегда.

С больными Петром и Павлом офицеры-медики решили эту ситуацию переломить. Тем более, что были эти больные обречены на смерть, и любое рискованное экспериментирование, пусть даже с чисто теоретической возможностью исцеления, становилось логически и этически приемлемым.

Переквалифицировали инженера с полковником в подопытные кролики. А всё потому, что одному майору садистская мысль в голову пришла. Садистская, но толковая. За эту мысль тот майор Госпремию схлопотал с зачётом своей разработки за докторский диссер по спецтеме. А суть садизма состояла в следующем — надо ходячих мертвецов доубить. Дооблучить. Собственный костный мозг после этого должен окончательно сдохнуть, а вот потом можно и донорский пересаживать. По идее ничего размножению чужого мозга препятствовать больше не будет. Получится химера. Чужая иммунная система в собственном организме. Ну а что дальше с таким организмом будет, никто тогда не знал.

Поехал тот майор в Институт Военной Экспериментальной Медицины на Ржевке. Садизм в том заведении был поставлен на широкую ногу. Там работала целая куча его коллег, занимавшихся облучением живых организмов 24 часа в сутки 7 дней в неделю. Они, правда, славы доктора Менгеле не сыскали и под международные трибуналы не попадали, потому, что губили свиней, собак, да обезьян. Ну а какой трибунал за убийство хрюшки? Кушая отбивные, мы всякое массовое уничтожение по крайней мере этих тварей вполне одобряем. И тут приходит такая славная возможность абсолютно легально поэкспериментировать на двух homo sapiens. Понятно, вся Ржевка в восторг — тащите их сюда!

На Ржевке имелись камеры. Перед техническим совершенством этих камер, камеры Освенцима казались бездарной грубой кустарщиной. У фашистов как было — пустили

«Циклона-Б» в замкнутое пространство, вот и всех делов. Неее, наших людей на Ржевке такой примитив не интересовал. В лабораторных камерах экспериментальной военной медицины регулировалось всё — от скорости потока воздуха, его влажности и температуры, до уровня шума, освещенности и малейших колебаний концентраций тех полезных (для обороны, а не для организма) химических соединений. Но в нашем случае концентрации дряней в воздухе не важна.

Дело в том, что этажом выше над камерами имелся специальный зал, весьма напоминающий Цех Холодной Стерилизации завода «Медполимер». Но адских яичек от птицы Рух в том зале было несколько и их можно было по этому залу двигать. В толстенном полу зала, набитым слоями радиопоглотителей, имелись специальные окошки. Эти «фонарики» располагались прямо над потолками камер. По желанию экспериментатора, для подопытного всегда можно было подобрать нужный «загарчик» — от сравнительно «пустякового» бета— и альфа-излучения, до серьёзного гамма-луча или совсем серьёзного нейтронного потока. При подобных солнечных ваннах допускались и любые комбинации всех лучей. Ну а на крайняк, можно было к окошечку подсоединить специальный рукав и посыпать радионуклидами прямо на голову подопытной твари. Там даже был сооружен специальный крематорий, где сжигались радиоактивные тельца почивших в бозе питомцев, а также зараженные фекалии пока еще живых страдальцев от военной науки. Хоронить их категорически нельзя по соображениям гигиены — от них больше фонит, чем воняет. Поэтому и жгли до полного неорганического остатка, пропуская дым через специальные фильтры-поглотители. А сухой остаток — горстку пепла, запаивали в свинцовый контейнер и спецдоставкой отправляли в могильник для захоронения с радиоактивными отходами нашей доблестной атомной промышленности.

Как вы поняли, милейшее место выбрал майор для лечения великомучеников Петра и Павла. Военно-врачебная команда из лучших садюг-энтузиастов быстро приступила к делу. Для начала определились с методикой облучения. Тела людей надлежало плотно заэкранировать, обнажив лишь профили костей с красным мозгом. Иначе точно каюк. Отказались и от нейтронного «супер-загара». Этому лучу всякие экраны побоку, он всепроникающ. Выбрали гамма-излучение. По размерам Петра и Павла изготовили дырявые саваны из освинцованной резины, а по верх них специальные гробы-покрышки с дырками. Затем переоборудовали одну машину Скорой Помощи — затянули салон стерильной пленкой, создав мини-бокс на колесах для транспортировки больных на эти физиопроцедуры. Из пары больничных каталок сделали нечто напоминающее фермерские фургоны из фильмов-вестернов, опять же герметичных и изнутри стерильных. Это для того, чтоб пациентов по Клинике и Институту возить.

Потом подобрали доноров. Вначале показалось, что Павлу повезло больше — брат у него нашелся. Да только преждевременной радость была — у брата оказалась другая группа крови. Для донорства непригоден. Пришлось искать добровольцев на стороне, среди известных на станциях переливания крови доноров-рецидивистов. У того, кто часто сдает кровь костный мозг активней. Обычно за нормальное костно-мозговое донорство 130 рэ платили. Но в данном случае уж очень много мозга предстояло высосать. Нашли пару подходящих смельчаков. Ну бешенное, по тем временам, денежное вознаграждение в размере трехсот-девятиста рублей. Две месячных зарплаты рабочего, плюс спецпак из сухой колбасы и красного вина «Кагор», пятнадцать дней в клинике и после месяц больничного на дому. Разумеется с полным сохранением зарплаты. Вообще-то на жаргоне трансплантологов доноров называют «проститутками». Ну ведь за деньги дают, а торговля своим телом и есть проституция.

К назначенному дню прошли «проститутки» все необходимые исследования и явились в Клинику. Ну а Петра с Павлом свозили позагорать на Ржевку. Много военно-медицинских генеральских чинов посетили своим почтением те места — все желали приобщиться к таинству Петра и Павла, ну и урвать мимоходом чего-нибудь для своей научной карьеры. А Петр с Павлом молодцом — держатся! Живыми. Ну понятное дело, опять поблевали под лучом, ну поотключались для вида, ну кожа на открытых местах чуть попортилась, ну все волосы повыпадали — мелочи. Доставили их с экспериментального заведения в родные палаты и сразу к ним «проституток». Точнее

«проститутских» красных соков. С самими продажными телами совсем в другом месте работали — в малом реанимационном зале, точнее малой операционной, как ее местные полевые терапевты называли. Не смейтесь — операционная в терапевтической клинике, дело обычное для военной медицины.

Так вот бухнули по вене Петру и Павлу купленного мозга и стали ждать. Ну пока костный мозг не заработал, подливали цельной крови и её компонентов, да кололи антибиотиками от любой заразы. Время подходит — по расчетам пора подышать. Не мрут. Весь персонал рад. Потом собственная кровь появилась. Потом иммунитет стал восстанавливаться. Стерильность сняли. Потом даже лечебную физкультуру назначили для физической реабилитации. Потом мужиков выписали, написали кучу научных трудов и получили внеочередные звания, всесоюзные признания, премии-диссертации. А потом Петра и Павла опять вписали...

Но не сразу. Радовались Петр и Павел жизни своей спасенной, довольные в кругу семейном с восторгом разглашали государственные секреты военной медицины и всем семейным хором пели оды военврачам. На работу ходили. Полковник вернулся в тот же «ящик», где и был. К своим любимым и сердцу милым ядерным фугасам. А вот инженера Петю назад в цех не пустили. Сказали, ну нет, мужик, раз с того света вытянули — хватит с тебя радиации. Стал он непыльно работать в заводоуправлении исключительно с бумажками.

Только вот со здоровьем появились странности. Такие жалобы только крайние симулянты и невротики выдумать могут — общая боль во всем теле. Тяжко стало на работу ходить, да службу тащить. Потом стало зрение садиться. Потом слух и обоняние. Стала исчезать кожная чувствительность. Да как исчезать — сразу по всем направлениям! Помаленьку отрубало и болевое, и тактильное, и температурное восприятие — в медицине случай крайне редкий. Потом желтуха напала, и печень стала походить на печень хронических алкоголиков. Потом почки стали отказывать. Затем пошла мышечная расслабуха, как у паралитиков, но с припадками, как у эпилептиков. Ну там про всякие поносы и дрожь в руках, я просто молчу. Когда труба по всем направлениям, то это мелочи на общем фоне.

Доставили их назад в клинику и давай заново изучать. Оказалось — прижился в химерах «проститутский» костный мозг. Освоился. И обнаружил, что окружающее его тело — чужое. Этаким один большой микроб. Ну а костному мозгу положено с микробами бороться. Вот он и уничтожил окружающее его тело. Стопроцентно уничтожил — домой Петр и Павел вернулись уже в ящиках.

РАДАРНАЯ ТРАВМА

Если Вы думаете, что это такая травма, когда крутящийся радар своей излучающей решеткой по башке задел, то сильно ошибаетесь. Радарная травма — это травма радарным излучением. Если излучение слабенькое, то травмы нет, а есть хроническая радарная болезнь. Ну там сна и аппетита нет, весь на нервах, голова болит и вес теряется. Тоже, конечно, не подарок, но жить можно. А вот после хорошей радарной травмы оказалось жить нельзя. Радарное излучение считается крайне «мягким» — это не проникающая радиация в общепринятом смысле, а «малознергетическое» СВЧ — электромагнитное поле сверхвысокой частоты. Как в обычной микроволновой печи. Чего такого бояться? Вот и не боялись...

Наиболее мощное поле СВЧ дают радары противоракетной обороны. Их излучающая антенна так устроена, что генерирует излучение подобное невидимому лучу гигантского прожектора. Оно и понятно — мощности на бесполезное «освещение» пустого пространства меньше теряется. Вначале дежурный радар, тот что весь сектор наблюдения контролирует, засекает нечто чужое, а затем уже это нечто «подсвечивается» узконаправленным пучком СВЧ. По отражению этого пучка и идет ракета-перехватчик. В Советском Союзе такое дело было отработано до уровня балета Большого Театра — каждый знал свою партию до мельчайших движений. В 1972

году Никсон с Брежневым договор о противоракетной обороне подписали, тот что Буш через 30 лет отменил. Так вот, советская противоракетная оборона Москвы существовала с 1973 года, правда с ядерными ракетами-перехватчиками, а Америка до 2000-го ничего толком создать так и не смогла. Для офицера ПВО Ленинградского и Московского округов служба медом не казалась, хоть до обеих столиц, северной и официальной, было рукой подать. Радары всегда стояли на боевом дежурстве, и офицер чувствовал себя, как на войне, никакой расслабухи. Это уже при Мишке Горбачеве бардак пошел. В начале того бардака и случилась эта история.

Между Калининским и Ленинградом стояла секретная часть ПВО (противовоздушной обороны). Как и везде на рубежах обороны Москвы, в той части начались снятия, служебные несоответствия и выговоры. А лишь потому, что месяц назад на Красную Площадь приземлился на своем маленьком самолетике немецкий пилот-любитель по фамилии Руст. Такое издевательство над горбачевской «новой политикой и мышлением» привело войска ПВО в страшную опалу. Новый министр обороны Язов (тогда расшифровывали его фамилию как «я заставлю обуться всех») любивший начищенные сапоги и парады, отменил вывод радаров на ТО (техобслуживание) без видимых поломок. Вот и пришлось офицерам-технарям пускаться во все тяжкие, чтоб радар без снятия с дежурства в исправности поддерживать. Ну с установками постоянного излучения такое не получалось, а вот с «пучками» запросто. Достаточно было позвонить сослуживцам-смежникам: «Ну как там у вас, чисто? Ну хорошо, тогда мы полезли» Полезли в зону излучения временно неизлучающего радара. Однако если вдруг... Короче, если радар не отключен, а лишь «спит», то пробудить его может любой подозрительный сигнал, поступивший с других станций слежения. Для техника в излучателе ситуация напоминала русскую рулетку — это когда один патрон в барабане револьвера и ствол к виску. Крутнем и бух — ура, пусто. Живите на здоровье до следующего раза.

Прапорщик Иванюк, капитан Лыков, рядовые Альмухамедов и Синягин проводили «текущее малое ТО без снятия установки с боевого дежурства». Капитан копался с электрикой, рядовые просто что-то мыли-чистили, а прапорщик контролировал, чтоб все мылось-чистилось хорошо, ну и помогал капитану. Операторская находилась далеко от излучателя, да еще под землей, поэтому для экономии времени и снижения риска технари добирались до «пучка» на машине. Соответственно пятым участником мероприятия был сержант Ляховецкий. В целях безопасности сержант подвозил группу прям под излучающую антенну, а затем отъезжал метров на триста в безопасном направлении. Его задачей было неотрывно смотреть на дверь радарной и держать двигатель своего 66-го «Газона» со спецкунгом постоянно включенным. Это был не совсем простой «Газон». Его кабина и кунг (будка на месте кузова) были отделаны экранирующими материалами, а на стеклах имелись щиты с мелкими дырочками. Электрическая часть двигателя тоже имела специальную защиту от перегорания под мощным полем. Перед носом у водителя на шнурке вместо обычных безделушек болталось нечто, напоминающее большую авторучку с лампочкой — индикатор СВЧ. Как только лампочка на индикаторе загоралась, водитель обязан был опустить щиты и мгновенно мчаться к дверям радарной, при этом непрерывно сигнали. Персонал прыгал в кунг, и машина неслась подальше от радара в направлении, противоположном позиции излучателя. Обычно малое ТО не занимало больше 15 минут и всегда заканчивалось мирно — техперсонал спокойно выходил из дверей установки, приветливо махая водиле рукой. Никаких щитов опускать не требовалось, а требовалось спокойно подъехать и забрать людей. Если же персонал махал красным флажком, то требовалось сделать тоже самое, но быстро, а вот уезжать надо было заэкранированным — значит на радар «звякнули», и он сейчас заработает. За месяц этого дурацкого нововведения, что случилось после посадки Руста, подобных ЧП не было ни разу. Все ПВО ждало отмены осадного положения, надеясь, что гнев министра вот-вот кончится, и служба войдет в нормальное русло. А пока технари лазили в «спящий» радар, проклиная немца-авантюриста, глупый приказ и начало перестройки, которая явно понеслась куда-то не туда.

Между радарщиками была негласная договоренность — как наблюдающий радар

начинает выдавать что-либо подозрительное, то первым делом надо не боевую тревогу объявлять, а на «пучок» звонить, если там люди в зоне. Вот после тревоги радар уже неконтролируемый — он начинает слежение в автоматическом режиме. А так 20-30 секунд достаточно, чтоб из зоны выйти. Успеют и радар навести и людей сбересть. Конечно подобная мера боеспособности никак не содействовала, но давала какой-то выход из сложившейся дурацкой ситуации. В тот день «на секторе» сидел майор, от которого подляны ожидать никак не могли. Офицер был грамотный и порядочный, жизнь сослуживцев и подчиненных ставил куда выше мнения проверяющих.

А гады проверяющие свалились на голову абсолютно внезапно. И если бы это были простая пара полковник-майор из дивизии, то можно было бы им все объяснить или даже послать на худой конец, пусть и с риском для карьеры. Но полковников была куча, да с генералами, и называлась эта шайка комплексной проверкой из Министерства Обороны. Это когда паркетные полководцы устраивают запуск холостой ракеты где-нибудь из-под льда Северного Ледовитого Океана и смотрят, как эту ракету сбивать будут. В реале. Хотя по своему желанию они этот «реал» могут несколько усложнить — приблизить к боевым условиям. Вот и усложнили — объявили майору, что он давно убит, потому как в его радар секторального наблюдения десять минут назад попала крылатая ракета противника. Дергай рубильник, вырубай установку, связь уже отключена. Посмотрим на боевое взаимодействие «подсветки» с радарными другими частями, мол нас не одна дивизия, а боевая готовность всего ПВО интересует. Майор хватать телефон — а там и гудка нет. Рад бы ребятам позвонить, а как? Собственный излучатель не работает, хотя контрольный экран «на прием» включенным остается, да ничего на том экране уже не видно. И вдруг на экране пятнышко цели появляется. Это значит, что его «пораженный» сектор перекрыли соседи, вычислили цель, навели и врубили «подсветку». Только от ее мощного пучка сигнал смог на его экранах появиться. А еще это значит, что «подсветка» уже ведет ракету-перехватчика, понятно, учебную, а не ядерную. О том, какая это ракета, радарной автоматике и дела нет; если цель поймана, то станция работает сама по себе с единственным желанием примитивного робота на уничтожение. А там пускай хоть пожар, хоть потоп, хоть люди в зоне или убиение младенцев в операторской — железные мозги этим уже не интересуются, на кону тридцать вражьих мегатонн, летящих на Москву. Их надо сбить, а остальное мелочи.

Капитана Лыкова убило в момент — просто шарахнуло током в 27 киловольт. Никакой радарной травмы, смерть как на электрическом стуле. Дежурный оператор сказал «одни тапочки остались». Ну это он несколько загнул. Тапочки действительно остались, но на ногах скрюченного, обугленного тела. Прапор и солдаты за контакты не держались, поэтому им напряжение ничего плохого не сделало. Почувствовали они внезапный жар да страшную головную боль и выскочили из дверей радарной. Надо сказать, что никто из них непосредственно под прямым пучком не был, иначе результат был бы совсем иной. Они всего-навсего были рядом и СВЧ их задело очень легко.

Через несколько мгновений все трое ослепли. Жар спал, хоть тепло все еще сильно горело. Иванюк однако не растерялся и закричал: «Солдаты, ко мне! Держаться друг за друга!» Почти теряя сознание, солдаты на крик добрались до прапора и вцепились куда придется. А еще через момент все услышали спасительное библиканье и звук мотора. Трое шатающихся технарей производили жалкое зрелище, и водила Ляховецкий понял, что за экраном ему не отсидеться. Плевать на огонек индикатора, он открыл дверь и прыгнул на землю. Кожу сразу защипало, голова заболела и стала наливаться свинцовой тяжестью, а еще через миг возникло неприятное жжение. Изнутри. Особенно сильно «горели» кости — как будто кто-то из другого измерения о кости сигаретные окурки тушит.

«Кэп где?» — орет сержант.

«Пиздец ему. На моих глазах током убило. Нас грузи, а то что-то совсем хуево и ослепли. Давай, друг, быстро! Мотать надо отсюда — сгорим, блядь, заживо!» — отвечает прапор. На невидящих глазах слезы — «Что же они, суки, не позвонили!»

Сержант с трудом впихивает совсем ослабевших людей в кунг. Уже и самому ой-ей-ей как хреново. Слабый и шатает как пьяного. Наконец в кабине. Через экранирующую

решетку дорогу видно плохо. Зато видно, как решетка нагрелась. Надо же какое чудо — кое где на ней краска чернеет и дымится, а мы, люди, ходим! Ну поехали. Ох руль не удержать — машину мотает по дороге, но нет, в кювет нельзя. Фу-уу, отпускает. Сколько проехал? Да всего-ничего, метров двести. А уже и не жжет! Ерунда осталась, только тошнит, да тело слабое и как ватой набито. Вот и забор, триста метров от радара — это уже безопасная зона, можно поднять решетки со стекол. Не буду останавливаться, надо дотянуть до КПП — там телефон. Километра три однако будет. Как там ребята в кунге? Ладно, дам еще километр и остановлюсь — мочевик жжет страшно, такое чувство, что и вправду кипятком ссать буду. И блевать охота. Все, больше не могу. Стоп — вначале блевать, потом ссать, потом посмотрю, что с ребятами.

Сержант прыгает на землю. Ноги не держат, и он беспомощно падает на бок. Вокруг лес, как в заповеднике, тишина, только птички поют. Невольно вспомнился ландшафт перед радаром: леса нет совсем — бетонный плац, а дальше расходящаяся широкая просека с чахлой травой. Хотя чем дальше от радара, тем выше трава. Потом кусты, потом подлесок, ну а потом лес... Может там расчищают, а может само выгорает. Наверное само выгорает. Мысли прервала рвота, впрочем не сильная. Так, чуть блеванулось и полегчало. Кое-как встал, сделал несколько шагов до ближайшего дерева. А вот пописать оказалось проблемой. Струя мочи действительно была горячей — ну, может и не горячей, но теплее обычного — «дымит» как на морозе. Да не в этом проблема — мочиться больно! Сразу вспомнилась давным-давно перенесенная гонорея, которую подцепил перед выпуском из ПТУ. Почему-то стало очень весело «От радара трипак подхватил!». А потом сразу грустно — настроение менялось, как диапазоны в приемнике. Корчась от рези сержант Ляховецкий наконец выссался. Штаны были порядочно намочены, так как его все еще сильно качало, и выполнять всю процедуру пришлось при помощи одной руки, опираясь второй о дерево. Впрочем его виду, как с буйной попойки, это весьма соответствовало. Ляховецкий ругнулся за такую оплошность и поковылял открывать кунг.

В кунге было тихо. Двое беспорядочно лежали на полу. Голова прапорщика находилась под лавкой, рядом с сапогом Альмухамедова. Сам Сатар лежал лицом вниз в рвотной луже. Один Синягин полусидел в углу, тоже облеваный, но с полуоткрытыми глазами, никак не среагировав на свет. «Товарищ прапорщик, Михал Саныч! Альтик, Синя! Вы, че, мужики!!!» Ответом был только сдавленный вздох со стоном Синягина. Ляховецкий с трудом залез в кунг и стал тормозить лежащих. Все были живы, но без сознания. Вытащив откуда-то пару засаленных ватников и старое солдатское одеяло сержант попытался устроить какое-то подобие изголовья и уложить на него в ряд всех троих. Наконец это удалось. Сам он чувствовал себя заметно лучше, чем пять минут назад, головная боль утихла, хотя головокружение оставалось на прежнем уровне. Ясно, что никакой другой помощи, кроме скорейшей доставки к врачу, водитель предложить не мог. Снова прыгнуть с машины Ляховецкий побоялся. Решив не терять понапрасну времени, он лег на пол около двери и сполз на землю. Затем держась за борт вернулся в кабину и рванул на КПП.

На КПП обычно дежурили четверо — двое выходили «на периметр» ходить вдоль колючей проволоки и отлавливать заблудших грибников, а двое сидели «на телефоне». Обычно «на телефоне» сидят старослужащие, а молодые бегают «по колючке» — это далеко, до следующего КПП, там надо расписываться в контрольном журнале. Время «на палке», как называли шлагбаум, текло медленно и размеренно, никаких ЧП не случалось и дежурство на посту было безусловной халявой. Поэтому появление машины оттуда, впрочем как и машины туда, считалось событием. Едва заслышав шум мотора один солдат выходил из будки к шлагбауму с автоматом наперевес, а другой открывал журнал для соответствующей записи «о пересечении периметра». На этот раз наряд сразу понял, что случилось нечто экстраординарное — приближающийся «Газон» швыряло по сторонам, а в кабине не было офицера, один водитель-срочник. Скрипнули тормоза и Лях, как называли Ляховецкого в полку, грузно вывалился из кабины. В глазах наряда застыл немой вопрос.

«Мужики, телефон срочно! Капитана Лыкова убило, остальные в отключке, да и мне хуево, едва держусь!» — выпалил Ляховецкий.

«Что случилось?»

«А кто его знает — радар всех пожег!»

После этих слов солдаты подхватили Ляха и потащили его в будку. «Куда звонить то? Дежурному?»

«Давай дежурному, а потом куда повыше. В штаб полка звони!»

Дежурный было пустился в пространные расспросы, что да как, но короткий доклад Ляха положил конец его сомнениям: «Товарищ Дежурный, нам тут пиздец. Если врача не будет, то щас еще трое сдохнут. Самому мне их не доставить — не могу я машину вести, голова сильно кружится. Меня тоже радаром немного ебнуло.» Быстро меняющееся настроение оключило в голове Ляха понятие о какой-либо субординации, поэтому он без тени стеснения и сыпал матюками дежурному офицеру. Дежурный сразу позвонил в полковой медпункт, затем в штаб. Поставив всех на ноги он прыгнул в УАЗ и покатил к месту происшествия. Минут через 10 Дежурный был у КПП, вместе с экстренно вызванной техгруппой, а еще через минуту туда прибыли доктор и фельдшер на своей «санитарке». Доктор кольнул что-то стандартное, вроде корглюкона, и занялся установкой внутривенных систем. Самых тяжелых пострадавших, Иванюка и Альмухамедова, положили на носилки и потащили в «санитарку». Ляховецкого и Синявина оставили на полу в кунге. На КПП зазвонил телефон, это сам командир полка требовал доклада. Выслушав что и как, приказал времени не терять и везти пострадавших напрямиком на аэродром. А еще минут через сорок вся четверка уже находилась в воздухе в пустом брюхе военно-транспортного самолета ИЛ-76. Тогда же из Клиники Военно-полевой Терапии вышла санитарная машина на аэродром «Ржевка», что под Ленинградом. Пересечь половину Ленинграда по времени заняло столько же, как и полет из соседней области. Самолет и «скорая» прибыли на аэродром практически одновременно.

Как только пораженные были доставлены в Военно-Медицинскую Академию встал вопрос, от чего же их лечить? С Ляховецким все было более-менее ясно — у парня активно съезжала крыша, были дополнительные неврологические симптомы и острый цистит не совсем понятного генеза — воспаление мочевого пузыря. Впрочем, чего же тут не понятного? Что мозги, что мочевик — наиболее «мокрые» органы. Вот их СВЧ и зацепило в первую очередь. Были вызваны психиатр, невропатолог и уролог. После того, как необычный консилиум назначил терапию, дела у нашего шофера быстро пошли на поправку. Цистит прошел за неделю без особого лечения. Какое-то время сержант еще демонстрировал странные симптомы, напоминающие смесь сотрясения мозга, менингита (воспаления твердых мозговых оболочек), слипчевого арахноидита (воспаления мягких мозговых оболочек) и алкогольного опьянения с крайней психоэмоциональной лабильностью, но через пару месяцев и это прошло. Паренька еще с полгода потаскали по клиникам Академии науки ради, а потом выписали в часть, как раз под его дембель. Легко отделался.

С остальными было куда труднее. Состояние прапорщика Иванюка было очень тяжелым. Несмотря на проводимые реанимационные мероприятия никакой положительной динамики (улучшения) не было. Через двое суток у него стало сердце. Попытки запустить его электростимуляцией и непрямым массажем оказались абсолютно безуспешными, и прапорщик умер так и не придя в себя. Однако его смерть спасла жизнь оставшимся. На вскрытии открылась поразительная картина — вся радарная травма состояла из элементарных ожогов внутренних органов. При этом, где воды больше, там сильнее ожог. Ожоги не захватывали органы сто процентно, а лежали на их «поверхности» — на фиброзных капсулах печени и почек, на мозговых оболочках, на эпителии мочевого пузыря, на эндотелии крупных сосудов. И на перикарде — сердечной сорочке. У пораженного развился острый фибринозно-экссудативный перикардит, состояние, когда вокруг сердца накапливается много жидкости с фибрином, веществом образующем тромбы в крови. Перикард то дренировали, а вот восстановить нормальную свертываемость крови так и не удалось. В обожженных изнутри крупных сосудах образовались пристеночные тромбы, которые и привели к инфартам и эмболии — непосредственной причине смерти. Предотвратить такое было трудно, но зато ясно стало, как лечить. Лечить следовало не от мифической радарной травмы, а

от ожоговой болезни! Ожогами же объяснялась и внезапно наступившая слепота — сетчатка глаза просто сгорела.

Теперь на консультацию пришли комбустиологи, специалисты по ожогам. Подключили аппараты для очистки крови, стали коррелировать ее агрегатное состояние — чтоб в сосудах не сворачивалась, но и чтоб через сосудистую стенку не сочилась. Дополнительно лили много жидкости в вену и специальными лекарствами форсировали диурез, или отделение мочи. Такое тоже организм от ожоговых токсинов чистит. Вскоре кризис миновал, вернулось сознание и дело пошло на поправку.

По началу состояние Альмухамедова было тяжелее, чем у Синягина. Перикардит развился быстро, но после того, как всю жидкость, сдавливающую сердце, выпустили и сердечную сумку промыли специальным раствором, спаек не образовалось. Вот у Синягина жидкости вокруг сердца было мало, а фибрина в виде спаек — много. Стало его сердцу трудно биться, пришлось переводить в Госпитальную хирургию, где ему хирургическим путем эти спайки рассекли. Долго ребята на койках пролежали. В конце концов функции внутренних органов полностью восстановились. Только радости солдатам с того мало было. Остались они инвалидами на всю жизнь — мертвую сетчатку глаза не починишь. Как радар ее сжег, так видеть им нечем стало, зрение потеряно бесповоротно.

Много лет спустя в тридевятом царстве, в закордонном государстве тоже производился ракетный перехват — где-то над океаном высоко в ионосфере неслась боеголовка-макет, а на нее летело killer vehicle, убийственное транспортное средство. Тридевятое царство решило ракеты-перехватчики вообще без взрывчатки делать, «упростив» задачу до уровня «собьем пулю пулей». Радар построили на высоком холме, выступающим большим мысом в океан. Поразительна была и территория вокруг радара. Там стояли в большом ассортименте огородные пугалы, какие-то вертушки, трещалки, рядом висели динамики, которые пищали, звонили, клекотали по-ястребиному, заполняя все вокруг невыносимой какофонией самых разнообразных звуков. Оказалось от птиц. Но птиц, похоже, это нисколько не волновало. Мимо чинно пролетали здоровые коричневые пеликаны, а чайки и вороны просто кишели в небе. И вот радар заработал. Пых-пых-пых — птички попавшие под лучик забавно взрывались, оставляя после себя маленькие облачка перьев и сажки. Вот это настоящая радарная травма!

ЛЁТЧИК КИПЯЧЁННЫЙ

На уроках физики в советских школах был популярен один опыт: учитель ставил стакан с холодной водой под герметичный стеклянный колпак, подсоединенный к вакуумному насосу. Затем воздух отсасывался из-под колпака, и холодная вода вмиг закипала перед изумленными учениками. Так в разделе «термодинамика» демонстрировалась связь между давлением и точкой кипения. Вспомнили такую зависимость? Она и будет преамбулой к этому рассказу. В общем-то для проницательного читателя уже всё ясно, и если Вам не по нутру цинизм военно-медицинской судебной экспертизы, то дальше лучше не читать.

В начале 80-х в Советском Союзе развернулись работы по созданию космического корабля многоцелевого использования «Буран». Корабль был создан, да только не использовался — перестройка помешала. Но в те годы о такой перспективе российских космических новаций ещё никто не ведал, и научные изыскания в данной области шли полным ходом. Одной из задач было создать автоматическую систему планирования и посадки. При посадке все космические челноки больше всего похожи на летящие с громадной скоростью утюги с маленькими крылышками, нежели на самолеты — топлива

в них уже нет и двигатели не работают.

В СССР был один очень скоростной истребитель-перехватчик МИГ-25. До появления американского SR-71 (Black Bird), он более десятилетия держал абсолютный рекорд скорости для самолетов. Вот и создали из него машину по испытанию некоторых узлов «Бурана», конечно же проведя глубокую модернизацию самого планера МИГа. Многие дюралевые детали внешней обшивки сменили на титан, а там где был титан, стал ниобий. Из-за громадной стоимости эту машину, существовавшую в единственном экземпляре, в шутку стали называть «жарптицей». Изначально выбрали учебный, двухпилотный, вариант МИГа. Первое место было освобождено под испытываемую навигационную систему, а на заднем месте сидел пилот — он корректировал, а по тому времени и программировал, электронику по принципу «аналог моих действий», ну и сажал самолет, если автоматика барахлила. Для придания дополнительного силового момента и достижения необходимой скорости придумали нехитрый, но весьма эффективный метод «разгона на лапах» — вместо ракет и подвесных топливных баков под крыльями подвесили твердотопливные ускорители. Истребитель ими «стрелял», как ракетами, но не отпускал их со своих «лап» до полной выработки топлива. По слухам, этот самолетно-ракетный гибрид перекрывал SR-71 и по скорости, и по потолку, забираясь на 4-х Махах (скоростях звука) далеко за 30 км, где и сам-то аэродинамический полёт крайне проблематичен — воздуха мало. Правда активное полётное время было очень коротким — около двадцати-тридцати минут, но для поставленной задачи большего и не требовалось. Само собой разумеется, что для экономии времени и средств, модернизировали только то, что не менять было нельзя. Самолёт не предназначался для долгой эксплуатации, и многие узлы безжалостно выкидывались для облегчения взлетной массы, что неизбежно сказалось на общей надёжности машины.

И вот однажды, по неведомым мне причинам, на пике высоты и скорости случилось ЧП — сброс колпака, как при катапультировании лётчика. При этом само кресло с лётчиком не «отстрелилось». Летуны таких машин всегда находятся в специальных стратосферных костюмах, способных компенсировать разгерметизацию, да только не в позиции мотоциклиста на скоростях вчетверо превышающих скорость звука. Давайте опять вспомним школьную физику — сопротивление среды возрастает пропорционально квадрату возрастания скорости. То есть, если обычный лётчик-истребитель с громадным риском для жизни катапультируется на двух скоростях звука (а это уже быстрее скорости снайперской пули) — поток воздуха ломает кости и рвёт в клочья суперпрочный материал костюма и обшивку кресла. В данном случае сопротивление среды было в четыре раза выше. На скорости 4М трение об воздух даже метал горячим делает, а уж пластик-синтетику... Четырёхкратного запаса прочности не только для лёгких скафандров, но и для тяжёлой техники не предусмотрено.

Уникальность ситуации в том, что лётчик был жив в первые секунды после аварии, видимо его гермошлем «потёк» позже. Видя безвыходность ситуации, после того как не сработал пиропатрон под креслом, он каким-то чудом и абсолютно нечеловеческим усилием сумел переключить самолёт на «бурановский» автопилот. Через десять минут автоматика благополучно посадила машину на взлётно-посадочную полосу военного аэродрома «Горелое».

К самолёту немедленно прибыла специальная группа. Портативных видеокамер тогда не было, и документальную съёмку производили на допотопную кино— и фотоплёнку. То, что мы позже увидели на экране, впечатляло. Стороны пилотского кресла, попавшие под прямой воздушный поток казалось были срезаны циркулярной пилой. Прочные гофрированные шланги с металлическими кольцами для подачи воздушно-кислородной смеси в гермошлем были стёсаны, как будто какой-то вандал довольно долго их обрабатывал грубым напильником. Все пластиковые части пилотской кабины жутко оплавлены, а по остаткам штурвала похоже прошлись пескоструйным аппаратом или ножовкой. Также были проплавлены боковые поверхности гермошлема, а пластиковый щиток-забрало выглядел так, словно его хорошенько пожгли паяльной лампой. Алюминиевые части скафандра казалось попали под автогеновый газовый резак, металл был оплавлен, а кое где и испарился, сгорая оставив только тонкий оксидный

слой. Чудо, что сам самолёт не сгорел. Всё же 25-й «Мигарь» — гениальная конструкция для своего времени!

Но самое интересное было впереди. Труп лётчика прямо в скафандре быстро доставили в прозекторскую Кафедры Судебной Медицины и Экспертизы Военно-Медицинской Академии. Плечей и рук у трупа не было. Плечи срезало воздушным потоком, а руки, судя по характерным повреждениям оставшихся окружающих тканей, вырвало ещё раньше. Вдавления на теле свидетельствовали, что какие-то секунды оторванные руки болтались флагами в рукавах высотного костюма, и отлетели только после того, как перегорел пластик и изорвалась тонкая проволока, вплетённая в определённые места на плечах.

Парадокс, но голова лётчика была на месте. Шлем плотно вклинило в оставшийся каркас модернизированного «Казбека», высокого пилотского кресла, хотя то, что было ниже довольно сильно пострадало — шея была ободрана до позвоночного столба, на котором остались засохшие кусочки когда-то мягких тканей, ставших весьма твёрдыми. Под шейным кольцом гермошлема болталась размочаленная бахрома авизента, а через забрало смотрело страшное лицо пилота. Лицо было плотно прижато к пластику, и причина этого была выявлена сразу, как сняли шлем. Вследствие резкой разгерметизации внутричерепное давление просто взорвало мозговой череп, который моментально раскололся по всем основным швам, а вот с лицевым черепом, такого не произошло — там в костях много воздушных полостей, скомпенсировавших абарический удар. Дальше набегающий под кольцо шлема воздушный поток плотно впечатал лицо в забрало, заодно основательно подсушив биологические жидкости, попавшие в шлем. Глаза пилота были широко открыты, а вместо чёрных зрачков на нас смотрели мутно-белые. Хоть роговица глаз и разорвалась от кипения стекловидного тела глаза, горячий пластик «сварил» прижатые к нему глаза, как яйца всмятку — белый цвет свидетельствовал о тепловой денатурации белка.

На вскрытии тоже были удивительные вещи — крови не было. Камеры сердца были пусты и вместо крови там были ярко-красные пузыри. Кипение просто вытолкнуло кровь из сердца, да и в аорте и лопнувших крупных сосудах вместо крови была пена — следствие бурного выделения кислорода из гемоглобина и, опять же, кипения плазмы. Печень напоминала поролон, настолько вся она была забита мелкими пузырьками. При прикосновении к коже трупа, последняя издавала странный звук, похожий на скрип снега под сапогами в мороз. Это явление (подкожная газовая крепитация) было вызвано тем, что жир в подкожно-жировой клетчатке тоже закипел.

Причину смерти описали просто — разрыв мозга и гипобарическое закипание всех биологических жидкостей тела. Единственным положительным моментом для бедняги лётчика было то, что его смерть была мгновенной.

ЛЁТЧИК В ПОЛЛИТРОВОЙ БАНКЕ

В начале 80-х в войска стали поступать новые МИГи-29. Тогда машина считалась секретной, и многие ее узлы активно совершенствовались. Одно такое, казалось бы, незначительное, экспериментальное новшество было установлено на одном из самолетов, дислоцированных под Лугой. Штурвала на этой машине нет — вместо него между ногами летчика торчит РУС — ручка управления самолетом, больше всего напоминающая джойстик для компьютерных игр. Суть новшества была довольно простой — под указательный палец правой руки на РУСе было установлено специальное титановое кольцо, помогающее летчику держать руку. Прижилась ли эта маленькая новация или нет — я не знаю. Но знаю одну печальную историю, связанную с этим колечком.

Как-то на кафедру судебной медицины Военно-медицинской академии срочной фельдъегерской почтой (а попросту военным гонцом на УАЗике) доставили поллитровую банку, обложенную брикетами сухого льда. В этой банке было собрано все, что осталось от летчика, вернее, все то, что военный судмедэксперт смог собрать на

месте авиакатастрофы. Сама по себе катастрофа новейшего секретного истребителя — это уже ЧП всеармейского масштаба, а эта еще сопровождалась весьма неприятными обстоятельствами. Были громадные сомнения, что тут дело было не в технической исправности самолета...

Погибший пилот-подполковник был очень опытным летчиком, из тех, кого называют асами. Отлично летал в Афганистане, был заслуженно награжден многими боевыми орденами и медалями. При судебно-психиатрическом анализе, а последний можно было сделать только косвенно на основании личного дела, записей в летной книжке и бесед с сослуживцами, был он личностью хладнокровной, способной к принятию правильных и молниеносных решений. В авантюрах никогда не замечен, хоть и крутил такие фигуры высшего пилотажа, что многим другим асам было завидно. Часов у него столько было налетано, что на теперешний авиационный полк хватило бы...

Но все же одно неприятное «но» оставалось. Была у этого подполковника вполне благополучная семья — жена-красавица и двое деток. Тогда советское государство о военных заботилось: летная зарплата плюс зарплата жены позволяли жить без проблем. Обитали они в ДОСе (доме офицерского состава) при части в хорошей благоустроенной трехкомнатной квартире. Луга недалеко — городок тихий, да и до Ленинграда рукой подать. Не служба, а мед, мечта многих офицеров. По описаниям сослуживцев, семья была счастливая, ни ссор, ни скандалов у них никто не помнил.

Так вот на фоне общего благополучия несколько месяцев назад его старший сын отдыхал в пионерском лагере на Волге, где смылся с тихого часа купаться и утонул. Сильно переживал подполковник эту трагедию, даже был отлучен от полетов на какое-то время. Однако мужественная душа военного переборола драму, и вскоре подполковник снова окунулся в летную работу. Тащил службу за пятерых, пытаясь заглушить боль души и тоску по сыну. Командование причину его рвения понимало и от этого еще больше ценило. Да и само время, лучший доктор, свое дело сделало — забываться боль утраты стала, ушла из повседневной жизни этого военного.

Приходит подполковник накануне катастрофы к себе в квартиру и видит — некоторых вещей его любимой жены нет. Нет и маленькой дочки, и самой жены. Через несколько минут телефонный звонок. Подполковник берет трубку. Жена звонит. Просит не перебивать. Извиняется за содеянное и сообщает подполковнику пару «приятных» новостей. Новость первая: второй ребенок — не его. За взятку врач-гинеколог написала преждевременные роды. Нормально ребенок родился, даже несколько переходила. Написали так, чтоб сроки под «афганский» отпуск подполковника совпали. Дочка, оказывается, — от жениного однокурсника, с которым страстная любовь еще со студенческой скамьи. Старый друг ее так любит, что сам до сих пор не женат. Однокурсник этот в большие люди выбился, во Внешторге работает, не чета какому-то там подполковнику ВВС. Новость вторая: тайным встречам конец, жена, теперь уже можно считать, бывшая. Сделано предложение, которому — «да», ну, а подполковнику — соответственно «нет». Всё, что у них было, — оказывается, трагическая ошибка поспешного выбора. Дальше просит не беспокоиться и начать устраивать свою новую холостую жизнь. Типа, «Мужик ты видный, в своей Луге девку быстро найдешь. А за алименты совсем не волнуйся — никаких алиментов не будет. И никакой твоей жилплощади не надо. Новый муж имеет свою шикарную квартиру в Москве и безоговорочно принимает отцовство. Родители у него тоже очень большие люди, с разводом помогут, все будет быстро и чики-чики, на твоей карьере никак не отразится. Не змея же твоя бывшая жена...».

Подполковник весь этот монолог молча выслушал, ведь обещал же не перебивать. Действительно мужик железный был. Лишь в самом конце сказал пару слов: «Все? Ну раз все, то тогда, прощай!» — и повесил трубку. Ни в какой винно-водочный он не побежал, дабы топить свое горе, ни к каким друзьям звонить не стал, дабы излить свою душу: зачем людей после тяжелого дня беспокоить? У всех своих проблем по горло, а завтра очередной полетный день — всем надлежит хорошо выспаться, чтобы быть в надлежащей форме. Залез подполковник в свой холодильник, поел «осиротевших» жениных котлет и лег спать. Никто бы и не узнал об этом разговоре, кабы после ЧП военные следователи жену не разыскали.

Ни свет, ни заря подполковник — в части. Предстоит сложный полет в двойке с одним майором. Что касается летного дела, то майор тот, тоже ас, на подполковника как на отца-наставника смотрел, хоть по возрасту был близок, да и вне службы все их друзьями считали. Летали они в элитной эскадрильи, где были собраны лучшие летчики и техники полка. Вместе проходят предполетный медосмотр. Перед осмотром друзья непринужденно болтают, обсуждают детали предстоящего задания, шутят на отвлеченные темы. Друг-майор ничего особенного в настроении подполковника не замечает. Авиационный военврач тоже ничего не находит. Руки не дрожат, нервные рефлексы в порядке, глаза не красные, кровяное давление и сердцебиение в норме. Явно выпался мужик, к полету готов, физическое состояние отличное. Заключение простое: «До полета допускаю».

Развод. Уточнение учебно-боевой задачи. Ни командир, ни другие офицеры ничего странного в поведении подполковника не замечают. Как всегда собран, все высказывания строго по делу.

Подходят к самолетам. Разговор с офицером-техником всегда душевный. Верят летуны своим ангелам-хранителям, да и техники за годы работы свих летунов насквозь видят. Ничего странного техник в подполковнике в то утро не заметил. Доложил как положено: «Товарищ подполковник! Ваш МИГ-29 к вылету готов. Неполадок нет.» А неполадок, похоже, действительно не было. Уже после ЧП госкомиссия по данным телеметрии и остаткам «черного ящика» определила. Вообще-то этот ящик совсем не черный и совсем не ящик. Бортовой самописец больше всего напоминает большой приплюснутый ярко-оранжевый мяч, в бронированном нутре которого медленно ползет суперпрочная магнитная проволочка, фиксируя кучу параметров. В этой катастрофе этот «неразбиваемый» блок весьма сильно разбился, но кое-какие участки проволоки уцелели. К счастью, те, что последние моменты «жизни» машины фиксировали. За исключением самих полетных условий, работа всех систем была в норме.

Вот и взлетная полоса. Голос диспетчера в наушниках дает паре взлет. Два «мигаря» на полосе стартуют как бегуны на эстафете — один чуть сзади и сбоку от другого. Короткая пробежка, и две хищных птицы синхронно поднимаются в воздух. Короткий и крутой набор высоты. Выход в заданный район. Форсаж. «Горшки под хвостами» выбрасывают яркие оранжево-голубые языки пламени. На земле слышен грохот «взломанного» звукового барьера. Начинается работа на перехват и страшные перегрузки. Пара работает технично и слаженно, тянет на явную пятерку. «Земля» довольна. Командир полка то тычет пальцем в экран радара, то задирает большой палец вверх. И вдруг на заданной «потолочной точке» самолет подполковника начинает карабкаться дальше вверх. Командир полка с досадой всплескивает руками. Эх, какая пятерка сорвалась! С земли сразу идет команда: «Нарушение полетных условий, вернитесь на заданную высоту!». В ответ привычное: «Вас понял. Есть вернутся на заданную высоту. Выполняю». Но вместо нормального снижения самолет подполковника выполняет вертикальное пике строго вниз. Пике вниз на полной форсажной тяге. Восемнадцать километров высоты кончаются за секунды. Самолет на максимальной скорости, усиленной силой земного притяжения, врежется в землю, как метеорит. Местность безлюдная, сопутствующих разрушений нет, исключая огромного кратера в болоте.

Наверное, каждый читатель уже выдвинул свою версию происшедшего. Версию простую, и я уверен, что правильную. Уж больно очевидны факты последнего вечера жизни этого подполковника. Но предположить еще не значит доказать. А доказать было необходимо.

Разложили светила военной судмедэкспертизы обугленные косточки из баночки на белую простынку и стали думу думать. Ну, как в такой ситуации доказать, что в момент падения самолета пилот был в сознании? Причем доказать стопроцентно. Сама постановка задачи выглядит довольно глупой шуткой.

Отправили кусочки тканей, что не совсем сгорели, на анализы. Результат полностью отрицательный — ни наркотиков, ни ядов. И тут одного молодого капитана-адъюнкта (военного аспиранта) мысль посетила: ведь среди найденных костных фрагментов есть два куса проксимальной фаланги указательного пальца правой руки! Как раз той

косточки, что в кольце на РУСе должна быть. Сложил сей начинающий судмедэксперт две половинки, два костных фрагмента, и точно — очень уж характерный перелом получается — колечко в момент удара косточки как ножом рассекло. Сразу на завод-изготовитель ушел срочный запрос. Необходимо было измерить некоторые размеры кабины, прислать технический рисунок ручки и к нему это титановое кольцо.

Ответ пришел в секретном пакете с нарочным через пару дней. Взял этот адъюнктик техрисунок и пошел в протезную мастерскую Академии. Столяр с предложенной работы только усмеялся. За десять минут он отрезал по заданному размеру деревянный брусок и сколотил грубое подобие РУСа — штурвала МИГа-29. Грубое, но по размерам точное. Затем на точиле, а дальше обычным рашпилем подогнал рукоятку под форму рисунка и на два шурупа прикрутил титановое кольцо, а внизу прикрепил поперечную планку на обычном дверном навесе. До миллиметра вымерил размеры. Копия получилась смешная, но для следственного эксперимента вполне пригодная. Далее эту «швабру» прибили к обычному листу фанеры.

На следующий день наш адъюнкт пришел на построение 3-го курса 3-го факультета подготовки летных врачей. Из кармана его кителя выглаживал токарный штангель-циркуль. Коротко переговорил с начальником курса. Тот дает команду: «Всем курсантам, вес которых 85-86 килограммов, шаг вперед!». Бух по полу, такие курсанты вышли. Следующая команда: «Из вышедших всем курсантам, у которых рост метр семьдесят девять, — шаг вперед!» И эти вышли. Уже совсем небольшая группа. Третья команда: «Последние вышедшие поступают в распоряжение капитана, остальным — разойтись!» Завел кэп эту группу в класс для самоподготовки и давай им руки мерить.

Отобрал адъюнкт двух «подопытных кроликов» и повел их на кафедру авиационной и космической медицины. А на той кафедре кресло, аналог кресла МИГа-29, имелось, установленное на специальном тренажере. На тот тренажер и поместили фанерный лист со «шваброй», изображающей штурвал-джойстик. Но все размеры реального МИГа были точно соблюдены. Посадил адъюнкт первого курсанта в этот «самолет», пристегнул его к креслу ремнями, а колечко на ручке предварительно краской обмазал. «Держи, курсант, штурвал!» — курсант держит. Тренажер наклоняет кресло на угол того пике, когда произошла катастрофа. «А теперь расслабь руки!» — руки падают с импровизированного штурвала, палец выскальзывает из кольца. «Снова держи! А теперь мы тебя чуть тряхнем!» — палец касается металлического ободка кольца, и нанесенная краска рисует на пальце линию под характерным углом, точь-в-точь по разлому кости. Курсант слазит с тренажера, линия на пальце фотографируется. «А теперь, коллега, выходите из пике — ручку — вниз и на себя» — меняют угол наклона «швабры» и снова трясут. Линия на пальце уже не совпадает с линией перелома. Потом трясут без изменения угла — вдруг ручку заклинило и элероны не слушаются. Линии на пальце получаются разные, опять на перелом непохожие. Закончив с первым курсантом, занялись тем же со вторым. Бесчисленное количество фотографий — следственный эксперимент номер такой-то и рука на сантиметровой сетке. Наконец со стендовым моделированием покончено. Пленки быстро сдаются в фотолабораторию, и к утру получены фотографии.

Картина предельно ясна — удержать палец на ручке-штурвале можно только в полном сознании и при полном сохранении мышечного тонуса. А учитывая реальные перегрузки под форсажем, для этого еще необходимо обладать недюжей физической силой и быть тренированным — слабак так руку не удержит. Характер перелома дистальной фаланги указательного пальца правой руки стопроцентно подтверждает, что никаких попыток вывода из пике в момент удара о землю летчиком не проводилось. Любой мало-мальски здравомыслящий человек сделает такой вывод.

В последний миг своей жизни наш подполковник был в полном сознании и прилагал значительные физические усилия, чтобы вести исправную машину вертикально вниз.

ДУШ С РАСЧЛЕНЕНИЕМ

В начале 80-х недалеко от Финбана велись земляные работы. Отсыпали здоровую насыпь на Выборгской железнодорожной ветке. И вот один из бульдозеристов заметил какие-то куски в земле. Мясо напоминают. Остановился, вышел и обомлел. Мясо то с человеческой кожей оказалось. Работам стоп, звонок ментам.

Менты приехали, попросили раскопать. Извлекли мясо. Больше ничего не нашли — ни одежды, ни иных зацепок. Куски мелкие, но почти целый труп складывается. Явно мужской. Лицо восстановить невозможно — череп сильнее всего разбит и фрагментирован. Труп должен быть свежий, больше 24, но менее 48 часов. Метод расчленения не ясен. Края явно не резано-рубленные. Да и вообще, какие-то странные. Выглядят как будто эти фрагменты человеческого тела помыли, вроде как мясо перед варкой. Чушь какая-то получается — помыли и закопали. Уверенно определить откуда земля, приехали ли куски на самосвале или захоронены на месте оказалось сложно. В одно и тоже место одновременно по крайней мере с восьми точек землю возили. Да и грунты схожи, плюс все перелопачено здорово.

Вся надежда на экспертизу. Взяли пробы землицы, собрали куски, разложили по кулечкам и отправили на Кафедру Судебной Медицины, что в Военно-Медицинской Академии. Определяйте, товарищи эксперты, откуда тело приехало, по той земле, что на мясо налипла. Заодно заключеньице дайте — что это такое интересное с трупом сделали. Ну и главное — причину смерти, если сможете.

Собрались светила экспертизы. Сняли первично-налипший грунт. Быстро выяснили, что останки расчлененного тела были закопаны в землю, которую свозили с метрополитена. Следов крови в грунте нет — расчленение на месте исключается. А вот с самим методом расчленения и причиной смерти проблема. Ни на что не похоже — ни пилено, ни разорвано, ни передавлено. И в то же время чем-то все методы сразу напоминает. Никаких дополнительных ран-травм на фрагментах не обнаруживается. Сердце-почки-печень в норме. Похоже был здоровый молодой парень семнадцати-восемнадцати лет. И вроде как его живого по щучьему велению на запчасти разобрало.

Подготовили ткани на микроскопию. Еще загадочней — ткани водой напитаны, вроде как кто ее туда под давлением закачал. Догадочка одна возникла. Так как подобное на кафедральной практике не встречалось, решили провести эксперимент. Заказали молодого поросеночка со спецфермы и послали гонца в поликлинику Академии за безигольным инжектором для солдатских прививок. Этот аппаратик без иголок укол делает — напором жидкости кожу прошивает. И поросенок нужен был не для шашлыка — просто у маленьких хрюшек кожа и мясо по механическим характеристикам на человежье похоже. Вот этому поросеночку кучу уколов обычной водой сделали, потом умертвили, а места уколов изучили под микроскопом. Картина разрушения тканей идентична с найденными кусками. Для верности еще холодного трупа покололи — там размозжение иное. По результатам экспертизы и следственного эксперимента интересная вещь получается — расчленили живого человека, порезав его струей воды под громадным давлением! Об этом и доложили следакам. Дальше распутывание дела заняло часа три.

Оказалась вот такая история. В Метрострое была водяная пушка. Такая штука в горно-добывающей промышленности используется — она дает струю столь большого давления, что та выбивает камень куда быстрее отбойного молотка. В СССР гидропушки популярны были — беспыльная выработка, вроде как о здоровье проходчика забота. Вот и совали этот метод куда ни попадая, в том числе и на строительство метрополитена. Но там грунта мягкие и от такой пушки толку не было. Не пропадать же добру, и работяги нашли этой «брызгалке» хорошее применение — на самом малом напоре смывали грязь в построенном туннеле. Работала эта пушка всего-ничего, а все остальное время стояла без дела для голой отчетности.

Пришли в Метрострой два пэтэушника на практику. Работали с месяц, пушку при них ни разу не включали. Да они и не знали толком, что это. Знали — туннель мыть. Каждый день после работы были грязные и потные, а до душевых далеко было тащиться. Вот этим умникам после конца смены пришла в голову блестящая мысль — далеко не ходить, а прямо на проходке помыться. На гидропушке была надпись «при большом давлении струя горячая». То что надо! Устройство в управлении простое. Врубают

давление на максимум, чтоб душ приятней был. Один разделся и под «краник» стал. Другой у пульта струю врубает. Ну водичка и того — дружка пополам.

«Оператор» испугался. Хоть и непреднамеренное, а убийство. Лет на шесть по минимуму. Вокруг никого, свидетелей нет. Парень решил выкрутиться — положил дружковы половинки на толстый стальной щит и погромсал той же струйкой. Потом куски закопал прямо на ленте землепроходочного комбайна, а место происшествия хорошенько замыл. Утром транспортер скинул дружковы останки прямиком в самосвал — никто ничего бы и не заметил, если б не бульдозерист.

Пошел таки парень за непреднамеренное, но уже с весьма отягчающими.

ИЗЛЕЧЕНИЕ ОТ РАКА

В конце 1970-х в городе Выборге жили-были два врача — доктор Райтсман и доктор Кузнецов. На чём специализировался доктор Райтсман я забыл, а вот специализацию доктора Кузнецова я буду помнить до самых глубоких седин старческого маразма. Онколог он был. Причём если верить материалам того уголовного дела и документам, присланным на судебно-экспертную медицинскую оценку, то онкологом он был классным. Никаких диссертаций не писал, но в части практического лечения многих злокачественных заболеваний, да и по теоретическим знаниям, доктор Кузнецов запросто мог составить конкуренцию какому-нибудь периферийному профессору из областного мединститута. Коллеги о Кузнецове давали самые положительные отзывы: взятки не брал принципиально, специальную литературу читал тоннами, в консультациях не отказывал, а когда консультировал, то нос не задирает и был всегда профессионально честен — слова «этого я не знаю» не боялся. Добрый, по характеру уравновешенный, жизнью доволен, хороший семьянин, никаких психопатологических выходов за всю жизнь этого доктора не зарегистрировано. От пациентов отбоя не было, а сами пациенты и их родственники только гимны славы этому доктору пели — лучший критерий оценки любого врача. Одним словом, как тогда говорили, достойный советский человек.

Доктор Райтсман и доктор Кузнецов были близкими друзьями. Антисемитизм в среде настоящих врачей-профессионалов явление редкое, особенно в советское время. Там больше профессиональные и личностные качества ценятся, нежели национальность. Дружили доктора семьями, прочно и долго. Дети в этих семьях друг друга с раннего детства знали, и отношения у них были как у близких родственников. Жёны ни одного праздника не помнили, где бы порознь. Даже отпуска подгадывали так, чтоб всё было одной большой компанией. Да и увлечения у этих докторов были одни и те же — любили выходы на природу, особенно грибы и охоту на боровую дичь.

На здоровье друзья не жаловались, и хоть медицину знали, оба смолили папиросы «Беломор» как сапожники. Ну и разумеется у обоих были хронические бронхиты заядлых курильщиков — периодически друзья друг у друга выслушивали свистящие хрипы в лёгких и шутили на тему тех же сапожников без сапог. Такое наплевательское отношение к собственному здоровью было весьма распространено в интеллигентной провинциальной среде того времени.

И вот пришла семья Райтсманов в дом Кузнецовых встретить Новый Год. Советское Шампанское на столе, лучшие коньяки и деликатесы — не взятки, а знаки почтения от благодарных больных. По телевизору Брежнев поздравление отшамкал, часы бьют двенадцать. Все поднимают фужеры и пьют первый тост за наступивший. Улыбки, радость на лицах, предвкушение хорошего застолья. Но через минуту доктору Райтсману становится плохо — он бледнеет и бежит в туалет. Там его скручивает сильный желудочный спазм, а минутой позже приходит облегчение в виде рвоты. Доктор Кузнецов без всяких церемоний открывает незапертую дверь, входит и смотрит в унитаз. Там свежевыпитое шампанское с прожилкой крови. Новогодний вечер испорчен — рвота с кровью без причины всегда тревога для онколога.

Без всяких церемоний Кузнецов заводит друга в спальню, просит раздеться и лечь на

кровать. Пальцы привычно утопают в ставшей податливой передней брюшной стенке. Мнёт Кузнецов живот другу и становится всё серьёзней и серьёзней. Долго мнёт. Жены за стол зовут, хватит мол, с кем не бывает. Перестаньте, мужики, друг на друга страх нагонять. Идите коньячку по маленькой — всё как рукой снимет! Не слушает доктор Кузнецов, злой стал, орёт чтоб не мешали. Пошёл периферийные лимфоузлы пальпировать, лезет в пах, давит подмышками и над ключицами. А в одной из надключичных ямок непонятный желвачок. Хватает стетоскоп и долго слушает лёгкие. Потом основательно выстукивает грудную клетку. И начинают дрожать пальцы у доктора Кузнецова... «Ладно, пошли к столу. Пить не советую и кушай умеренно. Завтра с полудня ничего не есть, с шести вечера и жидкости не пить, а второго числа с самого утра ко мне в кабинет.»

Второго января с утра первый раз в своей жизни доктор Кузнецов послал куда подальше своих плановых больных. Регистратура обозлилась, да высок был кузнецовский авторитет. Кому талончики переписали, кого, несмотря на протесты, к другим докторам направили, кого попросили подождать. Всё утро возился доктор со своим другом. Лично водил на рентген и в лабораторию. Принёс рентгенологу бутылку «Наполеона» давно стоявшую музейным экспонатом дома, а после разговора с завлабораторий на столе оставил коробку «Пиковой Дамы». Среди коллег такие вещи не популярны, сотрудники подарки принять отказываются — принцип «ты мне, я тебе» дороже. Отнесли подарки назад и отдали медсестре, что в кабинете у онколога сидела.

Наконец вернулся Кузнецов к себе в кабинет и сразу за телефон. На весь Выборг тогда единственный эндоскоп имелся. Эндоскоп — это такая штука, которой через рот в желудок залезть можно, посмотреть, что там творится, ну и биопсию взять, отщипнуть кусочек тканей на анализ под микроскопом. Звонит эндоскописту, просит немедленно приять больного Райтсмана. Эндоскопист тоже весь день скомкал, но раз аж сам Кузнецов просит, то будет сделано. Затем хирургу звонит — моему другу нужно срочно лимфоузел из надключичной ямки выерзать, опять же на гистологию. Затем патологу — ставь на уши всю свою патогистологическую лабораторию, а мои анализы в первую очередь! И тот согласен. Ещё просит несколько дополнительных стёклышек с прокрашенными тканями подготовить — для его собственного изучения и если кому на консультацию послать придётся. И это будет сделано. Надо сказать, что доктор Кузнецов сам микроскопа не чурался. Стоял у него в кабинете отличный бинокляр и стоял отнюдь не для мебели. Частенько Кузнецов у него просиживал, изучая сложные тканевые изменения с подозрением на малигнизацию.

Всё, что надо доктору Райтсману сделали. Как никогда быстро все результаты легли на кузнецовский стол. Остался Кузнецов после работы, обложился атласами по онкологической патологии и стал смотреть препараты тканей своего друга. Сидел за микроскопом допоздна, иногда переводя глаза с микрополя на матовый яркий экран на стене, где висели многочисленные рентгеновские снимки больного Райтсмана. Опустела поликлиника, вот уже и дежурному терапевту надо уходить. Дождался Кузнецов, когда тот примет последнего больного, и заходит к нему в кабинет. Такой просьбы от Кузнецова никто из коллег не припоминал, хотя то, что доктор попросил у коллеги, считалось делом обычным. А попросил он для себя банальный больничный на три дня с диагнозом ОРЗ. Сказал честно, что в Ленинград смотаться надо, надо срочно и по личному. Друг Райтсман дома тоже на больничном маялся, но этому законно выписали открытый лист — без указания даты, когда на работу являться.

Собрал Кузнецов свои записи, все рентгенограммы, микропрепараты и другие анализы и принёс всё домой. Рано утром, набил вторую сумку лучшим коньяком, сел в электричку и покатил в Ленинград. Хоть и не занимался этот доктор наукой, но многих знакомых в научных кругах имел. Остановился на три дня у кого-то из них. За это время своей «болезни» успел пройтись по светилам онкологии из 1-го Меда, зашёл на Кафедру Патанатомии в Сангиге, сходил к коллегам в Онкоцентре. Везде народ только недоумение выражает. Мол, ну чего ты к нам с такой элементарщиной припёрся? Ты ведь сам классный специалист, какие ещё у тебя могут быть сомнения? Задача для студентов-второкурсников — это же элементарная, типичная аденокарцинома! Злокачественная опухоль тканей желудка, а раз имеются метастазы в лёгких и по всем

лимфоузлам, то и диагноз проще пареной репы — рак четвёртой стадии. Прогноз больного однозначный — сливайте воду, выходите в тамбур, приехали. Станция «Терминальная», осторожно, двери закрываются, следующая станция — «Кладбище». Никто ничем помочь не может. Поздно. Давно поздно. Слушает эти очевидные истины доктор Кузнецов, а у самого в глазах слёзы. Да всё было ясно и понятно, только друг это — на чудо надежда была. А чудес, как известно, не бывает.

Здесь уместно сделать одно лирическое отступление. Точнее не лирическое, а бульварно-популяризаторское. Пусть медики снисходительно улыбнуться, да хоть остальным понятней будет. То что рак — это клеточная мутация, все знают. Но это не совсем верно. Каждую секунду в нормальном человеческом организме происходит более двух миллионов изменений хромосомного аппарата, однако двумя миллионами раков в секунду мы не заболеваем. Большинство мутаций не опасны, и хромосомные поломки чинятся не выходя из клеточного ядра — есть специальные репарационные механизмы нашего генного аппарата клеток. Но некоторые мутации «прорываются», что в общем, тоже не проблема. Иммунная система стоит на страже — такие клетки-изменники быстро отыскиваются лимфоцитами и моментально уничтожаются, как предатели. Разные лимфоциты работают в нашей иммунной опричнине, есть там и высокоспециализированные следователи и штатные палачи. Прямо так и называются Т-киллеры, и это научный термин, а не жаргон. Так вот, эти киллеры без других типов лимфоцитарных клеток беспомощны. Не видят они клетку-мутанта. А вот почему не видят — вопрос открытый. Если кто на него ответит — то это Нобелевская Премия в области медицины и золотой памятник при жизни от всего благодарного человечества.

Понятно теперь, почему рак, это не только и не столько мутация, сколько брешь в системе «свой-чужой»? Как только принял организм мутировавшую клетку за нормальную, последняя сразу начинает своё простое быдлярское дело — жрать, гадить, безудержно размножаться и ломать всё вокруг. На начальной стадии такую опухоль можно вырезать. Есть в онкохирургии одно святое правило: маленький рак — большая операция, большой рак — маленькая операция. Ну а на последней стадии, когда опухоль набросала своих клеток во все органы, или если по научному, то распространила метастазы, операция зачастую совершенно бесполезна. Так кое-какая терапия может лишь слегка замедлить процесс и не более. Хотя в виде редчайшего казуса в мировой практике имелись единичные наблюдения, когда иммунная система восстанавливала контроль над ситуацией, и происходило самоизлечение от рака. «Единичные» и «в мировой» — это ключевые слова. Никто из обычных практикующих онкологов такого не наблюдал и на подобную казуистику ссылаться не любит. Шанс стать миллионером, играя в лотерею, во много раз выше, чем самоизлечение от рака.

Вернулся доктор Кузнецов из Ленинграда, взял дома немного спиртяшки и пошёл в гости к другу Райтсману. Несколько дубовая советская медицинская этика предписывала диагноз онкологического заболевания от самого больного скрывать, обнадёживая бедняг всякой лажей. Диагноз надлежало сообщать только ближайшим родственникам в строго конфиденциальной форме. Но Райтсман был друг и врач — не мог Кузнецов ему врать. Опять же впервые в жизни наплевал он на медицинскую этику. Разлил спиртик и на вопрос «а мне можно» ответил прямо — тебе, брат, теперь всё можно. Неоперабельная аденокарцинома у тебя, друг ты мой милый. Что такое карцинома, пояснять не буду, сам вроде знаешь одну из самых злых опухолей. Новый Год нам вместе уже не встретить, да и на охоту не сходить. Счёт, в лучшем случае, на месяцы. Приведи дела и душу в порядок, чему быть — тому не миновать. Как друга мучить ни тебя, ни твою семью я не собираюсь — не будет ни радио-, ни химиотерапии. Не нравится — иди к другому специалисту. В твоём случае, чем скорее, тем лучше. Обезболивающих, транквилизаторов и любой другой дряни получишь столько, сколько захочешь. Одно дополнительное средство тебе лишь посоветую — пей побольше гранатового сока. Лечить не лечит, но слизистую слегка дубит — по моим наблюдениям лучшая добавка в диету при таких случаях.

Доктор Райтсман вздохнул и сказал, что обо всём догадался ещё на кузнецовской кровати в Новогодний Вечер. Поблагодарил за правду и дружеское участие. К ситуации отнёсся философски — хоть и был он евреем без иудаизма, но и Марксистско-

Ленинскую Философию не ценил. Ну что же, пора, значит пора. Посмотрим, что лежит за чертой, откуда не возвращаются. Дети подросли, жена в торговле крутится — вытянет. Стал он спокойным и уравновешенным. Сам составил список препаратов, которые посчитал нужными и моментально получил на всё кузнецовские красные рецепты со специальными печатями для доставки на дом. Позвал жену. Попросил не плакать, всё ей рассказал и попросил весь Выборгпродторг перерыть и притащить домой десять ящиков гранатового сока. Напоследок обнял по-братски доктора Кузнецова и попросил к нему больше не заходить, пока сам не позовёт. А позовёт, когда боли нестерпимыми станут. А пока не стали, отложит доктор все дела, прочитает то, что не дочитал, простит тех, кого не простил, а между делами займётся обычным созерцанием окружающей реальности, наблюдать которую осталось не долго. Поэтому такая вот дружеская просьба не беспокоит. Других знакомых доктор Райтсман собирался оповестить позже. Выпили друзья по прощальному стопарику, и ушёл доктор Кузнецов домой. А дома впервые после студенческих лет нажрался в трабадан.

Проходят месяцы. Доктор Райтсман не звонит. Мадам Кузнецова как-то пыталась набрать номер Райтсманов, за что получала по рукам от мужа, никогда подобного себе не позволявшего. Желание друга было святым. Подошла осень, охотничий сезон в разгаре. В лесу красота, заветные места лежат под жёлто-красным одеялом. Только без друга не тянет больше Кузнецова на охоту. Вдруг в ночь с пятницы на субботу звонит Райтсман. На охоту зовёт. Вроде как вчера с Кузнецовым расстался. Ну у онколога сразу только одна мысль в голове — всё, метастазы в мозгу, бред начался. Осторожно начинает выяснять состояние больного. Райтсман в ответ смеётся бодрим голосом — да нормальное состояние. Курить бросил, по утрам бегаю, вчера только из лесу вернулся, хорошие места нашёл, где дичи много, а охотников мало. Поехали, не пожалеешь! Болей давно нет, бредом не страдаю. Короче, садись набивать патронташ, а утром ко мне.

Не верит Кузнецов, но всё же собирается на охоту. Если с другом плохо, как его семье врать и извиняться, что зашёл навестить, да не вовремя и ещё в дурацкой охотничьей экипировке? Утро. Как много раз за много лет стоит Кузнецов перед квартирой друга. Звонить нельзя — давнишний уговор родственников не будить. Дверь должна быть не заперта. Точно не заперта. В прихожей свет. На тумбочке сидит довольный Райтсман и натягивает сапоги. Рядом ружьё и рюкзачок. Палец к губам — не шуми, все спят. Друзья выходят на лестницу. Райтсман запирает дверь и быстро сбегает на улицу. За ним ничего не понимающий Кузнецов. Поведение абсолютно нормальное, в смысле абсолютно странное — поведение здорового сорокалетнего мужика в отличной физической форме. На электричку опаздываем, давай бегом. У курящего Кузнецова задышка, у некурящего и бегающего по утрам Райтсмана — нет. Сели в электричку.

— Всё, Райтсман, хватит загадок — рассказывай всё и подробно. Что делал и как себя чувствуешь?

— Чувствую себя прекрасно, а что делал... Как, что делал — что ты сказал, то и делал. Ничего не делал, гранатовый сок пил!

Нужная остановка. Друзья идут в лес. Хорошее место Райтсман нашёл — рябчик есть. Дождался доктор Кузнецов первого дуплета доктора Райтсмана, подошёл к другу в плотную и разрядил свой двенадцатый калибр ему в область сердца. Потом достал свой охотничий нож, труп раздел и провёл профессиональное вскрытие с полным извлечением органокомплекса от языка до ануса. Только череп вскрыл непрофессионально — циркулярной пилы не было. Пришлось топориком поработать. Правду говорил доктор Райтсман — рак рассосался!

После этого доктор Кузнецов разобрал своё и Райтсманово ружья, забрал патронташи, труп прикрыл плащом и хорошенько запомнил место. А дальше сел в электричку и поехал в город Выборг. В Выборге сразу пришёл в привокзальное отделение милиции, сдал ружья и рассказал всю историю...

Занималась бы этим делом только Выборгская Прокуратура, кабы его КГБ по особому статусу не повело. Местный следок по особо важным решил, что доктор Кузнецов открыл средство от рака — гранатовый сок. Ну и привлекла Гэбуха Военно-Медицинскую Академию по полной секретной программе. Ведь если действительно всё дело в

гранатовом соке — то государственный доход в чистой валюте с подобной разработки может и нефтяной переплюнуть! Делов то — выделить действующее начало и запатентовать препарат. Судебка, Патанатомия, Фармакология, Токсикология и куча других кафедр привлекалось. Гранатовый сок подвергали всесторонним анализам — ничего специфического не обнаружили. По всему Союзу тонны гранатового сока были выданы онкологическим больным в чистом виде — тоже никакого эффекта. Тело Райтсмана основательно изучалось всеми возможными методиками. Нашли — зажившие рубцы от опухоли и метастазов. Не нашли — ни одной раковой клетки и причины исцеления.

Доктору Кузнецову прижизненного золотого памятника не воздвигнуто. По слухам, на суде он для себя попросил высшую меру и никаких прошений о помиловании не подавал.

КЛИНЧ

В конце 1982-го года в Клинику Военно-Полевой Хирургии поступил по «скорой» экстренный больной. Парнишка лет четырнадцати с многочисленными рваными ранами конечностей и разорванным горлом. Необычным сочетанием к такому букету шло сквозное пулевое ранение кисти правой руки. Пятно въевшихся в кожу пороховых газов свидетельствовало, что выстрел в руку был сделан почти в упор. Раненный был без сознания, в тяжелом шоке от массивной кровопотери. Станным было и то, что подросток был абсолютно голым. Обычно все травматика одеты, и медсестры безжалостно режут одежду ножницами, прежде чем подать тела хирургам на стол. Иногда частичное раздевание делает «скорая», но тогда привозная бригада обязана скинуть шмотки по месту доставки больного.

Опрос «извозчиков» тоже никакой ясности не дал. Вызов ментовский, целевой. Сразу запросили реанимационную бригаду. Адрес в самом блатном доме Ленинграда — возле Домика Петра, где куча сталинских скульптур на крыше. Когда прибыли; дверь в квартиру была взломана, парень валялся в луже крови и уже без сознания. Менты тоже ничего не объяснили, да и особо спрашивать было некогда. Сказали только одно — доставить в Военно-Медицинскую Академию, где лечение получше, а трёпу поменьше. Видать какого-то туза сынок.

Особо болтать времени нет. Неотложная реанимация — растворы по жиле струйно, затем эритромассу и цельную кровь-матушку. Ну и в операционную — срочная остановка кровотечения, а дальше хирургическая обработка ран. Чуть резать, а больше шить да латать, запихивая куда возможно дренажи для оттока раневого экссудата — главную меру профилактики инфекционных осложнений. Хирургам еще ничего, а вот реаниматологи подергались, побегали за ночь. Но вытянули. На утро давление стабильное, если бы не литра вколотой наркоты и прочей дряни, уже бы паренек в сознанию пришел. А так лежит под аппаратом искусственного дыхания.

Среди ночи в клинику звонок от Дежурного по Академии — к поступившему больному приедут родственники, приказываю их в клинику пропустить! Как не можете? Какая стерильность? Как в реанимацию неположено? Пропустить без разговоров под мою ответственность! Приказ не обсуждать! Через пять минут еще один звонок, теперь от Начальника клиники генерала Дерябина. Тон уже человеческий — ребята, сам бы всем голову за подобное намыл, но уж сильно «блатной» нажим. Придут — им маски на нос, бахилы на ноги, халаты на все остальное. Проводите папочку с мамочкой до их сынули.

Приперлись на персональной «Волжане». В руках здоровые сумки с деликатесами. Смех — и это в реанимационный зал! Ну разъяснили большим людям, что горлышко у вашего отпрыска порвано. Ему такое ещё долго не кушать. Кормить его будем сами, вначале по венке, потом протертой бурдой через трубочку. Проводили к «телу», ну и намекнули — посмотрите, поплачьте, но лучше валите от сюда. Пользы от вас нет, а мешаетесь сильно. Переведём на верх в общее отделение, тогда и милости просим.

Ну мамаша повыла чуть, папаша молчком слёзки повытирал, наконец засобирались на выход. Ответственный хирург в расспросы родителей подался. Что случилось то? А

родители несут какую-то ахинею. Маманя грузит, вроде как пришел мент с собакой, а у нас своя собака, редкая смесь волка и сибирской лайки, те подрались, да сына искусили. Папа несколько иную версию говорит — мент в нашу волко-лайку выстрелил, вот она сына и покусала. Ну вроде и сыну до кучи руку прострелил. Ясности мало, но хоть стало понятно, что основная травма — результат укусов собаки.

Смену менять, а тут милиция и следак в Клинику заявляются. Вообще-то в Полевой Хирургии это частые гости, иногда и не раз за день. Одно неудобство — сдающую смену с ночи задерживают. Один мент, совсем молодой сержантик, повёл себя нетипично — перед дежурным хирургом на колени упал. Попросил дать медописание в уголовное дело в свою пользу, так как родители этого мальчика уже на Колыму его посылать грозятся. А всё за то, что он их отпрыску жизнь спас. Только папа-туз очень не хочет, чтобы правда где-то всплыла. А правда оказалась простой.

Из элитного дома поступил звонок в ближайший опорный пункт милиции от соседей — за стенкой погром и нечеловеческие вопли. В том доме, кроме белой горячки, проблем никогда не было, там на входе вахтёры. Ну на всякий случай послали самого молодого. Пойди посмотри, если что, то свяжись по рации. А если «белый конь», звони 03. Приходит сержантик по адресу. За лакированной дверью действительно погром и вопли. Звонит, стучит — никто не открывает. Спустился до вахтера, у того на счастье здоровый лом имелся, лёд перед подъездом скалывать. Звякнул сержант коллегам и давай этим ломом дверь ломать. Возня продолжается, но крики стихли.

Врывается мент в квартиру и видит сюрреалистическую картину: подросток с разорванным горлом СНОШАЕТ здоровую собаку! Собака пытается подростка кусать, а тот из последних сил правой рукой её за голову удержать пытается. Левая рука изгрызена и висит плетью. Вся хата в крови, обстановка погромлена. Сержант хватает подростка и пытается оттянуть от собаки. Не выходит — как склеились! Собака пытается и мента покусать. Достает сержант пистолет и бух собаке в голову. Да с перепугу через руку этого ёбаря. Собака пару раз дёрнулась в конвульсиях и тут же «партнер» из ее влагалища вывалился. Говорить не может из-за травмы горла. А через несколько секунд вообще сознание потерял. Вызвал спаситель скорую, а тут и другие менты подкатили. Вот и вся картина происшествия...

Не поверил ответственный хирург. Не поверил, потому что история слишком уж на устное народное творчество смахивала. Ну кто не слышал баек про то как Он Её, а тут Муж. А у Неё того — зажало. Потом Их вместе склеенных выносили. Так вот с женщинами такого не бывает! Брехня это. Бывает женский патологический спазм влагалища — по медицински называется вагинизм. Так вот при вагинизме туда засунуть невозможно, а оттуда вытянуть проблем нет. Ну разве что женщине это больно. Тем более не застрять, когда грызут до смерти. Не-воз-мож-но. Да только вид у сержантика такой, что вроде как мужик правду говорит, к тому же собака не человек...

Снимает тогда хирург телефон и звонит начальнику Кафедры Биологии, профессору Щербине. Извинился за странный звонок, конкретно историю описывать не стал, спросил в принципе — с собакой сцепиться реально? На другом конце провода категорическое «Да, да, да — элементарный КЛИНЧ!!!». Почти как в боксе, когда друг на друге виснут. Оказывается «клинч» — это научный термин в зоологии семейства Canis (собаководных). При размножении шакалов, койотов и волков это обязательное состояние самки. У собак такая реакция слабее, но тоже наблюдается весьма часто. У волков же клинч длится от двух до пяти часов. Специальные мышцы влагалища так плотно сжимают половой член самца, что вытащить его, не порвав самку просто невозможно. В этой беззащитной ситуации много молодых зверей гибнут от клыков конкурентов — матерых волков и волчиц, но даже перед смертью не могут расцепиться. Природное значение этого явления не ясно, но известно, что если пытаться разнять таких партнеров, то самка будет испытывать страшные боли, ну и разумеется будет кусаться. Но и тогда не расцепится. Возможно ли это у гибрида собаки с волком? Не только возможно, но и неизбежно. Правда в одном только случае — сука «горячая» должна быть. В смысле, в течку.

Следователь положил на стол заключение ветеринара-кинолога, осмотревшего труп гибридной собаки. Сука в разгар течки, во влагалище обнаружена свежая сперма. Значит

ЦВЕТЫ ДЛЯ ПАТОЛОГОАНАТОМА

Какая самая «цветочная» специализация в медицине? Наверное акушерство-гинекология. Как придет счастливый папа забирать пополнение семейства, так обязательно со здоровой охапкой цветов. Ну и хирургов, особенно не общих, а всяких редких, там кардиологов, или пластиков, тех тоже больной флорой осыпает. Да и другие узкие специалисты, особенно оперирующие, без подобных знаков внимания не остаются. Хотя почему «узкие»? Любим хорошим врачам цветы дарят! Ну возьмем самую прозу жизни — добросовестного участкового педиатра. Каждый день букет! Хотя насчет «любых хороших» я, пожалуй, погорячился. Хорошим патологоанатомам и блестящим судмедэкспертам цветов не дарят. Венки не в счет, то экс-больным. А ведь порой следовало бы и доктора презентовать. Не венком, конечно, упаси Бог от такой радости, а вот хорошего букета или бутылки коньяка мы заслуживаем не меньше. Потому как частенько тоже жизни спасаем. Не тех, кто на нашем столе, а тех, кто проходит в том же деле, что и наш клиент. И частенько незаслуженно проходит. Я имею в виду, у следователя подозреваемым незаслуженно проходит.

Вообще судмедэксперт и патологоанатом разные специалисты. Схожи в том, что оба работают с трупами. Патанатом со свежими, судмедэксперт с какими придется. И цели работы схожи — установить причину и условия смерти. Только если интерес патанатома дальше биологии не распространяется, то судмедэксперт чуть любопытней — его социальное окружение тоже волнует. Поэтому выходят лучшие судмедэксперты из сильных патанатомов, но не бывает хорошего судмедэксперта из плохого патанатома. Вот и хочется рассказать о патанатомии в судмедэкспертизе. Патанатомии, жизнь людям спасающей.

Протокол вскрытия 1286

Труп по Делу 1286 принадлежал сравнительно молодому мужчине. Н вид лет сорок, по паспорту вообще 35. Когда-то это был весьма преуспевающий человек с высшим образованием, и казалось бы, лучезарным будущим. После института парень женился на провинциалочке, которая по словам его родителей испортила сыну жизнь. Да и вообще вышла эта особа не по любви, а исключительно из-за квартиры и будущего социального статуса сына. Совратила, с пути сбила, пустила под откос, а потом вообще убила! Физически. Стерва, гадина. Пользуясь беспомощным состоянием мужа била его по голове до смерти. Да таких вообще расстреливать мало! Это не мое мнение, это родительское мнение, которое они следователю высказали. Мое мнение диаметрально противоположное. Бедная женщина, а собаке — собачья смерть.

Жена. Пришлось мне эту женщину осматривать. И детей её. Ну с мужем понятно, его я рассмотрю основательней всех — не только снаружи, но и изнутри. Так вот по экспертной оценке женщина эта подвергалась бесчисленным издевательствам. Взять хотя бы сигаретные ожоги на коже. Сама не курит. А синяков на ее теле не меряно. И все в разных стадиях. Помните советские деньги — жёлтые рубли, зелёные трешки, синие пятерки и красные червонцы? Синяк те же стадии проходит, только в обратном порядке от червонца до рубля, через всю цветовую гамму. Осмотрел я тело той женщины — точно банкнотами обклеено. Тяжело же ей пришлось в семейной жизни. Получалось, чуть ли не ежедневное избиение. Ну и характер повреждения некоторых зубов, шрамы щек, старые и не очень переломы рёбер, что высветились на рентгене, говорили о серьезности воспитательной работы со стороны мужа. Бил он её сильно. И часто. Нужен вагинальный осмотр. Не удивляйтесь, мы еще чуть-чуть гинекологи, правда плохие — туда смотреть, смотрим, но ничего там не делаем, в смысле не лечим. Так вот, видим

там надрывы и осаднения, и не только влагалища, но и ануса. Любящий муж регулярно насилует свою жену во все дырки, вот как это называется. Да, тётя, похоже жила ты в аду. Жила, а своего тирана не бросала. Садомазохистские пары, как не странно, устойчивы. Таких чаще всего тюрьма или смерть разлучают.

Очередь за детьми. Мальчику 7 лет, девочке 12. Первым смотрю мальчика. На запястьях рук небольшие потертости и красные линии — похоже ручки связывались. Нашел старый перелом ребра и рубцы на ягодицах — пацану и розга знакома. Смотрим попку. Тьфу, черт, верить не охота. Надрыв-трещина ануса. Рядом осаднение. Со смерти папочки часов пять уже прошло. Зову самую молодую и красивую медсестру. Мальчик, а ты сегодня какал? Нет. Хорошо. Тёте надо тебе попу ваткой на палочке помазать. Ты не будешь плакать? Ну не плачь, ты же большой мальчик... Ну вот и все. Иди к тётеньке-милиционеру, она тебя отвезет в комнату, где много игрушек. Сержант, берите мальчика и закройте дверь. Так что там у нас? Так и думал — сперма. Тогда сделайте смыс с папочкиного члена, поищем среди засохших сперматозоидов слущенные эпителиальные клетки прямой кишки и ануса.

Девочка. Ну клочок волос выдран, пара синяков. Опять же рубцы на ягодицах, свидетели старой и свежей порки. Тоже доставалось, хоть и меньше, чем братику. И на осмотре держалась молодцом, пока на кресло не повел. Там истерика случилась. Ну не плачь, дядя не больно туда полезет. Хочешь тётю позову — тётя тебе там трогать будет. Мне только посмотреть надо. Да нет, ты мне ничего не рассказывай. Ты того дядю-следователя помнишь? Ты это всё ему расскажи. Мне не надо. Мне посмотреть надо. А потом я напишу рекомендацию для детского психиатра. Ты с ним поговоришь, он тебе поможет. Ну вот и молодцом. Бери себе чистенькую подкладную и садись в это кресло. Да-а, как взрослая тётенька! Дай опущу эти железяки, ты всё же ещё маленькая... Так удобно. Теперь посмотрим, что там творится... Так, сестра, пишите: каринкули маленькие старые, дефлорирована более двух лет назад, надрыв свода передней трети (старый), надрыв или надкус левой малой половой губы около месяца назад, свежее осаднение на правой большой половой губе, осаднения преддверия, кровоподтек вокруг уретры, двух-трёхдневный. Клитор набух, на уздечке мелкие кровоизлияния. Похоже ущипнули... Давайте зеркало. Да куда такое! Маленькое давайте и подержите в тёплой воде — итак дитя от каждого прикосновения вздрагивает. Обязательно надо в протоколе отметить, что ребенок 12-ти лет по признакам полового и биологического развития соответствует 10-тилетнему. При изнасилованиях несовершеннолетних биологический возраст на суде важнее паспортного. Иная в 14 лет при таких делах умудряется удовольствие получить с приятными воспоминаниями, а иная и в 16 лет ещё дитя, и выливается такой половой акт в тяжёлую телесную и психическую травму. Ну вот и тёпленькое маленькое зеркальце. Такое не страшное, введем во влагалище совсем не больно. Ну что там? Не умеет еще девочка подмываться. Сперма старая. Дня полтора-два. Похоже папа своих деток пользовал по очереди. Так, мазок. Ну-ка свет поправьте. Надрыв свода влагалища над шейкой матки. Согласуется с осаднением преддверия влагалища — когда суют не по размеру большое и толстое. Всё. Девочка, ты молодец. Только мы тебя сейчас в больницу направим. У тебя там ранка. Болит внизу. Как привыкла? И слушать не хочу. Надо тебе там малюсенький шовчик наложить. Это другой дядя делает. Ну ладно, хочешь, что бы тётя — попросим тётю. Сестричка — дайте ей пол-ампулы седуксена, успокойте девочку. Нет, нет, не колите. Как мне потом эту дырку в вене объяснять? С ложечки, пополам с валерьянкой. Не хочу адвокатам повод давать — они из-за мелочи судьям голову заморочить могут. И отвода заключения медэкспертизы не хочу. Хочу кучу смягчающих для её мамы. Точнее хочу оправдательного приговора, но это из области сказок. Там убийство, пусть даже вынужденное... Да и свекровь все видела, тогда хочешь, не хочешь, а получается превышение допустимой самообороны.

Хозяин. Номер 1286 собственной персоной. Прозектор, ты чего мылишься раньше времени? Прозектор, это помощник судмедэксперта. Типа как ассистент у хирурга. Но ассистирует он по-другому. Самую тяжёлую работу вместо доктора делает. Хороший прозектор редок. Сам кожу разрежет, подсечёт грудную клетку по рёберным хрящам. Длинным секционным стилетом сунет изнутри в горло вокруг языка, по пути чиркнут

вокруг диафрагмы и заднего прохода. Доктор, добро пожаловать! Весь органокомплекс от языка до ануса распластан перед Вами на специальном столике рядом с «освеженным» трупом. Ковыряйтесь на здоровье, изучайте в комфортных условиях. А как только мы что надо почикаем, прозектор все внутренности обратно в тело засунет. Уже как попало — ну сердце на место мочевого пузыря — какая разница, все равно зашьём, не видно. Так вот, сейчас я внешний осмотр сделаю и позову Серёжу. Серёжа у нас лучший прозектор. Минутку рядом побуду, чтоб соотношение нетронутых органов в полостях посмотреть, а потом пойду чай пить. Через десять минут вернусь на всё готовое. Буду требуху терзать по кусочку, уже долго и внимательно.

Осмотр кожных покровов. Один синяк на левой скуле. И еще один на «кумполе» — на макушке головы. Со слов, якобы всё видевшей тещи, жена била мужа чугунной сковородкой. С чего он и умер. Под бой правой руки очень подходит. Значит череп как пить дать треснул. Ладно, это после чаепития. Что еще интересного? О, дырочки! На венках. Венки орубцованы и склерозированы. Так мы ещё и наркотой баловались. Дырок относительно мало, а сосуды пожжены сильно. Похоже не героиновый мальчик. Эфедрольно-"винтовые" венки. Похоже нам возбуждающие препараты нравились. Понятно откуда агрессия при абстиненции. Опиатный нарк обычно тихий. Чего ещё на коже? Да ничего. Вот самый свежий след последнего укола. Кровь на амфетамины надо взять. Сережа, потроши, я отойду на десять минут. Да, скальп на морду натяни, но череп не тронь. Там причина. Оставь пилу — сам вскрою. Серега несколько обиделся, вроде как не доверяю. Да доверяю, но били то по голове. Поэтому сам. Били бы ножом в сердце, вскрыл бы Серега голову. Так, ну вот и разрежали — здоровый мочевой пузырь переполнен и сильно выступает из таза, обычное для наркоманов дело. Всё остальное выглядит нормально. Серёжа, вытягай требуху, а я пошел наверх. Свиснешь, если что интересное.

Любовь Николаевна рулет с яблоками испекла, а наша санитарка, баба Рита, притащила здоровую банку своего клубничного варенья. Чаёк сегодня что надо. Обещался на десять минут, а сижу все двадцать. А писанины ещё сколько. Ладно, милые женщины, спасибо за угощение, но пора работать.

Так мозги оставим на последок. Сердце — вроде слегка великовато для этого тела. 450 грамулек. Полнокровное. Сосудики ничего... Вероятно стало в диастолу. Кровь жидкая, фибролиз прошёл нормально. Так, что мы кушали? Макароны с рыбой. Дурацкое сочетание. В кишках ничего интересного. Почки-селезёнка... Да всё в норме. Печень чуть увеличена от ширева, но в принципе не больная. Похоже, дело в черепушке. Значит придется его жене сидеть. Жалко тётку. Всю жизнь от мужа промучилась, а теперь детей потеряет, квартиру потеряет, да и жизнь свободную потеряет. Нормальному человеку на зоне разве жизнь?

Ладно, чего сопли распустил. Твое дело экспертизу проводить, а кто прав, кто виноват, это судья решает. Откуда у бедной женщины деньги на адвоката, если муж наркоман? Не будет значит ей хорошей защиты. А свёкор со свекровью уж за её квартиру посражаются. А вот хрен вам! Не будет по-вашему, а будет по-честному. Нет, не подлог в экспертизе. Я сказал, по-честному. Синяки то на голове четырёхдневные! Старые. Не могла его жена сегодня утром сковородкой бить. Значит, то что свекровь следователю рассказала — лажа. Сегодня утром мужчинка со своим родным сыном половое удовлетворение получал. Это я знаю точно. Похоже, что его родная мать за этим занятием застукала. Стресс для мужчинки сильнейший, вот он мог и помереть. Эх, красиво сказка сказывается... Доказать это надо — причину смерти найти. Тем более, что сердце его в порядке.

Так, с мягкими тканями головы покончено. Подрезаю скальп до лба и натягиваю его волосами вниз на рожу «клиента» — потом на место пришьем, в гробу видно не будет. Беру маленькую острую циркулярную электропилу. Вжик вокруг черепа, и через минуту ларчик открылся. Аккуратно осматриваю толстые и тонкие мозговые оболочки. Под «кумполом» всё нормально. И с самим «кумполом» всё в порядке — переломов или каких других повреждений нет. Хотя мозг излишне полнокровный. Вытаскиваем содержимое из ларчика, помоем под краном, взвесим. Стоп! Вот оно! Арахноидальная мембрана, или паутинная оболочка основания мозга вся напитана кровью. Тоже самое и в основании

мозга. А вот и наша смертушка! Хорошая смерть. Моя душа поёт. А радостно мне, что мои нечеткие предположения подтвердились. Жена, точнее вдова, пойдет домой свободным человеком. Уголовное дело закроется сегодня-завтра. Свёкор со свекровью пусть заткнутся — им ловить вообще нечего. СМЕРТЬ ЕСТЕСТВЕННАЯ!!! В основании мозга имеется так называемая базальная артерия. Употребление возбуждающих наркотиков типа кокаина или амфетаминов может резко повышать давление. Кровь распирает стенку сосуда. Тогда возникает аневризма — расширение на артерии. Просвет большой, а стеночка тонюсенькая. А где тонко, там и рвется. Застукала мама сыночка на пикантном моменте — у того давление подскочило, аневризма разорвалась. Кровушка прорывается в мозг, в центры, где дыхание контролируется. Всё, стоп машина. Забыл, как дышать и помер. Синяки тут не причем. Госпожа подозреваемая, Вы свободны, дело закрыто за отсутствием состава преступления.

Протокол вскрытия 1447

По паспорту 1447 имел полных 49 лет, хотя выглядел на 39. Этакий крепыш-здоровяк. До получения звания 1447, у него было иное звание — полковник КГБ. А полковник в Гэбухе равнялся генералу в армии — там народ покруче армейского был. Жену этого полковника я видел только мельком, один раз на фото (в деле) и один раз возле прозекуры. Жена трупа номер 1447 была женой номер два, красавицей на 21 год моложе мужа, хотя и стервой, по определению первой жены. Вот этой красивой второй жене вменялось, не много ни мало, а доведение до самоубийства. По абсолютно секретным делам наш полковник КГБ провел 2 дня в самолётах —летал на Дальний Восток и обратно. Его жена, время не теряла, вроде как с кем-то трахалась. Вроде как наш полковник её за этим делом застукал. Ну и так опечалился, что самоубился. Полковник КГБ самоубился из-за измены второй молодой жены? Я не верю. Из-за краха карьеры, из-за продажи секретов за кордон — да. Из-за женщины — нет. Но обстоятельства были против моего «не верю». И полагалась по тем обстоятельствам вторую жену посадить.

Полковник прилетел утром. Взял такси, приехал домой. Дома пробыл минут 30-40. Затем собрал чемоданчик с вещами, забрал свой дневник и сел в свою «Волгу». А через 15 минут на скорости 95-100 км/час эта «Волга» врезалась в стенку, где и врезаться было невозможно. Машины только в кино взрываются. Как обычно, полковничья «Волга» не взорвалась. Приехали менты, отскребли полкана от стенки. Не пристегнулся мужик ремнём — вот и вылетел при ударе. Осмотрели салон. Нашли дневник. Вот не положено сотрудникам спецслужб дневники вести, а они, гады, всё равно ведут. А в дневнике том одни обиды на вторую жену. Концовка примерно следующая: жизнь ты мою сделала совсем несносной, терпеть мне тебя сил нет, всё, прощай, уйду навсегда из твоей жизни. Ну очень уж текст самоубийцу напоминает. Правда уйду из «твоей», а не «своей» жизни. Ну может такая авторская задумка была. Короче довела тварь хорошего человека до ручки. Доказательства на лицо — пусть женщина в зоне почалится, подумает, хорошо ли полковников таким образом убивать.

Я думал, что с 1447 всё быстро будет. Делов то — описать разможнение черепа и моментальную смерть от травмы мозга, несовместимой с жизнью. Быстро не получилось. Получилось по-честному. Варикоз у полковника был. И атеросклероз. Пока полковник в самолётах двое суток пролетал, от долгого сидения в варикозно-расширенных венах ног образовались тромбы. Тут все просто — застой кровотока. А вот правая коронарная артерия, та что само сердце кровью питает, имела кучу атеросклеротических бляшек, заметно сузивших её просвет. Где-то в самолете тромбик из ноги оторвался и попал в лёгкие. Закупорил небольшой сосудик, и кусочек лёгкого омертвел. Тромбик был маленький и инфаркт лёгкого был маленький. Но достаточный, чтобы в выносящем сосуде другой тромб образовался. Так вот в момент, когда он на своей «Волге» из дома ехал, тот новый тромбик из лёгкого отлетел и закупорил коронар. Сердце без кислорода перестаёт сокращаться — начинает бесполезно трепетать,

фибриллировать. Кровь в мозги не идёт. Через секунду отключается сознание. Вот поэтому полковник и влетел в стенку — сознание потерял. Да и стенка тут не причем — формально он уже был мертв. В любых условиях с такой патологией всё равно бы биологическая смерть мозга наступила бы неотвратимо через пять минут. СМЕРТЬ ОТ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРИЧИН дело не подсудное, так как ни убийством, ни самоубийством не является. Может вторая жена у полковника и была стерва, но стерва в смерти мужа невиновная.

Протокол вскрытия 1593

Труп 1593 тоже был «крутой». Профессорский труп. Профессор был относительно молод и полон здоровья. В пятницу лекцию читал, всё нормально было, а в понедельник у нас на столе. Доброжелатели следователю наводку дали — жена отравила. Профессор тот очень много по загранкам мотался. Учил студентов в дружественных странах Африки. Ну и денег в валюте у него было по советским понятиям не меряно. Квартирка — как филиал Эрмитажа. А вот с женой жил плохо. Хотя сексуальные отношения сохранялись, последние годы были полны семейных скандалов. Но интеллигентных, без мордобоя. Муж не пил, не курил, по утрам бегал. Помирать не с чего. А жена его провизором в аптеке работала. Таскала домой то, что таскать не положено. Например кристаллический кодеин. Такая штука здорово дыхание угнетает. Если много подсыпать, то каюк. Следаки баночку с пальчиками нашли. В крови трупа тоже кодеина полно. Вообще то с трупными концентрациями ядов в крови есть определенная проблема — обратная тканевая реабсорбция, когда после смерти из тканей обратно в кровь идет. С такими заключениями надо быть крайне осторожным — иной раз можно запросто ошибиться в смертельной дозе. А супруга плачет и божится, что от кашля давала. Нет, с фармакологической точки зрения всё правильно — кодеин хорошо от кашля помогает. Только общая картинка получается плохая. Вроде как траванула мужа, а сама к маме на выходные. Типа это он сам столько много принял, а я не причём.

Ладно, убийцам у нас строгое наказание. Сейчас посмотрим, как это Вы, милая дамочка, здесь не причем. Серёга, вскрывай! Ой, не понял... Кровь свернулась. Кровушка жидкая должна быть. Непонятки. Такое при сильнейшей инфекции бывает. Сердце великовато. Лёгкие тоже. Отрезаем лёгкое и на весы. Должно быть грамм триста. А тут кило сто. Ничего себе. И второе такое же. Махровейшая двусторонняя пневмония. С такой не живут. И кодеин тут не причем. Так, ткани на микроскопию, микробы на посев, труп в холодильник. Подождём. Пришел результат с микробиологии — нет ничего. Воспаление тяжелейшее, а возбудителя не обнаружено! Так не бывает. Посмотрим, что в тканях. А в тканях пневмоцист. Об этой зверюге в то время мы только читали, а вот видеть, не видели. Пневмоцист не зараза. Это сапрофит. Живёт в каждом из нас, вреда не делает. Чтоб вот так человека убить, то надо этому человеку отключить всю иммунную систему. Тогда доселе безвредный пневмоцист лёгкие заживо сожрет.

Стукнула одна догадочка. По тем временам уж больно экзотическая. СПИД называется. Хотя от СПИДа положено долго чахнуть, а не сгорать за два дня... Посмотрели профессорский задний проход. Анус гладкий, вылащенный. Похоже профессор того — гомосексуалист. Точнее бисексуал, раз и жену пользовал. А где он в Африке был? Да много где. И в Заире, и в Экваториальной Гвинее, и в Анголе. В начале 80-х. Тогда там эпидемия СПИДа разгоралась. У нас и в конце 80-х СПИД был экзотикой. Этот труп точно попал в десятку первых ленинградских спидовых смертей. Послали кровь на анализы в разные учреждения. Даже в Лондон послали. Везде ответ положительный — СПИД. Вероятнее всего профессор его из Африки привез и давно. Значит бывают при СПИДе пневмоцистные пневмонии моментального течения. А мы и не знали.

Так, а что с женой делать? Ну, то что состава преступления нет, уже ясно. В самом плохом случае дисциплинарное взыскание на работе, по поводу найденных препаратов на дому. То что мужик начал кашлять и сам кодеин пил, тоже сомнений не вызывает. Не

от кодеина он сдох, а от острой лёгочной недостаточности. Но самый плохой вопрос для жены оставался — она же должна за семь лет супружеской жизни от своего мужа-спидоносца ВИЧ подхватить. ВИЧ — это вирус иммунодефицита человека. То что СПИД вызывает. Пять раз её кровь посылали на анализы, и пять раз получали один и тот же ответ — ВИЧ-негативна. Нету вируса. Сейчас, когда СПИД да СПИД кругом, такие случаи удивления не вызывают. А вот тогда мы это посчитали чудом!

Эпилог (цветы)

Цветов не было. Ни от одной благодарной женщины, чьи жизни (или судьбы) были спасены патанатомами-судмедэкспертами.

ОЖОГИ

В начале 80-х пришлось мне субординарить на «Ожогах». Так курсанты называли Клинику Ожоговых Болезней. Не удивляйтесь, что «болезней» — сам ожог, как травма, лишь малая часть беды, а вот когда сгоревшие ткани начинают выбрасывать в кровь свои горелые токсины, развивается болезнь. Такая болезнь почки, например, убить в два счёта может. Но ни врачом-комбустиологом, ни хирургом-термистом я не стал. Так и отсидел всю практику на бумажках — истории болезни писал на того, кто поступает. Но несколько интересных случаев запомнил:

Зинаида

Зинаида поступила с большим кипяточным ожогом ноги. Так и написали: «полное глубокое обварение левой ноги, контактный сухой ожог ягодиц, промежности и наружных половых органов». Тётенька была рослая, грузная и во хмелю. Скорая привезла её из какой-то рабочей столовки, где та бригадирила старшей поварихой. Значит надо писулю «для прокурора» составлять — производственная травма, как никак. Спрашиваю, что случилось, что Вы себя так сильно облили? Отвечает, что не обливалась ничем. Так кто же Вас ошпарил? Сама, говорит. Непонятно. Ну как так?

Да в борщ наступила! Опять непонятно. На полу? Нет, на плите. Сюрреализм какой-то. Кастрюля метровая, да на горячей плите — как туда наступить можно? Попросил дать ей морфина с кофеином по вене (чтоб балдела и не спала), а потом релашки-транквилизашки вдогонку (чтоб ни о чём не беспокоилась). Дали. У тётки боли стихли, глазки заблестели, на лице улыбка появилась. А на фоне невыветрившихся паров алкоголя — самая располагающая к беседе обстановочка. Ну теперь рассказывай, родная, что да как?

А просто всё. Прокопыч с холодного цеха и Паша с мясообвалки принесли три бутылки водки. Говорят, бабы присоединяйтесь. Ну мы что дуры — наливай. А нас на варке пятеро. И ещё Лиза на салатах. Итого восемь человек. Ну понюхали эту водку, и нет её. Свою достали — три флакончика. Только огурчики порезали, и этой в минуту нет. Решили до ровного счета докупить пару бутылок — чтоб по одной на каждого. Пашу послали. Он водку купил и где-то по пути мяч нашёл. Выпили последнее, скучно стало. Мы тогда разделились на команды по три бабы и мужик, да давай в футбол играть прямо в варочном цеху. Ну а мячик на плиту залетел. Я туда залезла его выбивать. Стукнула высоко, да с дуру ногу в борщ хлюпнула. Стало больно, упала на задницу. Вот до кучи жопу и пи...ду пожгла, пока с плиты слазила.

Сорок-пять лет нашей озорнице-футболистке было. Весёлая обстановочка царила в

дружных трудовых коллективах того беззаботного времени.

Степаныч

Степаныча привезли на личной «Волге» директора Ленинградского НПЗ — нефтеперерабатывающего завода. А через час к нему в клинику сами Главный Инженер и Директор пожаловали. А на следующий день корреспондент из Ленправды. Корреспондента, правда, сразу послали, но тот через недельку вернулся. Потому, что Степаныч хоть и был обычный работяга, но герой.

У Степаныча лицо и шея были сильно опалены открытым пламенем, плюс контактный ожог обоих рук четвёртой степени. Это такая степень, когда вместо тканей уголь до костей. Кисти ему не спасли, а вот с лицом получше вышло. Конечно пришлось Степановичу новый паспорт делать, но там фотография не уroda была, хоть и не красавца, конечно.

На НПЗ заклинило что-то в нефтеперегонной колонне. Колонна — это такая вертикальная труба, или бочка, диаметром метров пять, а высотой все сорок пять. Заполнена она раскалёнными парами нефти. Стало давление в ней расти — должна эта супер-бомба через минуту взорваться. А где вентиль, что подачу нефти перекрывает, громадный факел выбивается. На главной трубе что-то треснуло, и из-за этого факела к вентилю не подойти. Да и сам «руль» горяченький такой стал — красный. Сирена воет, работяги на всё плюнули — спасайся, кто может. Бегут от колонны со всего духу. Ну а Степаныч наоборот. Три ватника надел, двое рукавиц, и к вентилю. Успеет закрутить — спасёт завод от громадного взрыва. Закрыл он глаза и шагнул в факел. Пламячко как из паяльной лампы его осмаливать начало. Положил Степаныч руки на красное железо — рукавички вмиг загорелись. Степаныч не дышит, чтоб легкие не спалить, и крутит что есть силы. Пару оборотов сделал, рукавицы до голых ладоней прогорели. Запахло жареным. А крутить ещё надо. Степаныч голыми руками крутить начал. Уже горелым мясом несёт. Глаза закрыты, только слышно, как липнет кожа к раскаленной стали, да куски с ладоней отрываются, когда руки колесо перехватывают. Вот почти докрутил, да руки уже не слушаются — голые кости пальцев по железу скребут, а схватиться ими уже нельзя, все связки перегорели. Пришлось тыльной стороной руки за планки-спицы упором докручивать. Закрутил. Колонна напоследок чихнула своим факелом и застыла. Опасность взрыва ликвидирована. Спасибо тебе, Степаныч!

Ефрейтор Куценко

Ефрейтор Куценко был самым тяжелым в реанимации. Боролись за него долго и всеми самыми передовыми методами того времени. Одной донорской кожи насадили, считай на всё тело. Упорно боролись и с самой ожоговой болезнью — гемодиализ, гемасорбция и плазмаферез чуть ли не каждый день. Это когда больного подключают к специальным аппаратам, которые его кровь чистят. Ведь печень и почки — тью-тью, горелыми шлаками забиты. Ложить его на обычную кровать нельзя — прилипнет, пойдут пролежни и инфекция. А это смерть. Положили его на взвешенный поток. Кроватка такая под стерильным колпаком. Никаких простыней. А вместо матраса специальный тент, под которым нежные струйки фильтрованного стерильного воздуха поднимают много тонюсеньких фонтанчиков из специального песочка. Вот на такой подушечке ефрейтор Куценко и пролежал почти месяц. Потом умер. Да с тем, что у него было, иного и не ждали. А был у него ожог девяноста процентов тела.

Ефрейтор Куценко служил в автороте. Шофера всегда были элитой среди солдат. А тут маршал Устинов подписал приказ ДМБ — уволил из армии его призыв. Солдат после приказа дембель! А дембелям положено отличиться, тем более, что салаги в часть уже прибыли. Крутым отличием считалось белое ХБ — хлопчатобумажное обмундирование.

Вообще-то ХБ жёлто-зеленое, а чтобы оно стало белым, дембеля стирают его в бензине. Куценко от правил не отступил. Куртка, штаны-галифе и пилотка улетели в таз с бензином, как только рота грохнула строевым шагом на завтрак. Дембель Куценко на завтраки уже не ходил — салаги доставляли ему хлеб, масло и чай прямо в постель, как в пятизвездочном отеле. Но на общее построение в девять утра всё же придется становиться. За крайнюю борзость есть риск разозлить ротного, и тогда уедешь домой последним из дембелей. А хочется первым. Ефрейтор Куценко был умный. Он знал, что бензин быстрее воды испаряется. Он всё рассчитал. Успеет и хэбэшку выбелить, и в белой хэбэшке на построении постоять. Пусть молодые полюбуются на него, на крутого, и уже не просто деда, а дембеля. Полтора часа форма мокла в бензине. За двадцать минут до построения Куценко её вытащил и отжал. Ещё десять минут обмундирование сохло на спинке кровати. А вот оставшиеся десять минут перед построением самые святые — надо идти в курилку и с наслаждением покурить перед нудным мероприятием. Ничего, что форма бензинчиком ещё пахнет, на ощупь она лишь чуток влажная. На теле быстрее высохнет. Одевается дембель в белое ХБ и идёт курить. Чиркнул ефрейтор Куценко спичкой и вспыхнул большим факелом. До сапог, где и осталось десять процентов его кожи.

СОЛДАТ СПИТ — СЛУЖБА ИДЕТ

Кафедра Пропедевтики была самой гуманной кафедрой в Военно-медицинской Академии. Пропедевтика — это первый раздел реальной медицины. Собственно с нее медицина и начинается. Пропедевтика учит как больных надо опрашивать, как к ним врач должен относиться, как осматривать, как щупать-пальпировать не лапая, как стучать-перкутировать не больно, что и где фонендоскопом слушать. Военные курсанты-медики от гражданских студентов в этом плане ничем не отличаются. Нет такой «военной пропедевтики», хоть на кафедре одни полковники на майорах сидят. Мирная наука. Но и на самой мирной кафедре порой случались весьма занимательные военные эксперименты.

Давно это было. Гагарин отлетал, «Союз»-"Аполлон" отстыковался и началась эра развития советской долгосрочной орбитальной космонавтики. Если кому приходилось видеть кадры документальной кинохроники о возвращении первых советских долговременных космических экспедиций, тот поймет о чем речь. Первопроходцы наших длительных орбит, отсидев в невесомости на «Союзах» и «Салютах» несчастные пару месяцев, вываливались из приземлившихся капсул, как мешки с дерьмом. Невесомость коварной оказалась — никакой нагрузки на мышцы. Да ладно бы только на мышцы, при развивающейся сильной мышечной атрофии из костей кальций уходил! Кости хирели. Надо было проблему как-то решать. Это сейчас космонавт, крутящий педали тренажера, картинка естественная, а в те дремучие времена любой космический начальник над идеей закинуть в космос велосипед только бы рассмеялся — слишком уж дорогим килограмм груза и кубометр космической станции выходили. Однако ежемесячно менять экипажи выходило еще дороже.

Как в науке водится, перед тем, как проблему решить, надо ее хорошенько изучить. А изучив, надо сделать модельный эксперимент. А если на модели появляется искомый результат — вот тогда вам и доказательства, и метод решения на блюдечке. Переход теории в практику, так сказать. Кафедра Авиационной и Космической Медицины за дело взялась споро — за пару месяцев был спроектирован хороший тренажерный комплекс и отрегулирована диета — полагалось космонавтам много часов в день крутить педали, да тянуть пружины, а вместо сахара жрать глюконат кальция. Вызвали тогда начальника кафедры в Звездный и спросили, знает ли он, сколько его задумка народному хозяйству СССР стоит будет? Ну а тот не знал, в чем искренне признался. Тогда и вышел приказ — малой кровью на земле длительную невесомость смоделировать, чтобы теоретические изыскания на практике по дешевке подтвердить.

Ну с велотренажером просто оказалось, хоть тоже не без курьеза. Есть в спортивной

медицине такой термин ПВЦ-170. Это когда человеческий организм на тренажер сажают и заставляют педали крутить, чтоб сердце аж 170 ударов в минуту выколачивало, а сами время засекают — сколько до «больше не могу» испытуемый выдержит. Министерство Медицинской Промышленности хороший титановый «велосипед» сделало — полную копию того, что на ВДНХ в «Салюте-6» вверх тормашками висел. Позвали педальки покрутить на этом велосипеде какого-то чемпиона СССР по велогонкам. Ну тот пришел утречком, на велик сел, покрутил, быстренько вышел на 170 ударов в минуту, а потом с таким сердечным ритмом так и сидел до конца рабочего дня. Затем слез, утер пот и сказал, что договор с ним на пятьдесят рублей за пять часов. Вот он пять часов открутил, давайте мне полтинник, а крутить задаром он не хочет. Ну наша военно-медицинская братия от такого результата слегка опухла — из обычных курсантов никто больше пятнадцати минут ПВЦ-170 не выдерживал. Вот были спортсмены в советское время! И ведь без допингов. Когда настоящих летчиков-космонавтов на тренажер привозили, то результаты не сильно курсантские превышали — такую пытку мало кто до получаса выносил. Пришлось требования к сердечной нагрузке значительно понизить, чтоб на три-пять часов ежедневной космической тренировки выйти...

А вот с полной моделью костно-мышечной гипотрофии оказалось сложнее. Не было на Кафедре Авиационной и Космической Медицины своих коек, а значит и не было возможности положить людей, как подопытных кроликов под многомесячный эксперимент. Зато такие койки были на Пропедевтике. Так и ввязалась мирная кафедра на военный эксперимент: необходимо было отобрать несколько молодых людей в абсолютном физическом здравии и положить их полными инвалидами-паралитиками в течение многих месяцев на коечку. Руки и ноги фиксировались к кроватям ремнями, а чтобы никаких тонических упражнений не делали (то есть чтобы статически мышцы не напрягали) в каждую палату полагались круглосуточные сиделки-надзиратели. Кровати располагались так, чтоб всем был виден телевизор, плюс перед сном несколько часов отводилось на чтение художественной литературы. Читала сиделка, а все слушали. И письма тоже сиделка писала под диктовку. Что касается естественных надобностей, в смысле пописать-покакать, то и тут дело было за медсестрами. Оправлялись в утку. Душ и ванну заменяли обтирания мокрыми полотенцами. Кровати были специальные, с открывающейся под задницей дыркой, чтоб даже во время необходимых физиологических актов никакой нагрузки на мышцы спины не выходило. Да и сам уровень кроватей был необычный — не строго горизонтальные, а 26 градусов наклона вниз в сторону головы, чтобы давление крови было точно как в невесомости. Ну а от сползания на кровати человека удерживали опять те же фиксирующие ремни. Лежи себе лениво и радуйся жизни на уровне одноклеточного организма, всех неприятных дел только что периодически кровь на анализ брать будут. Больше никаких усилий и переживаний, даже взвешивание на кроватях проводилось.

К назначенному сроку подготовили в клинике под эксперимент одно отделение, посадили на вход постового, взяли с персонала необходимые подписки о неразглашении, и дело осталось за малым — добровольцев-волонтеров найти. Это сейчас на Совок гонят, мол советская система была беспредельно антигуманной. Может когда-то и была, а вот при Ленке Брежневке касательно экспериментов на людях было строго — или добровольно, или никак. Хотите верьте, хотите нет. Ну, конечно из любого правила существовали исключения, но точно не в этом случае. С волонтерами поступили просто — поехали добрые полковники-пропедевты в войска Ленинградского гарнизона и предложили молодым солдатам год за два. Вы мол только призвались, дедовщина тут всякая, а тут нате вам возможность — вполовину срок скостить, да при этом еще и денег прилично подзаработать. Если солдат от первого до последнего дня выдерживал, то предполагалось не много не мало, а заплатить пять тысяч рублей — цена новых «Жигулей» по тому времени. А «контракт» сам по себе был вовсе не железным — в любой момент солдат мог заявить о том, что он отказывается от дальнейшего участия в эксперименте. После этого надлежало подписать официальную бумагу и идти дослуживать в войска по полному сроку, денег же никаких не причиталось в случае подобного малодушия. Понятно, что столь жесткие условия солдат-добровольцев на полный срок амебного образа жизни весьма стимулировали.

Сорок коечек было в отделении. В назначенный срок туда легло сорок солдат. Первый солдат подписал отказ на следующий день — ушел стирать «дедовские» портянки несмотря на все увещевания и взывания докторов наук к здравому смыслу. Через неделю ушло еще трое. Через месяц осталась половина. Через три — семь человек. Через полгода — всего двое...

Лежат себе рядовые Виктор Малышев и Эльдар Сумамбаев, служат великому делу советской военной науки. Персонал на них не нарадуется — капризов никаких, с неподвижной жизнью полностью смирились. Виктор оптимист-говорун, все думали, что в числе первых уйдет, а он смотри как, до конца долежал! А как анекдоты рассказывал — заслушаешься. Утренняя смена новую шутку принесет, так тот ее так переделает и так расскажет, что вечерняя смена со смеху аж ногами совала. Эльдар же был полной противоположностью — не болтлив, скорее весьма замкнут, книг себе читать не просил, только иногда требовал поставить кассету в магнитофон с его любимыми азербайджанскими песнями. Иногда и сам пел — тягуче, громко, но красиво. Сиделкам нравилось, и пение не запрещали, хоть и не понимали ни слова. На девятом месяце эксперименту конец — все биохимические изменения и электрофизиологические отклонения выяснены. Однако солдатам конкретную дату окончания опыта до последнего не сообщали, ориентировали их на год. За день до окончания опыта к ним пришли генералы да полковники от медицинской службы, пожали руки героям и вручили сберкнижки с оговоренной суммой денег. Эльдар отнесся к этому делу философски — конец мучениям завтра в двенадцать дня, вот завтра и приходите после последнего забора крови. Типа я уж без малого год лежу, вставать мне страшно, надо бы мне помочь, а то совсем хилый стал. Ну над такой точкой зрения военно-медицинские светила поухмылялись, но не стали отказывать любимчику. Хочешь еще недельку на кровати понежиться — нет проблем, устроим.

Виктор же спать не мог, как ждал завтрашнего полудня. Отказался от снотворных на ночь — у солдат давно уже сон нарушился, без снотворных они спать не могли, и это были единственные таблетки, которые им давать было разрешено. Всю ночь проболтал, мечтая вслух, как вернется он домой, как встретиться с мамой, а потом пойдет к своей любимой девушке. А потом как на вырученные деньги он купит леса и кирпича, развернет стройку и построит хороший новый дом для будущей семейной жизни. А потом... Короче не было конца его мыслям вслух.

Ровно в полдень пришла к оптимисту вся свита. Без пяти минут двенадцать сестричка венку кольнула, взяла последнюю пробирку кровушки на анализ. Отстегнули ремни, и вот уж секундная стрелка подбегает к вертикально стоящей минутной. Свершился долгожданный миг! Рядовой Малышев с радостным криком под общие аплодисменты вскакивает на пол с осточертевой кровати. Всккивает и тут же радостный крик переходит в ужасный вопль. Солдат падает и через момент теряет сознание. Лежит на полу бледный, ноги неестественно выгнуты. Подхватили его офицеры медицинской службы, и тут же стала ясна причина его падения. Нет, не предполагаемый ортостатический коллапс (это когда от долгого лежания при быстром вставании кровь от мозга отливает). Все оказалось куда хуже — обоюдный двусторонний перелом шеек бедра! Самые крупные кости от не подвижности стали настолько хрупкими, что не выдержали массы человеческого тела. Начались реанимационные мероприятия и моментальный перевод в Клинику Травматологии. «Нормальный» перелом бедренных костей может человека на полгода в кровать уложить, а вот перелом костей, где кальция всего-ничего осталось... Почти год на выздоровление рядовому Малышеву потребовалось — опять пришлось ему на коечке полежать, только еще больший срок. Вроде и срослось плохо, вышел парень с инвалидностью. Уж как он потом свой дом строил, я право не знаю...

Но с Эльдаром все получилось, как надо. Его уж сам персонал от поспешных движений удерживал. Вначале переложили на обычную горизонтальную кровать. Потом позволили поджать ножки. Потом сесть. Сидеть он несколько дней не мог — терял сознание от того самого ортостатического коллапса. Наконец гладко-мышечная мускулатура кровеносных сосудов натренировалась, и парню разрешили вставать. Две санитарочки подхватывали его под бока и тащили вокруг кровати, где тот делал пять

«облегченных» шагов. А потом его опять клали на кроватку, но уже не лениво — давали ему жгут, который солдат брал в руки и пропускал под согнутую ногу, а затем эту ногу разгибал. Получалась одновременная тренировка мышц рук и ног. Затем к нему в палату притащили вышеупомянутый космический велосипед, а в диету добавили калорий. Назначили лошадиные дозы витаминов и кальция в уколах. А через месяц видел я рядового Сумамбаева бегающего трусцой по парку 49-го Городка.

Вот вам и гиподинамия.

СОВНАРКОМ

Сейчас медики с наркомовским контингентом частенько встречаются. Встречи в основном неприятные, особенно если у наркоманов ломка. А вот в те дремучие советские времена, случаи наркомании бывали гораздо реже. Наверное поэтому и запоминались.

Неясная болезнь.

Звали ее Света, и было ей неполных шестнадцать лет. Была у Светы непонятная болезнь с периодическими приступами — Свету скручивало от боли и выгибало в дугу, дыхание становилось частым, а лицо приобретало землистый цвет. Любой врач, видевший Свету во время приступа, сильно терялся с постановкой диагноза. Болезнь не подходила ни под какие рамки. Давление и сердечная деятельность были в норме, хотя остальное свидетельствовало о нестерпимых болях. Вообще-то Света с подобными приступами частенько попадала в разные больницы Ленинграда, откуда выходила сравнительно быстро и старалась в одну и ту же больницу часто не попадаться. Наверное из-за того, что никто не мог понять, что же со Светой такое творилось. Боли то неясные, а снимались только уколом наркотиков.

Попала она с подозрением толи на аппендицит или на мезоденит в клинику Общей Хирургии Военно-Медицинской Академии. Никаких симптомов, указывающих на необходимость операции у нее не было, поэтому и решили пока просто наблюдать за больной. В ночь у девочки снова приступ. Бегают дежурные хирурги вокруг нее, понять ничего не могут — в животе явно порядок. Вызвали невропатолога, тот тоже ничего не нашел, ради отмазки предложил какую-то дежурную глупость вроде защемления корешка какого-то нерва. Но смотреть на эту больную было страшно — в миг побледнела, потом позеленела, потом посерела, губы как у мертвеца, того гляди помрет. Да еще орет и извивается от боли. Делать нечего — раз ничего больше не помогает, надо наркоту колоть.

Укололи. Света успокоилась. Затем пошла в туалет. А через пять минут вышла из туалета с нормальным лицом почти здоровая. Это дежурному хирургу странным показалось. На следующую ночь у девочки снова приступ. На этот раз уже не суетились — взяли больную якобы на рентген, а сами ее кровать и тумбочку проверили. И нашли! Две баночки самодельного крема — одна для «бледности», другая для «позеленения». Была на отделении одна старая медсестра, Алевтина Петровна, так та в минуту такой же макияж себе сделала и пошла завозить «больную». Как Света свой секрет на чужом лице увидела, так сразу сникла, боли кончились. Кстати, ломок у нее не было, это она так себе дозу «для кайфа» искала.

Сноровка

Этот нарк был со стажем — вен на его теле не было нигде, даже по лбу бежали две «дорожки» — шрамы от постоянных уколов. А попал этот наркоман в Клинику Инфекционных Болезней из-за сильнейшего энтерита, заразного заболевания, напоминающего дизентерию. Постоянные поносы вызвали обезвоживание организма, плюс выраженная интоксикация, отравление бактериальными ядами. Требовалось срочное внутривенное вливание жидкости. Конечно, можно было вызвать реаниматолога, тот бы поставил капельницу без проблем — через подключичный катетер. Но нам захотелось у этого нарка самим вены поискать. А наркомана трусит и от болезни, и от начинающийся абстиненции.

Посмотрел наркоша на толстую иглу от капельницы, только усмехнулся. Говорит, что вены, которые у него остались, потоньше будут. Обезвоживание и у нормального человека вены в ниточки сожмет. А тут еще все его гадостью сожжено. Куда мы его только не кололи, результат один и тот же — полное отсутствие венозного просвета, все склерозировано от его «химии», да ран от частых уколов. Наконец наркоман вызвал дежурного врача и предложил тому торг — за один кубик омнопона он сам себе поставит внутривенную систему за пятнадцать секунд. Попросил только один пустой шприц. Врача такое дело заинтриговало, и он велел принести шприц. На всякий случай сказал, что вколет наркоту только в резинку нормально поставленной капельницы.

Наркомана как подменили. Грязными, трясущимися руками он потянулся к системе и схватился за иголку. Медсестра истерично завизжала, что нельзя брать за стерильную иглу. Наркоман криво ухмыльнулся: «Давай буксир!» С этими словами он отцепил от капельницы иголку, плюнул на руку у стал что-то гладить под коленкой. Толи он таким образом «сметал» грязь, «стерилизуя» место укола, толи массировал что-то. Ни жгута, ни ватки со спиртом ему не потребовалось — он так быстро всунул иглу в подколенную ямку, так что мы даже ничего не смогли предпринять. Игла торчала очень глубоко, почти на всю свою длину. Насадочное отверстие у иглы наркоман прижимал пальцем: «Баян давай!» Теперь наркоман схватил шприц и сильно подсосал иглу. Через секунду в иглу хлынула черная венозная кровь — наркоман вслепую умудрился войти в глубокую подколенную вену, что проблематично сделать даже под рентгеном с рентгенконтрастной инъекцией сосуда, когда все видно на «живой» картинке.. Дальше он быстро отсоединил шприц и подключил капельницу. По хронометрии врача, вся «операция» заняла четырнадцать секунд.

Семья

На пятом курсе дежурил я на «Скорой Помощи». Как-то раз дает мне диспетчер вызов, а сам смеется: «Ну, молодой, езжай с семейкой познакомиться, там похоже, прокормыш загибается». Мне эти слова в то время ничего не говорили. А оказалось все просто: советские наркоманы жили семьями. Не в плане муж-жена, ячейка общества. Семьи у них состояли из любого количества разновозрастных наркоманов обоих полов. Главой семьи всегда были Достоевские — те, кто «соломенную шляпу» носили. Вообще-то Достоевский мог носить на голове что угодно по сезону, от ничего, до меховой шапки, а «соломенную шляпу» он носил в семью. «Шляпа» на древненаркоманском означала маковую соломку.

Тогда социализм был, и наркотрафика еще не было, вот и выбирали семейные наркомы из своей среды наиболее физически сильных, финансово ответственных и «морально стойких» лиц, определяя их в заготовители-доставатели сырья или Достоевские. Они были первыми челноками, прообразом наркотрафика того времени — ездили на юга, где не столько чего-то там покупали, сколько просто пакостили на дачках, вырывая маки под корень. Правда бабушек под чистую не обижали — вырывали ровно две третьих от посаженного, чтоб бабушка на следующий год снова посадила. Тогда коммунизм ждали, официально считалось, что в СССР наркомании быть не может в силу социалистических условий, вот менты и смотрели на таких «дачников» сквозь пальцы — лишь бы в домики не вламывались. Ну а ночь напряженной работы давала от

одного до десяти чемоданов сырья в зависимости от района. Достоевские жили по-ленински — в шалашах. Там же сушили мак, перебивали его, упаковывали в целлофановые мешочки, которые трамбовали в чемоданы. Как наберут нужное количество чемоданов «шляпы», так и домой. К началу девяностых те наркоши уже физически вымерли. Но кто из наркоманов слышал рассказы долгожителей, то до сих пор поминают советское время, как райское. Сейчас ведь кругом сервис — таджики да цыгане готовы на дом все принести, «герыча-афганыча» полно, а вот «дикой» заготовки и самопальной «ханки» почти не стало. Современная наркомания удовольствие дорогое, ну а как вы хотели, все по Марксу-Ленину, развитие товарно-денежных отношений по капиталистическому образцу.

Время шло, Достоевский или на лево начинал солому сбывать и тогда из семьи изгонялся, или же наркоманский стаж давал о себе знать — уходила через уколы бывшая удаль. Такой становился семьянином — мало на что годным законченным наркошей. Семьянин мог долго жить в семье без забот — достоевские годовой завоз обеспечивали. Но были у семьянина и обязанности: надо было формально ходить на работу и быть прописанным на жилплощади, где бережно хранить семейную «соломенную шляпу». Шляпу на главной блатхате не хранили никогда. Позже, на курсе наркологии, когда я писал учебную историю болезни, мне один нарк рассказывал, что работал сторожем на складе. За год был на работе два раза, оба раза, чтоб «притаренный мешок заготовки» забрать; но его не выгоняли, так как начальник получал за него зарплату. Ну а работа «по-лимиту» позволяла ему быть прописанным в общежитии, где он хранил немного «шляпы» на текущие нужды и свободно вел ленинградско-наркоманский образ жизни образцового «семьянина». Подрабатывал он торгуя соломкой по сезону. стакан молотого на кофемолке мака стоил 10-25 рублей — смех, уже к началу Перестройки в середине 80х в «межсезонье» цены взлетели до 100 рублей, что и стало началом конца «наркоманской семейности». Опять прав Ленин — «капитализм подвергает сомнению устойчивость семейных отношений, когда туда приходит капитал». В одном великий Ильич ошибся — не о тех семьях писал.

Однако наркоманская судьбинushка скоротечна, и примерный семьянин довольно быстро превращался в никчемное дерьмо. Ничего не мог — ширяться только, да гепатитом с сифилисом болеть (СПИДа тогда не было). Но семья молоденького «старичка» не бросала и определяла его в «прокормыши». У зеков слово «прокормыш» совершенно иное значение имеет — это тот, кого «волки» на побег с собой берут, чтоб сожрать, как свинью по дороге. Как ходячий продуктовый запас. Так вот зековского и наркоманского прокормыша путать не надо. У наркоманов «прокормыш» тоже животное, но он больше не свинью, а кролика напоминал — когда они свое варево варили, то испытывали его всегда на этом организме. Если прокормыша цепляло без иных видимых последствий, то все дружно кололись — биопроба прошла успешно, ширево безопасное. Ну а если прокормыш загибался, то последнего надлежало порезать в ванной на куски, затем куски пропустить через мясорубку, а полученный фарш можно было удобно спустить в унитаз — такое тихое исчезновение асоциального элемента гарантированно проходило без последствий. Ну а битые кости можно было незаметно в сумочке вынести и за городом тихонько в костерке спалить. Могил у прокормышей не было. Шашлычный запах над полями был их последним пристанищем. Ну а если прокормыш не загибался как положено, а застревал где-то между смертью и жизнью (если такое бытие можно было назвать жизнью), то иногда в наиболее сердобольных семьях вызывали «Скорую Помощь».

На момент моего «семейного» вызова по скорой с наркоманией все было в порядке — у власти сидел Андропов, и по его словам надо было бороться больше с нарушениями трудовой дисциплины. Как и все его предшественники, он считал, что наркоманов в СССР официально нет. Точнее, как он считал, я не знаю — это так мы с его слов считали. Поэтому то, что я увидел на «семейной блатхате», повергло меня в легкий шок.

Заходим в подъезд. Судя по номерам, квартира на третьем этаже. До этого этажа подъезд немного облеван, хотя выше похоже чисто. Звоним. У дверей непонятная суета. Звоним второй раз, третий... Наконец открывают. В прихожей кто-то лежит. Спрашиваем, не это ли больной. Оказывается это здоровый, которому вполне хорошо.

Переступаем через этого «хорошего» и на входе в зал сразу видим еще парочку «здоровых» в отключке. Наш гид — девчушка лет семнадцати, похожая на сорокалетних заключенных из концлагеря Освнчим, проводит нас в спальню. В луже, состоящей из смеси жидкого кала, мочи и рвоты лежит нечто. Переворачиваем это нечто — оказывается вполне молодой парень лет 27-ми. По всему видно, что отходит — сознания нет и агонирующее дыхание Чейн-Стокса. Вообще типичный передоз проходит по типу угнетения дыхательного центра, поэто Чейн-Стокс у них редкость. Заподозрили отравление или аэроэмболию мозга. Нарки нашу версию аэроэмболии (закупорки сосудов мозга или сердца случайно попавшим воздухом) сразу отвергли — говорят, мы не ваши медсестры-неумехи, мы внутривенные инъекции делать умеем! Получается острая интоксикация некачественным ширевом. И вправду — была весна и заготовленная «шляпа» у них кончилась, вот и решили они сварить нечто из дички, что кто-то собрал в Кандалакше. Ну на вечной мерзлоте опиумный мак не растет — там растет пушистый полярный мак. Опиатов в том маке нет совсем, или даже если есть, то в следовых количествах. Зато много изохинолинов — той же дряни, что содержится в белладонне и белене. Получается, что объелся нарком белены, да в жуткой дозе и по вене. По их рецепту сильная вытяжка ядов получается, да мимо печени — прямо в мозг. Делать нечего, диагноз ясен, надо в Военно-Полевую Терапию или в токсикологический центр эвакуировать.

Пока я нарка ворочал, то все руки в его рвоте и дерьме измазал. Перед тем как за носилками спускаться, да звонить, решил я руки помыть. Спросил, где ванна. Провели. Санузел совмещенный, толчек рядом с ванной. Двери нет — выбита. Спрашиваю, давно ли выбита? Да уж года два. Кран в ванной сломан — из него полным напором хлещет горячая вода. Похоже, что тоже давненько хлещет — ванна покрылась ржавой патиной. Веселая жизнь в семье, если какать надо при общем обозрении мальчиков и девочек в парной атмосфере.

Нарку повезло — попал таки он на ВПТ в Военно-Медицинскую Академию. Там с отравлениями очень хорошо боролись. Потом перевели его в Клинику Психиатрии. Где-то через месяца три решил я его навестить. Ломки у парня давно кончились, вес набрал, выглядел вполне нормальным. Спрашиваю его, а может хватит, скоро выписка, жизнь новую начнешь. Как он на меня глянул! Как на законченного клинического идиота. Говорит, ты что, доктор, совсем неграмотный?! Мы, опиатные нарки, только мечтаем, чтоб курить анашу и пить сухое вино, но это кайф бычий. Настоящий кайф в игле с маком. Поэтому для нас лечение позволяет только «завязать дозняк». Я такой терминологии не понял. Оказалось, что «завязать дозняк» означает не завязать совсем, а лишь сократить минимально достаточную дозу. За год жизни в семье дозняк «распускается» и лучшее дело его завязывать побывав в «калечной». А для него, нарка со стажем «расфуфлить дозняк» вообще дело месяца. Отделения наркологии сами нарки считали за семинары по обмену опытом и называли их или «санаториями», или «съездами», по аналогии с процветавшими тогда партийными мероприятиями. Эффективность лечения на «съездах» всегда была близка к нулю. Такая вот крепкая советская традиция нерушимых семейных уз...

ПРАВИЛЬНЫЙ ПОДХОД (или Пропедевтика на ВПХ)

Этот забавный эпизод произошел на Кафедре Военно-Полевой Хирургии зимой 1983 года. Я тогда там себя пробовал в качестве будущего хирурга в научном кружке (выброшенное время — к хирургии в дальнейшем не подходил на пушечный выстрел). Кто из младшекурсников не мечтает стать хирургом? Вот и я был не исключение. В те юные годы ВПХ мне нравилась, и нашел я себе на этой кафедре толкового молодого научного руководителя — майора м/с Константина Яковлевича Гуревича. Сейчас этот дядька весьма известен — один из ведущих профессоров в ГИДУВе, или как он сейчас

обзывается — в Медицинской Академии Последипломного Образования. Ну а тогда сей ученый был заурядным клиническим ординатором, только-только отписавшем кандидатскую.

Позвал меня майор Гуревич «на крючки» в свое дежурство — помощи не много, волосы брить, мочу катетером выпускать, операционное поле йодом мазать, да рану для хирурга растягивать. Но какое ни есть, а приобщение к рукоделию — к оперативной медицине (надеюсь не забыли, что хирургия, это рукоделие по латыни). Сам Гуревич хоть и большая голова (в смысле умный), а росточку маленького. И вот в его дежурство поступает здоровенный «химик» с колото-резаным ранением в области правой почки. Может сейчас термин «химик» не совсем понятен, на тогдашнем сленге «химиками» называли зеков на вольном поселении — вроде как условно-досрочно освобожденный, но обязан ежедневно отмечаться.

Зечара здоровенный, росту за два метра, весу за сто-пятьдесят кило, ботинки размера этак сорок шесть — сорок восемь. Да такой и в солидном костюме по Невскому пройдет — от Адмиралтейства до Гостиного Двора народ в след смотреть будет. А тут зима, из «скорой» весьма бодро соскакивает этот амбал с голым торсом, на его бычьем торсе не обнаруживается естественного цвета кожи — одни тюремные татуировки и алая полоска крови на спине. На все вопросы докторов и сестричек отвечает исключительно матом вперемешку с тюремными идиомами. Ко всему прочему видно, что наш Геракл весьма пьян и настроен весьма агрессивно. Кулаки как баскетбольные мячи, а пальцы веером — точно павлиний хвост. Как к такому подойти? Гуревич ему едва ли до плеча. Сестрички вмиг врассыпную. Дежурный реаниматолог опасливо из предоперационной выглядывает. От меня, малолетки, тоже толку, как с козла молока. Ситуация патовая.

И тут Константин Яковлевич вдруг преображается. Вроде как он не хирург и кандидат медицинских наук, а обычный работяга с хулиганским уклоном.

Гуревич: «О-оо, Васёк, сколько лет, сколько зим! Какие люди к нам пожаловали! Проходи родной, не стесняйся.»

Зек: «Ты чё, Айболит, в натуре? Не Васёк я, Васёк на „хулигане“ еще год назад погорел, ему „строгую Ригу“ приписали. Я Жора-Маленький, разуй глаза, мудило!»

Гуревич: «Опа! Неужели сам Жора-Маленький?! Совсем я плохой стал, таких людей перепутал. Жорик, ну проходи, щас мы с тобой за встречу спиртугана гахнем!»

Зек: «Ты чо, Айболит, в натуре?»

Гуревич: «Да за базар отведу. У меня в моей каморе спирта хоть залейся, хоть утопись!»

Зек: «Ну давай, пошли по маленькой.»

Гуревич проводит зека в предоперационную. Реаниматолог убегает, и там остается только операционная сестра Тамара. Тётка молодая и очень симпатичная, хоть и форм Рубенсовских. Гуревич показывает на неё пальцем: «О, это моя начальница, бугриха здешняя. Щас у неё спиртягу будем клянчить. Тамарочка, золото, вишь ситуация — друг закадычный ко мне зашёл, выдай нам спирта литра два.»

Тамара впадает в предобморочное состояние, бледнеет, молча показывает на стеклянный шкафчик с бутылкой и пулей выбегает из предоперационной. Гуревич лезет в шкаф, достает здоровенную бутылку литров этак на пять и почти полную. Открывает пробку и нюхает: «Чистый спирт! Самый лучший, самый медицинский, садись Жорик на стульчик, а я огурчики и стаканчики организую.»

Выходит он из предоперационной как будто ничего не происходит. Все к нему, на мордах немой вопрос: «Что делать?» Гуревич голосом дежурного хирурга говорит: «Пустую литровую банку, пару соленых огурцов и два стакана.» И без всяких дальнейших объяснений шмыг назад в предоперационную. Оттуда слышно: «Жорик, моя бугриха добро на спирт дала. Сказала, что бухать можно столько, сколько захотим. Только ее на стрём твоя рана поставила. Что было-то? Пока нам стаканы и закуску принесут, ты забазарь всю историю. Ну чо за кипеж был, в натуре?»

Зек: «Да в натуре подляну кинули! Падлы — перо в спину.»

Гуревич: «Сознанку не терял?»

Зек: «Ты чо, в натуре? Они б меня затоптали! Не-ее, я продержался. Хреново было, но

вниз сошёл, а там контролер внутреннего порядка, падла, скорую вызвал. Типа грузись, блатата, а то назад в зону отчалию. Ну я, понятно, лучше сюда, чем на лесоповал. Чо свистеть-то, вот и все дела.»

Гуревич: «Жора, ну ты молодец, в натуре!»

Зек: «На молодцах нормы списывают, а я, в натуре, с понятиями!»

Гуревич: «Жора, так ведь и я о том же! Ты же с понятиями, сразу видно, что не фраер. Так вот я тебе по понятиям скажу: что тебе перо в спину всунули, это или дешёвые беспонты, типа не фиг суетиться. Или тебе труба через час — ласты склеишь даже на обиду ответить не сможешь. В натуре так, век воли не видать! Наверняка тебе эти падлы почку прошили.»

Зек: «Ты чо, Айболит, в натуре?»

Гуревич: «Да в натуре, Жора, сказал же — век воли не видать. Сейчас нам закусон принесут и банку. Так вот, ты в эту банку пописай. Если там одна моча — то тогда мой базар — пустой прогон и холостые беспонты. Бухнем спиртяшки, помажем ранку йодом и пойдешь себе домой. Ну а если что серьёзное, то я тебе листочек и карандашик дам — может успеешь прощальную маляву мамане или там друзьям накатать.»

Зек: «Ты чо, Айболит, в натуре? Ты — на воле, да и бабы через дверь смотрют, мне так ссать запахло. Неси банку и вали в калидор!»

Дежурный реаниматолог, опасливо поглядывая, вносит пластмассовый поднос. На подносе литровая банка, два стакана и блюдце с нарезанными огурцами. Гуревич берет поднос, ставит на свою табуретку и выходит. Дверь в предоперационную остается открытой. Зек недовольно смотрит на собравшийся в коридоре персонал клиники: «Вы чо, в натуре? Чо театр? Чо не ясно? Не, ну в натуре!»

Затем зек берет с подноса банку и в своих грязнючих ботинках идет в стерильную зону операционной. Дежурная бригада заглядывает в дверь. Зек: «Не, ну вы чо, в натуре?! Щас мОзги вышибу!»

С этими словами зек захлопывает двери в операционную, да и ни у кого уже нет особого желания смотреть, что там происходит. Проходит минуты три-четыре. Дежурная бригада начинает волноваться. В основном теоретические предположения крутятся вокруг шкафов с медикаментами группы А. Наверное зечара их уже разгромил и морфином колется. Или выбил окно и смылся со всем запасом наркотиков. Делать нечего — майор Гуревич, как дежурный хирург, подкрадывается к дверям и чуть приоткрывает одну створку.

Голос Гуревича в момент становится властным голосом ответственного хирурга: «Санитарка, приберите. Вынести все и быстро дезинфицировать пол! Бригада — мыться. Пенетрационное ранение правой почки, кровопотеря. Сестра, быстро кровь на группу и кровь на гематокрит!»

Мы вваливаемся в предоперационную. Сквозь распахнутые двери стерильной зоны нам предстает следующая картина: на операционном столе на животе лежит абсолютно голый зек. Вся его одежда аккуратно сложена на полу, и венчают эту кучку его громадные грязные ботинки. Рядом стоит литровая банка, почти до краев наполненная кровью. Зек медленно поворачивает голову: «Друганы, режьте меня!» А затем обращается персонально к майору Гуревичу: «Слышь, братан! Ты же свой, паря, не надо письмо мамане. Спаси, бля буду, век воли не видать. Да я за тебя везде впишусь, бля буду! Спаси, братан!!!»

Операция прошла успешно. Но это мелочи, главное — индивидуальный подход к больному!

ЦЕНТРИФУГА

Этот случай произошел на Кафедре Биохимии Военно-Медицинской Академии им. С.М. Кирова в самом начале 80-х. Историю эту мне поведал однокурсник, курсант с моего отделения Серега Власов. Он тогда на Биохимии в научном кружке плотно ошивался и все вечерние дела, что там творились, знал. Ну а меня всегда новые инженерные

решения привлекали, так что я с самой центрифугой тоже был знаком не понаслышке.

Часть первая. МЫТАРСТВО ПРИОБРЕТЕНИЯ.

Академик генерал-майор медицинской службы Борис Федорович Коровкин давно мечтал дополнить свои старенькие и слабенькие центрифуги на 1 MG для седиментации белка чем-нибудь более серьезным. Захотелось ему и тонкие фракции осаждать по тогдашнему последнему слову техники. Заказал он кучу зарубежных каталогов и выбрал самую-самую продвинутую центрифугу на 5 MG. Кто забыл, напомним — G это сила тяжести. Ротор таких центрифуг так быстро крутится, что за счёт этой силы позволяет фракционно осадить, что хочешь. Очень нужный для исследований в современной биохимии белка аппарат.

Самые лучшие центрифуги в то время делала немецко-американская компания Сименс. Ну с валютой для науки, тем более военной, в Советские времена намного проще было — раз надо, значит дадим. Направили все заявки и вот с Внешторга приходит ответ — центрифугу вам продать не могут, так как она попадает под санкции КОКОМ (тогда высокие технологии СССРу Запад не продавал).

Началась бюрократическая переписка — инструмент вроде не для прямых военных целей... Надо отдать должное советским юристам, что они нашли факт, что какая-то центрифуга уже передавалась в СССР, но почему-то в рамках Советско-Американского проекта «Союз-Аполлон» 1975-76 годах. Кафедра Биохимии в этой волоките не участвовала. Академик-генерал Б.Ф. Коровким написал что-то умное в ЦВМУ и выше в МО, типа без такого инструмента Советской Военной Медицине Америку не пережить, ну и всякие там МИДовские агенты вкупе с военными атташе включились в работу. Пришла бумажка из Москвы, что центрифуга в Академии будет, но по цене в несколько раз большей от указанной. А вот устанавливать ее придется самим — КОКОМ импортных наладчиков не пропускает.

Приходит долгожданный день. МинФин платит валюту, и на склады Академии подъезжают несколько большегрузных немецких фур-грузовиков. Сверяются документы — по документам все нормально. Сверяется заявка. Кроме слова «Центрифуга» ничего не совпадает. Центрифуга оказалась чуть великовата и предназначалась для ВВС — лётчиков-космонавтов в ней крутить!

Налетело комиссий, давай выяснять, кто такую глупость сотворил и на каком этапе верхняя бюрократия свихнулась. Виновных нашли быстро где-то в Москве, но даже вроде не наказали, так как за эту машинку сразу три ведомства друг другу за глотки схватились — Институт Авиационной Медицины, Звездный и Байконур. Куда же ее в конце концов отослали, я забыл.

Ну а генерал Коровкин ходит в великом гневе и печали. Опять бумажки в верхние инстанции сочиняет: «Где моя крутилка! Советская Армия боеготовность теряет не по дням, а по часам! Гоните срочно центрифугу, она утверждена в плане обязательных закупок.»

Возымели действие бумажки — покупают теперь уже «правильную» центрифугу. И опять КОКОМ не пропускает — на той центрифуге стоит супер-секретный воздушный подшипник. Сам ротор весит около полутонны, а на тех скоростях, что он крутится при сотнях тысяч оборотов в минуту, его ось никакой материал удержать не сможет — любая композитная супертвердая керамика спорит, оплавится, растрескается, изотрётся и взорвётся, а любой металл не только расплавится, но и испарится...

Так что имелось только одно техническое решение — держать эту махину в воздухе. Точнее на специальном потоке-подушке фильтрованного и сильно охлажденного воздуха под гигантским давлением. Это узел и назывался аероламинарный несущий воздушный подшипник ультра-высокого давления. Сам же ротор крутился за счёт электро-магнитного силового момента банальных проволочных обмоток по его периметру и на внешних контурах — по типу обычного электромоторчика, а балансировался специальной системой электромагнитов. Ко всей этой махине

прилагалась куча трансформаторов, каскадных турбин, компрессоров, вакуумных насосов, фильтров и систем охлаждения. Ну и весь этот комплекс мультёна на три-четыре долларей того времени тянул. Дорогая игрушка штучного изготовления.

Списался Коровкин с нашими «ящиками», НИИ всякими закрытыми. Ему и говорят: ваш воздушный подшипник — не проблема. Мы на гироскопы тяжелых ракет подобные штуки имеем. Бери, мол, центрифугу без этого узла — мы тебе несущую подушку за месяц сделаем, нам бы только размеры померить.

Купили центрифугу. Сделали и установили воздушный подшипник советского производства. В подвале под Биохимией выкопали здоровую квадратную яму и залили ее бетоном с кучей арматуры — специальный противовибрационный фундамент. На него и поставили центрифугу. Рядом установили все вспомогательные узлы. Ввели должность инженера-эксплуатационщика, чтобы всю эту систему обслуживать. Провели пробные испытания — агрегат пашет как швейцарские часы! Кому надо премии дали. Но было одно «но»... Когда устанавливали русский подшипник, пришлось отключить всю западную программную систему, в народе называемой «защитой от дурака». Ротор, работающий на таких радиальных ускорениях, требует сверхточной балансировки. Иначе как — резонанс. Пробирочки должны стоять в строго определенных местах и каждая должна быть сбалансирована по весу до миллиграммов другой пробиркой аналогичного веса на радиально-противоположной позиции ротора. Изначально это достигалось автоматически, или аппарат отказывался включаться при малейшей дисбалансировке, а вот после русской реконструкции приходилось полагаться только на инструкцию, что висела на стенке. Но машина исправно, хотя и недолго, работала и сыпала кандидатские и докторские, как из ведра.

Часть вторая. ТЯЖЁЛАЯ ЛЕТАЮЩАЯ ТАРЕЛКА

Хорошо помните пол главного коридора из метлахской плитки (мрамор в полированном бетоне), что идет через всю Биохимию? А замечали, что в конце того коридора на полу есть неровное бетонное пятно, где цемент несколько иной текстуры, а полированная мраморная галька отличается по цвету? Вроде как когда-то дырку в полу заделали. Вот об истории этой дырки и пойдет речь:

Пока умные люди на этой супер-центрифуге крутую науку делали, всё было хорошо — медицинские полковники народ в основном серьёзный. Но вот дорвался до передового края науки какой-то жутко блатной не то адъютант, не то клинорд аж в чине капитана. Но по блатате его отказать ему никак не могли и дали столько часов работы, сколько мальчику хотелось. Подвинули докторов-профессоров, мол очень хорошему перспективному человеку на очень важную тему срочно необходима наша центрифуга. Эх, жаль забыл его имечко — написал бы вкуче с паспортными данными. Мой однокашник, Сергей Власов, характеризовал его весьма точно — лёгкая степень дебильности, осложненная крайней мохнаторукостью. Так вот это капитанское чмо получило полный доступ и безраздельную власть над мировым достижением технической мысли.

Как-то после шести вечера, когда штатный инженер ушел домой, сей научный деятель остался в Лаборатории Тонкой Седиментации один. Ну пара курсантов-кружковцев не в счет. Взял тот научный светоч 200 миллилитровую тефлоновую пробирку с каким-то своим экстрактом для седиментации и засунул ее в первую попавшуюся лунку. Всё! Контрбаланс не сделал. Никого нет — на кой правила эксплуатации соблюдать? Включил машину. Машина не включается — вся красными лампочками мигает и визжит, как Скорая Помощь. Не проблема! Капитан уже выучил — под аккуратными импортными кнопками и тумблерочками есть обыкновенный громоздкий русский выключатель из тех, что в казармах свет выключают. Щелкни его, и какофония с забастовкой у центрифуги сразу кончается — она начинает ротор раскручивать. А если по инструкции, то можно и пару часов с балансировкой провозиться, пока машинные визги успокоишь, да лампочки погаснут. Кому такой непродуктивный подход нужен?

Вот и отключил наш гений защиту от дурака и пошел на второй этаж чай пить.

Центрифуга обороты набирает медленно, а там еще и крутить на заданных оборотах с час надо — короче времени завались. А что там только одна пробирка в крайнем ряду ротора его никак не волновало.

Проходит час. На кафедре Биохимии тишина. Несколько отработчиков и дежурный преподаватель сидят кучно в одном из классов-лабораторий. ВНОСовцы как мыши тихонько гонят свои эксперименты в подвале. И вдруг...

Пол в коридоре биохимии со страшным грохотом взрывается и в пролом влетает НЛО (неопознанный летающий объект характерной «тарелочной» формы). Крутятся на страшных оборотах и сыпя искры, с визгом пролетев по коридору, эта «летающая тарелка» вышибла какую-то дверь с куском стены в дальнем конце коридора, разгромила все в лаборатории и затихла. Как вы поняли, это был ротор ультраскоростной центрифуги.

После аварии оборудование ремонту не подлежало и было списано в металлолом. На Биохимии быстро провели ремонт. Блатному капиташке ничего не было — он пошел дописывать свой диссер на другую кафедру.. Гражданского инженера-эксплуатационщика чуть не посадили по статье «Преступная Халатность», потом правда сжалились и просто уволили за халатное отношение к работе. Из курсантов и преподавателей находившихся в тот момент на Кафедре по счастливой случайности никто не пострадал. Методика ультратонкой седиментации больше в Академии не применялась. Вскоре и генерал Коровкин уволился на гражданку (тогда академики везде в почете были).

Мораль такова: если дурак дорвется к технике, то ни инженерно-программные решения по защите от него, ни хорошие инструкции не помогают. И если дебил — блатной, он всё равно дебил.

ДОНОР СЕРДЦА (или Дружба Рядового с Генералом и Хирургия Гениальности)

Часть 1 (Дружба)

Не, не вру — большой хирург, блестящий учёный, прекрасный организатор, генерал-майор, профессор, но бомж. Точнее, БОМЖ — «без определённого места жительства», общепринятая советская аббревиатура. Генерал-бомж, начальник кафедры Военно-Полевой Хирургии ВМА в условиях развитого социализма. И это не осквернение памяти заслуженного человека — это он САМ себя так называл. А был Дед Дерябин, как кто-то из пролетарских классиков писал — человечеством весьма достойным!

Но давайте по порядку. Выпало мне на третьем курсе быть свидетелем на свадьбе у одного сокурсника. Ну а батяня у того курка был крутым военно-полевым хирургом, десять календарных лет на войнах по всему глобусу!. Вообще о «Дяде Эде» (в Министерстве Обороны кличка «Ленин») надо писать отдельно — личность того заслуживает. Ну, понятно теперь, какого калибра гости были у такого крупнокалиберного вояки?

Короче, сижу я, рядовой. С одной стороны — жених, с другой — генерал-майор Дерябин в форме. За столами от эполетов и лампасов в глазах рябит. Ну как посмотрит какой генерал в мою сторону — мне по стойке смирно вытянуться охота. Видит Дерябин — сильно колдобит курка их присутствие. Ну а как перед ними бухать, если им же сдавать экзамены!? Тогда он тихо так, но властно, говорит мне: «Товарищ курсант, пройдите в коридор». Есть, товарищ генерал! Пять секунд — я в коридоре, а генерал

следом неспешно идёт.

Ген. Дерябин совершенно неожиданно спрашивает: «Коньяк будешь?»

Я: «Никак нет, товарищ генерал!»

Ген. Дерябин: «Почему?»

Я: «Уставом Внутренней Службы не положено!»

Ген. Дерябин: «Ну и глупо!»

Я: «А Вам принести?»

Генерал: «А я уже взял!» — и достаёт из внутреннего кармана кителя плоскую фляжку из нержавеющей стали с теснённым профилем Сталина. Свинчивает крышку, нюхает: «КВВК-армянский, 35 лет выдержки. Один мой ученик прислал — сейчас начгоспиталя в Ереване».

Я: «Ну если Вы не возражаете и не доложите...»

Генерал: «Ну ты что, и вправду с причудой?» Передразнивает: «Не ввоззражаете, да не доложите! Кому мне на тебя стучать? Самому Министру Обороны? Я чай генерал... Слушай, а ты сам не болтун?»

Я: «Да нет, вроде. Курсанты не жалуются.»

Генерал: «Правильно, курсанты не жалуются — курсанты болтунов бьют!»

Я (с обидой): «Не, ну честное слово, товарищ генерал, никому не скажу, что с Вами коньяк пил, если... если дадите, конечно.»

Дерябин протягивает мне фляжку: «Ладно, посмотрим. Вот мой предшественник, генерал Беркутов, он всех, кого к себе в адъюнктуру на кафедру брал в лоб спрашивал — А ты не сволочь?»

Я: «Ну, я не знаю...»

Генерал: «Ой, хоть честно! Хирургию любишь?»

Я, глотая коньяк: «Не-а.»

Генерал: «Совсем?»

Я: «Совсем... Не, ну правда, абсолютно не люблю. Раньше баловался, в кружок, там, к Вам на кафедру ходил — да и то больше с Вовкой, ну с женихом сегодняшним, за компанию.»

Генерал: «Ага, значит подлизываться тебе незачем?»

Я: «Так точно, а коньяк какой хороший! Ну такой замечательный, я такого не пробовал, и фляжка такая красивая...»

Генерал сразу обрывает меня: «Да, ничего коньячок. А ты где живёшь?»

Я: «Как где!? На Втором Факультете, ну на Маркса девять.»

Генерал: «О, на Девятой Карламарле! Ха, и я там же! Соседи мы с тобой, получается. Хотя, вообще-то я там нелегально. А если совсем откровенно — то я бомж.»

Я: «Шутите, товарищ генерал.»

Генерал: «Нет, не шучу. Так, проблемы личного плана... Ну, конечно, была у меня квартира генеральская — всё чин-чинарём. Решил не ссориться, отдал тем с кем жил — пусть радуются, а подробности не интересны. Мне то много не надо — спать в тепле, да книги читать при свете. Ну позвонил я генерал-полковнику Иванову, тот просто-полковнику Образцову — а этот куда денется, ну иди живи на 2-й Факультет, милости просим. Вон и до кафедры рукой подать. А документально оформлять не зачем — и так вокруг одна бюрократия. Так что можно записать меня в Книгу Рекордов Гинесса — я первый советский бомж-генерал!»

Я: «А мы Вам не мешаем?»

Генерал: «Это я вам мешаю. Как идёшь домой — дежурные при виде генеральской формы орут как полоумные — весь первый этаж „смирняют“. Слушай, что-то мы с тобой, брат, заболтались. Свадьба, в конце концов, пора тебе возвращаться к исполнению своих свидетельских обязанностей — ну там Свидетельницу танцевать, балагурить, тосты говорить... И не сиди ты как на госэкзаменах! Что генерал не человек? А люди на свадьбах веселятся. Значит так — хлебни ка ещё моего коньячка и пошли в зал.»

Через неделю после этой свадьбы стоял я в наряде по курсу. В тот день заступил дежурным по факультету один прапор с курса годом старше, — за «добрый» нрав и любовь к уставному порядку все его Рексом звали. Звонит, значит, мне это животное «на тумбочку» — дневальный, гони своего Деж-по-Курсу ко мне в «аквариум» (так мы

застеклённое КПП в вестибюле Факультета называли). Я вроде трубку телефонную положил, но телефон у нас был калечный, и рычажки не всегда хорошо вдавливались. Вот и случился конфуз — Рекс в своей «банке» слышит, как я во всю глотку своему дежурному ору: «Игорёха, беги скорее вниз — тебя Рекс, псина-козлина рябая-кривомордая, по-срочному вызывает! Кто-кто, Рекс, говорю — дебильный „кусок“ с 4-го курса!»

Пятнадцать секунд, и Рекс взлетел на наш этаж — быстрее, чем мой дежурный от толчка до двери добежал. Морда красная, от злости скулы ходят: «Дежурный, останетесь на этаже, мне нужен этот курсант на продолжительное время для уборки внизу». Игорёк пытался меня отмазать, но Рекс пригрозил нас всех в конце смены с наряда снять и паровозом на следующие сутки опять поставить «за прямое оскорбление прямого начальника». Ну типа, как же так — я аж прапорщик, а вы — говно.

Заставил он меня полы на первом этаже мыть. В общем дело не хитрое, при сноровке за 20 минут управиться можно. Да как только я этаж домываю, он берёт подошву сапог своих извёсткой мажет и по мокрому полу ходит (как назло там что-то подбеливали, и извёстка в его конуре стояла). А вот уже отмыть извёстку!.. Как не стягивай воду — как высыхает, так и пол в белых разводах. Короче, кто мыл — тот знает. Ну мне делать нечего — всё равно всю ночь мудохаться. Уже я этаж раза три промыл, смотрю Дед Дерябин в спортивном костюме на другом конце коридора за мной внимательно наблюдает. А мне с чего-то ну такой неудобняк стало, вроде как я чем-то постыдным занимаюсь. Пока расстояние было порядочным я делал вид, что генерала не замечаю, а как домыл до него — ну что дальше притворятся, мы ж вроде знакомы: «Здравия желаю товарищ генерал», хоть тот и не в форме.

Генерал: «Привет. За что он так тебя?»

Я: «Да вроде как обозвал я его.»

Генерал: «Так „вроде как“, или всё же обозвал?»

Я: «Да я сам не знаю, случайно вроде, хоть и нехорошо, за глаза получилось, — трубка на телефон не легла... Ладно, товарищ генерал, мне мыть надо...»

Генерал: «Да подожди, ты! У Рекса к утру упадёшь.»

Тут у меня швабра из рук выпала и челюсть отвисла: «Как Вы сказали, у Рекса? Я именно так его и назвал.»

Генерал: «Да так все его называют. Вообще-то я стараюсь жить незаметно, но уж героев Факультета знаю, тут как говорится, кто мало говорит — тот много слышит. Давай, пойдём ко мне чай пить, а то вот я старый стал — бессонница мучает, а до всяких снотворных-седативных не хочу привыкать.»

Я: «Товарищ генерал, а наряд?»

Генерал: «Честно сказать, я в дела Факультета ещё ни разу не вмешивался, но попробую тебя на пару часов освободить» — и пошёл в стекляшку дежурного.

Через минуту я сидел в генеральской комнатухе — точно такой, в которой жил сам, только я делил её с тремя подобными организмами. Конечно, обстановка у Дерябина отличалась от нашей — книжные полки, вешалка какого-то диковинного дерева, дубовый стол, небольшой сервант с набором красивой посуды. Там же стояла и обычная курсантская кровать со стандартным постельным комплектом и даже заправленная абсолютно по-курсантски — кирпичиком. Тот факт, что Начальник ВПХ оказался знаком до таких мелочей с нашим бытом, меня удивил. Пока генерал хлопотал с электроплиткой я решал головоломку — толи в русской армии способ заправки кроватей не меняется никогда, и тогда генерал научился ему ещё будучи рядовым, толи кто-то его научил уже на Факультете. Так этот вопрос и остался не выясненным.

Генерал похвастался своими заварочными чайниками. По его словам это лучшие в мире чайники. Для зелёного чая — китайские, из сычуанского фарфора с плетённой ручкой сверху, а для чёрного — индийские из стерлинга (сплав серебра с никелем) и эбонитовой ручкой сбоку. Чайники оказались подарками учеников-азиатов с 5-го «импортного» факультета. Генерал заварил какого-то экзотически-ароматного чая, разлил по чашкам, в каждую бухнул по доброй ложке коньяку (самого обычного Самтреста 3 звезды, ну того — за 5 руб. 75 коп). Себе взял кусок сахара, но в чай не положил, а положил в чайную ложку, залил вонючей валерианкой и морщась отправил в

рот.

Почему-то мне стало абсолютно ясным душевное состояние этого деда — на предсознательном уровне пронеслись подобострастные лица молодых хирургов, шепотки за его спиной от «умудрённых коллег» с немymi вопросами — «а не пора ли, генерал, на покой; уйди — нам свежий старт нужен», и его собственная чудовищная тоска и одиночество, сродное тому, что называют «одиночеством в толпе». Генерал с полчаса пытался создавать видимость диалога, якобы интересуясь нашей учёбой, но было видно, что это дань вежливости — то, что надо ему, как профессору Академии, он прекрасно знает и без моих комментариев. Затем дед пустился в воспоминания. Рассказывал много и интересно — жаль сразу не записал, а сейчас, через четверть века, разве упомнишь!

Но одна вещь мне врезалась в память намертво. Далеко за полночь Дед Дерябин наконец подустал, и я понял, что пора идти домывать пол или, если Рекс изменил свое решение после генеральского визита, то спать. Я поблагодарил генерала и встал из-за стола на выход. Генерал тоже встал, и задумчиво посмотрел на настенный календарь: «Подожди минуту». Я остановился. «Слушай, ты можешь мне сделать маленькое дело?»

Я: «Ну, постараюсь. Только мне в город выход не скоро — я „залётчик“, нарядов полно ещё».

Генерал: «Да не надо никуда выходить. Дел то, через Боткинскую перейти! Я бы не просил, да завтра учёный совет аж на пять вечера назначили — скорее всего опять допоздна затянут. Своих же просить не охота — опять судачить начнут...».

Я: «Товарищ генерал, так что сделать то надо?»

Генерал: «Да ничёго по сути не надо — надо проторчать с шести до девяти перед Кафедрой или до прихода странного человека с ведром цветов. Быть с наружи, в здание не заходить. Ну а вечером ко мне сюда прийти и описать, что видел. Да не бойся ты, не шпионаж это. Если он завтра придёт — ты не ошибёшься, сразу его узнаешь! Так, задание понятно? Ну тогда после девяти жду с докладом, а в награду я тебе расскажу одну интересную историю. Ну всё. Спокойной ночи!»

Часть 2 (Хирургия)

К назначенному времени я был перед клиникой Военно-Полевой Хирургии. Жду. Вот уже наш старшина «Абж» погнал курс на вечерний выпас — на ужин, рыба плюс картошка пюре, три года, день в день без перемен. А скотопрогонная тропа — это прямо-мимо-возле меня, тысячу раз хоженный маршрут. Чтоб меня не заметили, я спрятался за Боткиным, перемещаясь вокруг памятника по мере прохождения курса. Вскоре я понял, что мёрз не зря.

Прямо к крыльцу подкатила чёрная «Волга» с госномером. Быстро вылез шофёр в сером пиджаке и при галстукe — крепкий стриженный дядька кагэбэшного вида. Он как-то колко, наверное профессионально, осмотрел пяточок перед зданием, затем открыл пассажирскую переднюю дверку и вытащил громадный букет цветов. Да каких! Там были каллы, белые лили, красные «короны» — ну те, что цветками вниз, и ещё какое-то чудо, похожее на наперстянку. Меня, привыкшего к зимнему репертуару «тюльпан-гвоздика» с лотков перед метро, букет потряс.

Наконец водила открыл заднюю дверь "персоналки" и помог вылезти пассажиру. Сразу стало ясно — какой-то туз. А вот сам туз выглядел странно. Нет, одет он был что надо — дорожный плащ-пальто из натуральной чёрной кожи с меховой подбивкой, пожалуй тоже натуральной. На голове норковая шапка-"пирожок", как у совсем больших людей, всяких там членов ЦК или Политбюро.

Но первое, что бросилось в глаза — человек явно страдал тяжелыми неврологическими расстройствами. Его движения были плохо координированными и перемежались инволюнтными «дёрганиями» всего тела, руки била крупная, почти паркинсоническая дрожь. Он опёрся на трость и сильно выбрасывая одну ногу в сторону заковылял к двери. Его шофёр не на шутку встревожился, что человек пошёл один,

побежал и первый открыл дверь — даже не столько, чтобы помочь, как скорее убедиться, что в «тамбуре чисто». Я вдруг понял, что первый раз в жизни вижу «проводку» охраняемой персоны, ведь у наших генерал-полковников, начальников ВМА и ЦВМУ, водителями были простые солдаты, а не bodyguards.

Второе, что совершенно сбило меня с толку — это страшное уродство. Голова «туза» была несимметричной из-за чудовищных деформаций черепа, один глаз выше другого, очки с сильными линзами явно сделаны на заказ, лицо всё в грубых старых шрамах, но в общем выглядит слишком молодо для старпера такого ранга.

Я хотел было пройти за человеком, да вспомнил, что генерал просил (или приказывал, если угодно) в здание не ходить. Простоял на морозе ещё с полчаса, пока парочка не вышла. Я был далековато, но мне показалось, что у туза-урода под очками блестели слёзы. Разглядеть толком я не сумел — его кэзэбэшный шоферюга моментально впери́л в меня тяжелый взгляд, он явно запомнил, что я тут был по их приезду. К тому же уже слышался стадный топот идущих со столовки курсов, а попадаться «вне строя» на глаза в мои планы не входило. Оставалось только повернуться и бежать на Факультет.

В коморку к Дерябину я попал лишь после вечерней проверки. Дед опять спать явно не торопился. Я подробно, как мог, рассказал (доложил, если угодно) ему, что видел. У самого любопытство свербит — как шило в большой ягодичной мышце. Дед молчит. Я не выдерживаю и спрашиваю: «А кто это, если не секрет?»

Дерябин: «Секрет.» Потом видит крайнее разочарование на моей физиономии и добавляет: «Да, правда секрет, не мой секрет — казённый. Но раз обещал, то намёком скажу — это учёный-оборонщик.»

Я: «Это он Вам цветы приносил?»

Генерал: «Мне!? Да он со мной не разговаривает, как и с любым врачом в форме!»

Я: «А что так?»

Генерал: «Что, что — а то, что я его должен был убить!»

Я (ошалело): «Как убить?»

Генерал: «Да так и убить — очень просто, холодным оружием, скальпель же холодное оружие.»

Я: «А-аа, ну там, врачебная ошибка!»

Генерал грозно сверкнул своими глазами: «Запомните, коллега, врачебные ошибки, а тем паче ошибки военного хирурга убийством не являются — как бы прокуроры не внушали нам обратное. А будешь считать иначе — не сможешь работать. Стал бы я из-за этого тебе огород городить!»

Я: «Тогда я вообще ничего не пойму — что просто преднамеренно убить?»

Генерал: «Да, именно преднамеренно убить, но не просто, а крайне изысканно — в лучших традициях центрально-американских индейцев, всяких там Майя или Ацтеков».

Я думаю — дед гонит, хотя виду не показываю: «А-аа... А как это?»

Генерал: «Да должен был я у него вырезать бьющееся сердце».

Генерал поставил чайник и неспешно стал рассказывать:

"Цветы эти для его второй мамки в честь его второго Дня Рождения. О чём речь сейчас поймешь.

Было это по моим понятиям — недавно, по твоим — давно. И был шанс у Академии стать вторым местом в мире (а может и первым!), где была бы осуществлена трансплантация сердца. Это сейчас все привыкли смотреть на западные достижения, как на икону. Тогда же мы им дышали в затылок, и уж что-что, а Южная Африка для нас авторитетом не являлась. Главную роль играл не я, а академик Колесов с Госпитальной (*Прим. — фамилия может была Колесников, сейчас точно не помню). Они там к тому времени уже тонну свиных сердец пошинковали, да и на собаках кое-что отработано было. Что думаешь, экстракорпоралка у нас слабая была? Что без забугорных оксигенаторов не прошло бы? Да мы тогда уже над пузырьковой оксигенацией смеялись, работали с «Медполимером», разработали хорошие насосы и мембраны — гемолиз во внешних контурах был весьма приемлимым. Да, была наша оксигенация в основном малопоточной — ну а делов то двадцать литров дополнительной крови в машину залить! Всё равно больше выбрасываем. А какие наработки по гистосовместимости! Да нам неофициально вся Ржевка помогала — я имею в виду Институт Экспериментальной

Военной Медицины, они же там со своими «химерами» — ну облучённые с чужим костным мозгом все реакции отторжения нам смоделировали! А про оперативную технику я вообще молчу.

Короче всё готово. Но, но очень большое «но» остаётся. Через Минздрав такое провести было невозможно, даже через их 4-е Главное Управление. И досада, кроме политической, вторая главная препона — юридическая. Ну вопрос, когда человека мёртвым считать. Сердце бьётся — значит жив, а когда сердце мертво — так на что нам такое сердце! Подбил Колесов меня с ним на денёк в Москву съездить, на приватный разговор к начмеду в Министерство Обороны. Пальма первенства уже утеряна — «супостаты» «мотор» пересадили. Речь идёт по сути о повторении достигнутого. А ведь в СССР как, раз не первый — значит и не надо. Что с Луной, что с сердцем. Ну в Управлении и резко рубить не охота, и напрасно рисковать не желают. Ситуация — ни да, ни нет. Хлопцы, разок попробуйте, но из тени не выходите, мы тут наверху за вас не отвечаем. Получится — к орденам и звёздам, нет — к неприятностям.

Ну и придумали мы бюрократическую процедуру, которая помогала эти ловушки обойти. Несколько потенциальных реципиентов подобрала Госпиталка, всех протестировали. Дело ВПХ за малым — добыть донора. Мы даже придумали как нам через Боткинскую с ним «прыгать». Кому донорское сердце больше подойдёт — тому и пересадят. Так вот, был у нас документ с печатью ЦВМУ, Медуправления Министерства Обороны, за подписями Начмеда и Главного Хирурга. Было в том документе упомянуто 11 фамилий на 12 пунктов под подпись — десять военных, ну кто к «донорству» будет приговаривать, одна — пустой бланк (это на согласие от ближайшего родственника «покойника»), и последняя, самая малозначительная подпись вообще считай лаборанта — подтвердить оптимальную совместимость донор-реципиент при «переводе» в Госпиталку! Ну не совсем, конечно, лаборанта — я специально пробил должность в лаборатории клиники — ну там иммунология-биохмия; сразу взял туда молоденькую девочку сразу после университета. Нет хоть одной подписи — и «донор» автоматически остаётся в нашей реанимации до самого «перевода» в Патанатомию.

По понятным причинам намерение держим в тайне и ждём «донора». Через пару недель происходит «подходящий» несчастный случай. Считай рядом с Академией, сразу за Финбаном, пацан 17 лет на мотоцикле влетает головой в трамвай — прямо в ту гулю, что для вагонной сцепки. Скорая под боком — пострадавший наш, профильный, доставлен в момент. Прав нет, но в кармане паспорт. Ну я как его увидел — категория уже даже не агонирующих, а отагонировавшихся. Травма несовместимая с жизнью. Но на ЭКГ все ещё работающее сердце! Голову кое-как сложили, с кровотечением справились и быстро на энцефалограмму. Там прямые линии — красота мёртвого мозга. Говорю сотрудникам — боремся с возможной инфекцией — в башке то точно некрозы пойдут! Ну нельзя же сделать хирургическую обработку травмы мозга в виде ампутации полушарий под ствол — а там всё побито! Ну и конечно реанимационное сопровождение и интенсивная терапия по максимуму — тело сохранять живым любой ценой, пока мы наш «адский документ» не подпишем.

Первым делом согласие родственников — без него всё дальнейшее бессмысленно. Одеваюсь в форму, беру для контраста с собой молодого офицера и пожилую женщину — что бы легче было уболтать любого, кто окажется этим ближним родственником. Мчимся по адресу в паспорте куда-то на Лиговку. Заходим. Комната в коммуналке — на полу грязь страшная, на стенах засохшая рвота, вонь вызывает головокружение, из мебели практически ничего, похоже живут там на ящиках. Оказывается, что существует только один ближайший, он же и единственный родственник — его мать. Человеком её уже было назвать сложно — полностью спившееся, морально деградировавшее существо. Такого я ещё не видел — её главный вопрос был, а можно ли НЕ забирать тело, чтоб не возиться с похоронами. К сыну похоже она вообще не испытывала никаких положительных эмоций, а истерика и вопли моментально сменились откровенными намёками, что по этому поводу надо срочно выпить. Я послал офицера купить ей три бутылки водки. Документ она подписала сразу, как услышала слово водка! Получив подпись мы пулей вылетели из той клоаки с брезгливым осадком.

Но ещё более интересную новость я узнал чуть позже, когда в клинику прибыл тот

офицер, что был послан за спиртным для «ближайшего родственника». Он столкнулся с другими обитателями той коммуналки и узнал некоторые подробности о самом «доноре» — крайне асоциальный тип, хулиган, исключался за неуспеваемость из школы и ПТУ, хоть и молод — сильно пьет, страшно избивает свою мать! Короче, что называется — яблоко от яблони... А ещё через десять минут, как по звонку Свыше, в клинику пришёл следователь и принёс ещё более увлекательную информацию — мотоцикл «донора» краденный, точнее отобранный в результате хулиганского нападения, а сам «донор» и без этого уже под следствием не то за хулиганство, толи за ограбление. Похоже единственное хорошее дело «донору» за всю его жизнь ещё только предстоит — и это отдать своё сердце другому.

Быстро все обзваниваются — собираем «заключительный» консилиум — бумаги под «приговор» подписывать. Все ставят подписи — сомнений ни у кого нет. Только одну подпись не можем пока поставить — анализы не готовы, времени не достаточно их завершить. В Госпитальной Хирургии идёт подготовка, ответственной за лабораторию велено сидеть на работе, пока результатов не будет. Ну вот наконец и это готово — иди, ставь свою последнюю подпись! Ну а тётка и говорит, мол по документу на момент подписания я обязана совершить осмотр! Тю, ты ж дура, думаю. А десяток академиков-профессоров, совершивших осмотр и разбор полдня назад, тебе не авторитет!? Ну вслух ничего такого не говорю, пожалуйста, идите. Смотрите себе тело под аппаратом, только не долго.

Она и вправду недолго. Пошла, взяла ЭЭГ, а мы ему энцефалограммы чуть ли не непрерывно гнали — ну как не было, так и нет там ничего. Мозг — аут! Стетоскоп достала — вот умора, да её в клинике вообще со стетоскопом не видели. На что он ей вообще? И что она там выслушивать будет — «утопил» ли дежурный реаниматолог его или пока нет. Да мне уже всё равно — счёт пожалуй на часы идёт. Что-то она там потрогала, что-то послушала, толком ничего не исследовала — курсант после Санитарной Практики лучше справится. А потом поворачивается ко мне и так это тихо-тихо, но абсолютно уверенно говорит:

— Он живой. Не подпишу я...

Девочка, ты деточка!!! Да ты хоть представляешь какие силы уже задействованы? Отдаёшь ли ты себе отчёт, что ты тут человек случайный — почти посторонний? А понимаешь ли ты, что городишь ты нам полную чушь — кровь в пластиковом контейнере тоже живая, а вот человек — мёртвый. Тело есть, а человека в нём нету! Короче ругали мы её, просили, убеждали, угрожали увольнением. Нет, и всё. И ведь сама по себе не упрямая, а тут ни за что не соглашается. Мол если я ноль — то и делайте без моей подписи. Сделали бы, да не можем мы без твоей подписи.

На утро собрались все главные действующие лица. «Донор» терпит? Да пока терпит — ни отёка легких, ни инфекции, кое-какая моча выделяется. Стараемся, ведём этот «спинно-мозговой препарат» как можем. А может потерпеть, если Колесов в Москву слетает и переутвердит новый документ? Не знаю, надежды мало. Короче день мы решали лететь или не лететь. Потом полетели. Что-то сразу не заладилось. А там выходные. Восемь дней волокита заняла. А «донор» терпит! Горжусь — во мужики у меня в клинике — мертвеца столько ведут.

Наконец назначен новый консилиум с «вердиктом». Только не состоялся он — ночью на ЭЭГ кое-какие признаки глубокого ритма появились. Всё — дальше по любому не мертвец, а человек. Зови спецов с Нейрохирургии — пусть погадают. Много они не нагадали — ведите как сможете, прогноз неблагоприятный. О том, что это был кандидат в доноры сердца — табу даже думать. Обеспечиваем секретность, как можем.

Долго он был в нашей реанимации. Сознания нет (а я тогда был уверен, что и не будет), но мозг ритмы восстанавливает. Попробовали отключить ИВЛ. Дышать пытается! Дальше — больше. Перевели в Нейрохирургию. Там ему много чего сделали, но ничего радикального — всё как у нас, что природа сделает, то и прогресс. Говорить пытается, шевелится. Уже порядком восстановившись из Нейрохирургии он попал в Психиатрию. Наверное для учебного процесса психо-органический синдром продемонстрировать. А там вроде вот что было — перечитал все книжки, и всем надоел. Ну

кто-то и подшутил — сунул ему вузовский учебник по высшей математике. А ещё через полгода комиссия и первая (!) группа инвалидности. А ещё через полгода ещё комиссия — пацана в ВУЗ не берут! Молит-просит — дайте вторую. Что он закончил, я не точно не знаю, по слухам Московский Физтех. Пять лет за два года. Если это не легенда — то на экзамены ходил так — один экзамен в день. Сегодня сдаю ну там математику за первый семестр, завтра сопромат за пятый, послезавтра ещё что-то за девятый. Заходил на любой экзамен вне зависимости от курса. А к концу второго года что-то такое придумал — короче моментально целевое распределение в какой-то сверхсекретный «почтовый ящик». Ну а финал ты сам сегодня видел.

Колесов год ходил грознее тучи — полностью подробностей не знаю, но похоже кое-что просочилось на самый верх в ЦВМУ и выше в МО. Вроде сам Гречко об этом знал — может как байку в бане кто ему рассказал, а может в сводке прошло, типа вон в ВМА пытались сердце пересадить, да ничего не вышло. Видимо посчитали там наш подход к решению проблемы авантюрным, направление быстренько прикрыли.

Особисты и люди из ГлавПура нас самого начала предупреждали — какая-либо информация только в случае полного успеха. Боялись видно, что вражьи голоса злорадно запоют — в Советском Союзе провалилась попытка пересадки сердца, а вот у нас в Мире Капитала с пересадками всё ОКэй, как зуб вырвать. Нам последствий никаких — пострадавших то в этой истории нет, да и вообще полная картина известна единицам и с каждым годом этих «единиц» меньше и меньше становится... Люди подписавшие этот конфузный документ молчат, а сам документ мы уничтожили — всё равно он силы без той подписи не имел, что макулатурой архивы забивать? Всё вроде тихо-спокойно... Забывается потихоньку. Но одна тайна всё же мне покоя не даёт. Невозможно это, ну абсолютно исключено и совершенно не научно. Но факт.

Знаешь, никто ему не мог сказать, что он «донором» был. Мы с Колесовым все варианты перебрали. Некому было рассказать. А он знает! Притом знает всё с самого начала. Даже как под ИВЛ трупом лежал.

Я: «Ну вы же сами говорили — учёный не простой, ну там КГБ вокруг всякое. Ну они же ему и сказали...»

Генерал: «Глупости! Не получается так.»

Я: «Ну а тётка эта?»

Генерал: «Нет, нет и нет! Парадокс, что он её вообще знает. А ещё больший парадокс, что всю дальнейшую историю после того дня она знает только со слов самого „донора“! Я от неё избавился сразу после отказа подписаться. Два года спустя разыскал её — меня сильно совесть мучила. Предложил вернуться в Клинику, посоветовал хорошую тему для диссертации. Она никогда не интересовалась судьбой „донора“ — история в её изложении была очень простой — „донор“ умер, тему закрыли, генералов надо слушаться. Так она и считала, пока „донор“ уже в теперешнем виде не явился к ней ровно в тот же день, как она сказала, что он живой. И знает „донор“ только то, о чём говорилось в его палате. А значить это может только одно. Когда у него на энцефалограмме прямые линии ползли — ОН ВСЁ СЛЫШАЛ! Слышал и помнил...»

Дерябин взял кусочек сахара и обильно полил его влерианкой: «Ладно, поздно уже. Иди спать и не болтай много».

АВТОНОМНЫЙ АППЕНДИЦИТ

Старший лейтенант Пахомов ничем особенным не блистал. Три года назад он закончил 4-й Факультет Военно-Медицинской Академии и вышел в жизнь заурядным флотским военврачом. Хотя Пахомов был прилежен в учебе, троек за свои шесть курсантских лет он нахватался порядочно и уже с той поры особых планов на жизнь не строил. Перспектива дослужиться до майора, а потом выйти на пенсию участковым терапевтом, его вполне устраивала. А пока Пахомов был молод, и несмотря на три года северной службы, его романтическая тяга к морским походам, как не странно, не увяла. Распределился он в самый военно-морской город СССР — Североморск, оплот

Северного Флота. Там находилась крупнейшая база подводных лодок. На одну из них, на жаргоне называемым «золотыми рыбками» за свою запредельную дороговизну, Пахомов и попал врачом. Вообще то это была большая лодочка — атомный подводный стратегический ракетоносец.

Холодная война была в самом разгаре и назначение подобных крейсеров было куда как серьезное. Им не предлагалось выслеживать авианосные группировки противника, им не доверялось разведки и диверсий — им в случае войны предстояло нанести удары возмездия. Залп даже одной такой подводной лодки, наспигованной ракетами с мегатонными термоядерными боеголовками, гарантировано уничтожал противника в терминах «потерь, неприемлемых для нации», выжигая города и обращая экономику в руины. Понятно, что при таких амбициях выход на боевое задание был делом сверхсекретным и хорошо спланированным. Подлодка скрытно шла в нужный район, где могла замереть на месяцы, пребывая в ежесекундной готовности разнести полконтинента. Срыв подобного задания, любое отклонения от графика дежурства, да и само обнаружение лодки противником были непозволительными ЧП. Понятно, что и экипажи для таких прогулок подбирали и готовили с особой тщательностью. Народ набирался не только морально годный, самурайско-суперменовый, но и физически здоровый. Получалось, что врачу на подлодке и делать то особо нечего, в смысле по его непосредственной медицинской части.

Это была всего вторая автономка доктора Пахомова. О самом задании, о том что, как и где, знают всего несколько человек — сам капраз, командир корабля, да капдва, штурман. Ну может еще кто из особо приближенных. Для доктора, впрочем как и для большинства офицеров, мир на полгода или больше ограничивается размерами подлодки. Самым любимым местом становится медпункт — специальная каюта, где есть все, даже операционный стол. В нормальных условиях он не заметен, так как прислонен к стене, откуда его можно откинуть и даже полежать на нем от нечего делать. За автономку много таких часов набегает — бесцельного и приятного лежания в ленивой истоме. За дверью подводный корабль живет своей размеренной жизнью, где-то отдаются и четко выполняются команды, работают механизмы и обслуживающие их люди, где-то кто-то что-то рапортует, кто-то куда-то топает или даже бежит. А для тебя время остановилось — ты лежишь на любимом операционном столе, в приятно пахнущей медициной и антисептиками, такой родной каюте, и просто смотришь в белый потолок. Впрочем пора вставать. Скоро обед, надо сходить на камбуз, формально проверить санитарное состояние, снять пробу и расписаться в журнале. Короче изобразить видимость некой деятельности, оправдывающей пребывание доктора на подлодке. Вот и получается, что доктор здесь, как машина в масле — стоит законсервированным на всякий случай.

Обед прошел как обычно. Доктор пробу снял, а вот обед почему-то в рот не полез. После приема пищи замполит решил провести очередное политзанятие. На берегу это была бы скукота, а тут развлечение, приносящее разнообразие в монотонную жизнь. Доктор Пахомов всегда серьезно относился к подобного рода мероприятиям. Если просили выступить, то непременно готовился и выступал, что надо конспектировал, да и выступления товарищей внимательно слушал. Но не сегодня. На обеде за миской супа внезапно мысли доктора закрутились назад, он стал мучительно вспоминать курсантское время, Академию и свои занятия по хирургии. Впервые он решил не присутствовать на политзанятии. А виной тому симптомы. Доктор снова лежал на своем любимом операционном столе в десятый раз перебирая в памяти те немногие операции, на которых он побывал зеленым ассистентом-крючководержателем и парочку операций, выполненным его собственными руками. Он вспоминал банальную аппендэктомию — удаление червеобразного отростка при аппендиците. Операция на подлодке явление из ряда вон выходящее, хотя все условия для этого есть. Но наверное, не в этом случае.

Дело в том, что симптомы острого аппендицита появились у самого доктора Пахомова. После не съеденного обеда неприятно засосало под ложечкой, потом боль возникла где-то ниже печени. Потом спустилась до края таза. Брюшная стенка внизу живота в правой половине затвердела. Если медленно давить — то боль несколько

утихает, а вот если резко отпустить, то острый приступ боли кажется пробивает живот насквозь. Сильная боль, до крика. Пахомов скрючившись слезит со стола и медленно садится на стул перед микроскопом. Колет себе палец, сосет кровь в трубочку. Пахнувший уксусом раствор моментально разрушает красные клетки, но не трогает белые. Доктор осторожно заполняет сетчатую камеру и садится считать лейкоциты. Здесь вам не больница, лаборантов нет, и любой анализ приходится делать самому. Черт, выраженный лейкоцитоз! Еще температура поднялась. Для верности надо бы градусник в жопу засунуть. Опять ложится на любимый операционный стол. Как хочется подогнуть ноги, вроде боль немного стихает. Так, лишим сами себя девственности термометром. Не до смеха, повышенная ректальная температура развеяла последние сомнения и надежды — банальный классический аппендицит! Надо звать капитана, командира и бога всего и вся на нашей бандуре. Такие вещи надо вместе решать.

В двери появляется голова стармеха. «Ну как?» «Хреново, зови командира.» Приходит командир, старпом, особист. Появляется замполит. О-оо, даже политзанятия прервал! Еще кто-то мельтешит сзади. Начинается не опрос, а допрос больного. Потом слово берет капраз. Ситуация мерзопакостная, домой идти никак нельзя, да и долго туда добираться, считай Тихий Океан надо пересечь. Это тебе, доктор, по страшному секрету говорим в нарушение всех инструкций. И никакую посудину вызвать не можем. Ну чтоб тебя перегрузить и в ближайший порт доставить. Всплыть не можем. Ничего не можем. Даже компрессированный радиосигнал на спутник послать нельзя. Все, что мы можем, это океан слушать, ну и временами космос через специальную антенну-буй. А иначе это срыв задания и громадная брешь в обороне. Извини, старший лейтенант Пахомов, но на подобный случай, как с тобой, у нас инструкция строгая. Жаль что в инструкции аппендицит у самого доктора не предусмотрен. Скажи нам, что с тобой будет с позиции твоей медицины. Помрешь?

Что будет то? А то будет — отросток наполнится гноем и станет флегмонозным. Потом перейдет в гангренозный, так как ткани умрут, и сосуды затромбируются. Потом «гнилой червяк» лопнет и начнется перитонит. Если перитонит будет не сильно разлит, то можно выжить. В конце концов сформируется холодный инфильтрат, который можно прооперировать и через полгода. Но далеко не всегда. Чаще от перитонита человек умирает. Или от заражения крови вместе с перитонитом. Так что скорее всего помру.

Ваше решение я слышал, теперь Вы послушайте мое: Родину я люблю, ситуацию понимаю, вас не виню — наша боевая задача поважнее отдельной жизни будет. Раз эвакуация невозможна, то шансы выхода через холодный инфильтрат я использовать не буду. Хреновые шансы, да и больно. Наркотой с антибиотиками всю автономку ширяться не хочу. Это уже мой приказ, я хоть и маленький начальник, но медслуждбы. Операция будет. Удачная или неудачная — это как получится. Авантюра, конечно, но в процентном отношении шансы берег увидеть не меньше, чем если ничего не делать. А раз никто, кроме меня, операций не делал, то я ее делать и буду. В помощники мне боцмана Кисельчука позовите, он садист известный и крови не боится. Да и с камбуза мичмана Петрюхина, пойдет кок за второго ассистента. А еще мне помощь нужна — надо здоровое зеркало из кают-компании повесить горизонтально над столом, а операционную лампу поставить с правого боку. Ну и замполит нужен — будет перед моим носом книжку листать, меня ободрять и нашатырь под нос совать, если отключусь. Пусть поработает санитаром — один нестерильный нам все равно необходим.

Капраз, это железо, нет сталь каленная. Подпольная кличка «Камаз» — эмоций, как у грузовика. А тут вдруг преобразило мужика. Всех из «медики» выгнал. Крепко сжал Пахомовскую руку, трясет, что-то такое правильное сказать пытается, а вылезает что-то глупое: «Прости, сынок, ну пойми сынок, если смерть, сынок, вроде как я тебя приговорил. Вроде на моей совести... Как матери сказать, сынок... Не прощу себе, но поделаться ничего не могу, сынок. Служба...» А доктор ему и отвечает: «Товарищ капитан первого ранга! Мы это обсудили. В журнале я свою запись сделаю. Решение мое, приказ мой, подпись моя. Если что, так прямо и матери и командованию доложите. А Вам лично скажу — я старался быть достойным офицером, хоть и от Вас нагоняи получал. Мое

отношение к службе не изменилось, поэтому разрешите приступить к выполнению своих непосредственных обязанностей». Капраз опять стал Камаз: «Разрешаю, товарищ старший лейтенант. Выполняйте, Пахомов! Но смотрите, чтоб все как надо. Я лично проконтролирую — как закончите, вашу книжку ко мне в каюту!» Рассмешил Пахомова такой ответ, он без головного убора, лежа на столе, отдал честь «под козырек» и с улыбкой ответил бодрое: «Есть! Будет книжка у Вас. Рекомендую, как лучшее снотворное».

Пахомов кое-как слез со стола и держась за стенки и переборки пошел писать назначение операции самому себе. В хирургах он оставил себя, боцман с поваром пошли первым и вторым ассистентами. Операционной сестры не было, замполита приписали как «лицо, временно исполняющее санитарные обязанности». Описал он и про метод предполагаемой операции, и про зеркало, которое уже технари устанавливали в его малюсенькой операционной. К нему заглянул кок. «Сан Сергеич, хорошо, что заглянул. Найди мне чистую пол-литровую банку с крышкой — мы туда формалина нальем и отросток, как вещественное доказательство, положим». Будет сделано. Затем опять в операционную — там уже все моется, дезинфицируется. Зеркало на месте. Пахомов садится на стул и начинает давать указания — откуда что достать, где что открыть, куда что поставить. Наконец готово. Опять по стеночкам идет в каюту. Операционная бригада в сборе. Начинается нудный инструктаж, как вести себя стерильным, как руки мыть, что можно, что нельзя. Ну невозможно курс общей хирургии прочитать за час, да еще заочно. Понял доктор, что только зря время тратит. Там на месте разберемся — что скажу, то и делать будете. Снимай, ребята, робу, одевай нестерильные халаты, маски и фартуки. Давай теперь мне лобок, пузо и ноги от стопы до колена брить. И чтоб было чисто, как у баб-манекенщиц! А ноги зачем? Надо! Задумка одна есть. Обрили здесь же, в каюте.

Снова в операционной. Бактерицидную лампу выключили, чтоб не резала глаза своим сине-ультрафиолетовым светом. Доктор налил первомура из черной бутылки, развел и стал мыться. Один. Ассистенты смотрят. Затем Пахомов лезет в биксы, корцангом достает перчатки и стерильный халат, одевается. Затем накрывает столик с инструментами. Инструментов кладет больше, чем надо — с такой бригадой точно половина окажется на полу. Готово. Все покрывается стерильной простыней до поры, до времени. «Ну что, мужики, надо бы мне капельницу поставить, но не в руку — в ногу, для того и брил. Руки мне свободными нужны.» Пахомов бесцеремонно раздевается до гола. На нем остаются перчатки, маска и белый колпак. На ногу накладывается легкодавящий жгут. Вены выступили, как у рысака на ипподроме. Вот хорошая — на голени. Игла у внутривенной системы толстая, колоть такой самому себя ой как неприятно. Под кожей сразу надувается синяк — черт, с самого начала не все так гладко, как хотелось. Надо опять покопаться, поискать венку, поширять. Наконец из иглы выбивается бодря струйка черной венозной крови. Подсоединяется капельница, ослабляется жгут. Теперь порядок. Физраствор пущен редкими каплями, пока сильнее и не надо. Пластырем фиксируется игла по ходу вены.

«Ой, бля! Одну вещь забыл. Товарищ капитан второго ранга — сходите ко мне в каюту, там в тумбочке пачка презервативов!»

Замполит удивленно смотрит на доктора: «Гандоны? На подводной лодке? Мы же в порты не заходим! Или Вы что тут в тихую...»

«Да несите их сюда, сейчас увидите, что к чему!»

Возвращается замполит с пачкой презервативов. Пахомов уже не стерильный, хоть все еще в перчатках — после «сервировки» он уже хватался за что попало. Он стягивает перчатки и достает два презерватива. Разворачивает и вкладывает один в один. Потом срезает «носик» — спермоприемник. Достает резиновый катетер и капельницу. Соединяет их в одну длинную трубку и опускает ее в градуированную банку под столом. Катетер продевает через презервативы и засовывает себе в член, по трубке начинает бежать моча. «Так, эту золотую жидкость мы мерить будем, сколько когда натекло. Без катетера, боюсь, что мне будет не проссаться после операции. Вообще-то его туда стерильным надо пихать, ну да ладно — уретрит не самое худшее в нашем деле. Пойдет и так». Презервативы плотно одеваются на член и фиксируются пластырем к коже и

катетеру. Получается герметичная манжета — о катетере можно забыть на время операции. Опорожненный мочевой пузырь сжавшись что-то сдвинул в брюхе — боль резко усилилась. Черт, с трубкой в мочевики, с капельницей в ноге и сильными болями в животе уже совсем не побегаешь. А-ля хирург-паралитик.

Дальше велит поднести ему банку от капельницы. Заранее заготовлен шприц с лошадиной дозой мощного антибиотика широкого спектра действия. Такое при нормальной операции не надо. Это так — подстраховка на всякий случай, операция то совсем ненормальная. Хакири, а не операция. Кто за что тут поручиться может. Поэтому пойдет антибиотик внутривенно-капельно — береженного Бог бережет.

Ну все, ребята, идите ручки щеткой под краном помойте. Пять минут на ручку. Хватило бы и двух, но опять же, подстрахуемся. Помылись — теперь руки в таз с первомуром, держим секунд тридцать и начинаем поливать раствором руку от самого локтевого сгиба. Отлично! Мокрые руки держать вверх. Да не так, твою мать. Чо ты их держишь, как немец под Сталинградом? Вверх, но перед собой. Ничего не касаясь, ко мне! Пахомов корцангом выдает стерильные полотенца, что заблаговременно положил на столик с хирургическим инструментом. Хотя и наставлял, что надо начинать сушить с пальцев, а уж потом все остальное и на кисть больше не возвращаться, не получается у них. Вытирают, как тряпкой солидол после работы. В любой хирургии заставили бы перемываться. Но нам пойдет, лучшего от такой «профессуры» не дождешься. Теперь халаты. Пахомов берет себе на руку шарик со спиртом — намоченный марлевый комочек. Вроде тоже общие правила нарушает. Разворачивает халат лицом к себе, просит механика просунуть туда руки. Руки просовываются и тыкаются в нестерильное тело голого Пахомова. «Так, ты расстерилизовался. На тебе шарик со спиртом — тщательно три руки и держи их перед собой». Опять же по нормальному и руки перемыть надо, и халат сменить. Да ну его — болит сильно. Побыстрее бы уже. Повар точь в точь повторяет ошибку боцмана. Ну и тебе спирт на руки. Готово.

Так, дай мне вон тот разрезанный целлофановый кулек. Я его себе на грудь до шеи пластырем налеплю вместо фартука. Теперь меня повторно моем — замполит, неси тазик! Полулежа Пахомов отмыл руки, без всяких церемоний схватил стерильное полотенце, высушил первомур. Взял халат со столика, просунул руки — замполит завязывает тесемки сзади. Халат подогнут до солнечного сплетения. Дальше халат не нужен — на половине тела доктор кончается и начинается больная.

Опять спирт на руки, одеваем перчатки. Вначале доктор натянул свои, затем помог ассистентам. Ну и снова спирт. Спирт — наше спасение, даже если и не во внутрь. Вроде бы есть возражения? Во внутрь будет после снятия швов, замполит поддерживаете? Ну если даже замполит поддерживает — тогда точно будет. И снятие швов, и спирт. Красимся! Пахомов начинает густо мазать свой живот йодом. Так, чуть подсохло — давай простыню, будем операционное поле накрывать. Ты что, дурак, делаешь?! Зачем ты это говно с пола поднял?! Не эту простыню надо. Ну ка возьми спирт на руки два раза, а нагибаться в операционной имеет право один замполит. Всем стоять, как будто ломов наглотались! Руки до яиц не опускать!

Правильно — вот эту стерильную простынку. Теперь цапки давай. Каких таких тяпок не видишь? Я сказал — цапки! А-аа, так это у вас на Украине так тяпки называются. Я и не знал. Давай вон те зажимчики-кривули, это и есть цапки. Черт, ими через простынь за тело хватать надо. Ооой! Ааай! Ыых! Блядь! Фух, ну вот и все. Да нет, не все — обрадовался. Все — в смысле все готово начинать операцию. Всем спирт на руки! Руки дружно полезли в банку с шариками, как дети за конфетами. Любая операционная сестра лопнула бы от смеха.

Замполит, вон ту банку давай. Нет не наркоз. Если Вы возьметесь провести операцию — то с удовольствием сам себе наркоз дам. Новокаин это — местная анестезия будет. Да-да вот именно, чтоб «заморозить». Пахомов набирает здоровый шприц новокаина. Начинает себя потихоньку колоть по месту предполагаемого разреза. Кожа взбухла лимонной корочкой. Перед продвижением иглы предпосылает новокаин. Вроде не очень больно, но страдание на лице видно. Один шприц, другой, третий. Вот и подкожка набухла. Только руки уже дрожат. Черт подери, что за дела, ведь считай, что еще и не начал. «Сан Сергеич! Вы буженину делали? А ее маринадом напитокывали? Да Вы что —

пользовались для этого обычным шприцем? Это очень хорошо! Тогда возьмите у меня шприц и напитайте стенку моего брюха новокаиновым маринадом из этой банки. Не бойтесь — получится. Я пока чуть отдохну — расслаблюсь. Только стенку насквозь не проткни. Да не бойся — вгони шприца по три-четыре в обе стороны.» Кок начал старательно ширять новокаин в ткани. Ни о какой анатомии он не думал и перед уколом лекарство не предпосылал. Получалось очень больно — точно как в гуся или свинину. Однако уже через десять минут боль стала тупеть и гаснуть. Количество бестолково вколотого лекарства переходило в качество обезболивания. Пора за нож!

Пахомов опять скомандовал лозунг дня — спирт на руки. За дверями операционной явно стоял народ — командир корабля приказал подежурить на подхвате — вдруг ИМ чего понадобится. Раздались смешки — во дают, их медициной уже по всей лодке несет. Видимо вентиляционная система быстро разносила хлорно-бензиново-эфирно-спиртовой букет хирургических запахов. Пахомов с опаской взял в еще мокрую от спирта перчатку брюшистый скальпель. По спине побежали мурашки, ноги похолодели, а в руках снова появилась дрожь. Черт, только сейчас он ощутил, как страшно резать себя. Сразу пожалел, что не выпил сто грамм спирта перед операцией — ни замполит, ни особист, ни кэп не сказали бы ни слова. Сам решил, что оперировать «под газом» не в его интересах. Тогда терпи. Доктор закрыл глаза и решил испытать — будет больно или нет. Он без всякого прицеливания нажал острием скальпеля на кожу. Ощущалось слабое тупое давление. Когда он открыл глаза, то с удивлением обнаружил полупогруженный скальпель в лужице крови. Боли не было. Проба пера очень обнадежила Пахомова, он осушил ранку и решил, что дальнейший разрез проведет от нее — просто расширится в обе стороны. Вроде и так на месте. Разрез надо сделать большой — от моих слесарей-поваров с маленьким разрезом помощи не будет.

Пахомов закусив губу стал резать кожу вверх от ранки. Ливанула кровь, хоть и полосонул он не глубоко. Разрез получился под каким-то углом, некрасивый. Надо бы и вниз сразу расширится. Салфетки быстро намокали и тяжелели. Вместе с кровью сочился новокаин, от явно плохой инфильтрации. Пахомов нашел пару кровящих мест и сунул туда москиты. Держать голову становилось все труднее и труднее — шея крупно дрожала. Пришла пора воспользоваться зеркалом. Завязать узел под кровеостанавливающим зажимом, глядя в зеркало оказалось делом почти невозможным. Зеркальное отражение полностью переворачивало движения и вместо работы оставалась досада. Оставалось вязать на ощупь. «Замполит, пустите раствор в капельнице почаще — три капли на две секунды. Похоже, мне предстоит немного крови потерять!» Наконец наложил две несчастных лигатуры — можно «дорезать» вниз. Разрез опять получился кривой и рана стала несколько напоминать математический знак "

Опять скальпель. Подкожка рассечена окончательно и по всей длине. Палец лежит на фасции-апоневрозе — большом, но тонком и плоском сухожилии. Кок нашел забавным ловить кровящие сосуды — в ране уже торчит дюжина москитов, а кровотечения нет! Может был прав Мао Цзедун, когда сказал, что маоизм и Китайская культурная революция позволяют подготовить врача-специалиста за 2-3 месяца. Ортодоксальный марксист-ленинец Пахомов начинал верить Великому Китайскому Кормчему. Боцман и кок в такие сложности не лезли, но сосуды вязали. Не быстро и неправильно, но прочно: «Ты побачь — уця блядына соскоче. Давай другу нытку! Чи как там ее — лихамэнту». «Не лигаменту, а лигатуру!» «Да якость воно будэ — нехай лигатура. Сымай щипцы, звязав!»

Тут кок забыв про стерильность бросает крючок и начинает старательно тереть свой нос под маской. Маска мажется кровью. Первым заорал замполит: «Ты чо, урод, делаешь!!! Спирт на руки!»

Вмешивается доктор: «И перчатку сменить, а потом опять спирт на руки. Смотри, и замполит к хирургии за час приобщился!» Точно прав Мао.

Кок идет «перестерилизовываться», первоначальный стресс из-за свалившейся ответственности боцмана явно уже отпустил: «Доктор, ты ж мэнэ говорив, шо у тэбе спирту нэма. Глянь сколько тратим! Извините, товарищ капитан второго ранга, цэ без намеков».

Замполит тоже не прочь разрядить обстановочку, но должность обязывает к

строгости: «У нас сухой закон. Это мы не обсуждаем. Сказано же — как будем швы снимать — тогда и устроим доктору ревизию.» Похоже, что в благополучном исходе операции никто из них не сомневается, хоть сделано всего-ничего. Вся аппендэктомия еще впереди.

Кок занимает свое место. Пахомов опять берет скальпель и вскрывает апоневроз. Ярко-алыми губами выворачиваются мышцы. Где-то перерезана небольшая артерия, и из нее тонкой струйкой бьет кровь, окрапляя мелкими пятнышками простынь и халат кока. «Боцман, лови эту суку — видишь как кровит!» — орет несколько струхнувший доктор. Да, боцман, ты и вправду садист — чего полраны в зажим схватил? Пересади его аккуратненько на кончик сосуда. Замполит, раствор в капельнице кончился. Поставь вон ту, маленькую, и гони частыми каплями. Как только прокапает, опять поставишь большую, но на редкие капли. Вот так, капает хорошо!".

Похоже ребята и с этим кровотечением справились. Ох и узлы! Блядь, им только швартовые вязать! Хотя вяжут же крючки на леску, может есть надежда, что узлы не разойдутся ночью. Может и не спущу на первый послеоперационный день свою кровушку. Дальше мышцы в другом направлении идут — тут не только резать, но и тупо расслаивать надо. Ха, получилось — мужики сильные, им мясо раздвинуть не проблема. И кровит мало. Так, ребята, теперь начинается самое трудное. «Замполит держи им картинку.» Замполит открывает учебник по хирургии. «Мы сейчас на глубокой фасции — ее разрезать особых проблем нет. Там дальше брюшина. Она мягкая и вскрыть ее надо аккуратно. А вот потом будет самое сложное. Судя по моим болям, то аппендикс мой за слепой и восходящей толстой кишкой спрятан. Сам он в рану не выпрыгнет. Надеюсь, что брюшиной он все же не прикрыт и вы его без труда вытащите. Но очень бережно! Если он лопнет — то смерть. Сбоку у него может быть пленочка-брыжейка. Его надо будет в рану вывести, два раза перевязать и посередине перевязок отрезать. Ну а потом культю йодом обжечь и кисетом обшить. Я вам много помочь в выделении аппендикса не смогу. Как вскроете брюшину под кишку, сюда, сюда и сюда надо наколоть новокаина длинной иглой. Только потом за отросток братья, иначе я могу сознание от боли потерять. Поняли?»

Объясняя Пахомов водил по картинке кончиком зажима, оставаясь стерильным. Но теперь ляп дал боцман — он ткнул пальцем в перчатке в книжку, оставив там красное пятно: «Так шо, мне в эту дырку к тебе прям в брюхо руками лезть?»

Доктор крайне вымученно улыбнулся: «Да, только перчатку смени и спирт на руки». Пахомов чувствовал себя все хуже и хуже, и контролировать ситуацию ему становилось тяжело. «Давайте, ребята, побыстрее, хуево мне. За кишки потянете, могу отключиться. Тогда вам замполит один будет эту книжку читать.»

В брюшную полость вошли быстро и без проблем. Брюшину сам Пахомов подхватил пинцетом и боцман без колебаний ее рассек одним движением, приговаривая: «Брюхо як у сёмги, а икры нэма!». Потом попытались подвинуть слепую кишку для забрюшинной анестезии. Тут и началась пытка! У Пахомова выступили слезы, его пробил дрожь с холодным потом. Через стон он сказал: «Стойте, мужики, очень больно! Плесните на кишку пару шприцов новокаина, может поможет, а потом продолжим.» Вне зависимости от обезболивающего эффекта, он решил терпеть и стиснул зубы. Плеснули. Подождали минуту и опять полезли куда-то колоть. Вроде боль немного стихла, не все равно, когда тянули кишку она оставалась на грани переносимости. Слезы полились ручьем, а стоны доктор уже и не сдерживал. «Бляди, давайте отросток в рану!!! Мочи больше нет.»

Боцман в очередной раз сказал свое заклинание «а яось воно будэ» и решительно запустил руку в рану. Пахомову показалось, что с кишками у него попутно выдирают и сердце. Внезапно боль унялась. Левая рука боцмана все еще утопала где-то в Пахомовском брюхе, а правая рука бережно, двумя пальчиками, вертикально держала весьма длинный багово-синий червеобразный отросток. Брыжейки практически не было, все сосуды шли прямо по стенке аппендикса. К ране вплотную прижималась слепая кишка. Пахомов схватил лигатуру и попытался приподняться. Замполит поддерживал его под плечи. Напряжение брюшной стенки опять пробудило боль и Пахомов заговорил с подвыванием: «Щааас, я-ааа тебя-ааа, суку, апендюка, перевяжу!» Перевязал. Хорошо ли, плохо — сил нет переделывать. Уже лежа и глядя в зеркало перевязал еще раз.

Потом окрасил йодом своего больного червяка и отсек его.

Замполит заорал «Есть операция!!!» и подставил банку с формалином. Отросток плюхнулся в банку, а культя и слепая кишка опять ушли в рану. «Блядство. Боцман достань опять, так что б обрубок мне был виден! Ушить надо!» Пытка повторилась снова и закончилась тем же — странно и совсем не по хирургически выкрутив руки боцман снова вытянул слепую кишку. Он сильно и больно давил на брюхо. Картина такой ассистенции совершенно не походила на то, что делали в клиниках. Слабеющей рукой Пахомов взял иглодержатель с кетгутотом. «Только бы не проколоть кишку насквозь!» Он еще раз прижег культю отростка йодом и попытался подцепить иглой наружный слой цекума. Выходило плохо. Иглодержатель перешел в руки кока. У того тоже выходило не лучше — кое где нить прорвала ткани, но местами держала. Попытались затянуть кисет. Получилось довольно некрасиво, но культя отростка утопилась. «Ладно, не на экзамене, сойдет и такая паутина. Вяжем.» Узел Пахомов завязал сам. Показал как надо шить брюшину простейшим обвивным швом. На это дело пошел боцман, твердя свою мантру «а яось воно будэ, а шо — як матраc штопать!» Потом лавсаном ушили апоневроз. Узлы были несколько кривые, но фасция на удивление сошлась весьма ровно. Просто брюшная стенка была настолько перекачана новокаином, что ее Пахомов уже шил сам, практически не ощущая никакой боли. Сам он и закончил операцию, наложив швы на кожу. Швы, правда, тоже были далеко не мастерские — кое где выглаживали «рыбьи рты» от неправильно сошедшихся краев под узлом. Да плевать — лишь бы не разошлось, а уж уродливые рубцы на брюхе как-нибудь переживем.

Наконец наложена повязка. «Замполит, сколько там мочи с меня накапало?»

«А кто его знает — банка полная и лужа на полу... Да мы помоем!»

«А времени сколько прошло?»

«Кто его знает. Долго возились, а время мы что-то и не засекали...»

«Да-аа, бригада у меня подобралась. Ладно — вытащите мне катетер, пора перебраться из операционной в каюту-изолятор.»

Напоследок Пахомов засадил десять миллиграмм морфина прямо в капельницу, со словами, что работа работой, но надо и отдохнуть. Затем быстро докапал остатки и приказал сменить банку на обычный физраствор. В физраствор опять дали антибиотик и пустили очень редкими каплями, а глаза доктора заблестели, и по телу разлилась приятная истома. Боль и сомнения отступили на второй план. Хотелось покоя и уюта. Подали носилки и множество сильных рук бережно сняло расслабленное тело со стола и потащило в изолятор. Пахомов пошутил, что сегодня он порядок нарушает и протокол операции писать не будет. Похоже никто его шутку не понял. Через десять минут доктор спал странным сном с сюрреалистически яркими сновидениями.

На утро (если такое деление времени применимо к подводным лодкам в автономном походе) температура была 38. Рядом на стуле дремал офицер-акустик свободной смены. Стало понятно, что в сиделки к доктору-герою рвутся многие. Пахомов негромко позвал спящего: «Василь, ты мне утку не подашь? Боюсь, что швы хреновые, разойдутся. На постельке хочу дней пять полежать.» Акустик подскочил как ужаленный и стал подкладывать утку. Оправившись, доктор попросил новую банку физраствора и еще раз засадил туда антибиотик. Тут в дверь постучали — это был капраз, командир ракетноносца собственной персоной.

«Ну, здравствуй, док. А ты, старлей — мужик. Придем домой, проси, что хочешь — на любую учебу отправлю. Сам по штабам хлопотать буду. Эх жалко такого хлопца терять — но уж если ты себя смог прооперировать, то уж других... Ты — хирург!»

«Спасибо, товарищ капитан. Спасибо за доверие!» Потом они еще поболтали с полчаса в основном на околomedicalные темы и шеф собрался уходить. Тут из под одеяла Пахомова раздался нелюбезный громкий пердёж и каюта быстро наполнилась «ароматом». Капраз сконфузился, а Пахомов закричал «Ура! Это моя самая приятная музыка на сегодня! Газы отошли — кишечник работает. Уж не буду извиняться.» Капраз улыбнулся, опять пожал доктору руку и вышел из благоухающей каюты.

Затем пришел кок. После доктора, боцмана и кока на борту чествовали героями номер

два и три, а замполита — номер четыре. Правда из рассказа самого замполита получалось, что это чуть ли не он сам единолично выполнил операцию, руководствуясь мудрыми решениями партии. Хотя все знали вес замполитовских слов. Кок пришел узнать, чего же больной желает откусать? Сегодня, пожалуй, ничего — поплю глюкозки. А вот на завтра захотелось гоголь-моголя, манной каши на молоке и шоколадных конфет. Кок на каприз не обиделся, сказал что исполнит.

К вечеру температура спала до 37,3, что Пахомову страшно понравилось. Антибиотики прокапали еще раз, а потом надобность в них отпала. Доктор явно полный курс завершать не собирался. На ночь он решил никаких обезболивающих не принимать, а выпил две таблетки нитрозепама — сильного транквилизатора со снотворным эффектом. Шов болел, но вполне терпимо. «Под транками» спалось нормально.

На следующий день кок принес красиво сервированный поднос с тарелкой манной каши на молоке и гоголь-моголь. И то и другое было сделано из порошковых продуктов, но вполне вкусно. Пахомов поел, а дальше началось странное. Шоколад! Коробка конфет от самого капитана (берег себе на День Рождения), старпомовские трюфеля, «Птичье молоко» от штурмана, «Каракумы» от радиста, «грильяж в шоколаде» от ракетчиков, шоколад «Вдохновение» от реакторного отсека и много, много чего. За свою лежку Пахомов съел по чуть-чуть из каждой коробки, а остальное сберег на собственную «выписку» — ссыпал остатки в большую чашку и раздал всем в кают-компании после ужина к чаю. Праздник то семейный, общий!

Швы Пахомов снимать не спешил — решил подождать для верности до седьмого дня, хотя рана выглядела вполне прилично. Не совсем он себе верил — мало ли чего и как он там навязал, пусть срастется получше. Вечером шестого дня к нему опять зашел Камаз. Видимо от замполита разнюхал, что доктор кое-чего обещал. Тянуть волюны и косить смысла не имело, и Пахомов решил сказать командиру в открытую: «Товарищ капитан, я тут это, ну тогда, бригаде моей пообещал кой чего... Мол если все нормально будет, ну я всем спиртяшки плесну. Так символически, немного...» Камаз зло смотрел на доктора своими стальными непроницаемыми глазами. Такой взгляд ничего хорошего не сулил: «Снятие швов проведете сразу после ужина. Это приказ. Я приду, проконтролирую!»

Об этом разговоре Пахомов оповестил всех участников. После ужина он в одиночестве отправился в операционную, которая опять стала обыденной «медицкой-процедуркой». Опустил стол, снял штаны и отлепил повязку. Рана абсолютно чистая, даже «рыбьи рты» под неудачными швами загранулировались и по краям пошла нормальная эпителизация. Работая пинцетом и ножницами доктор резал нити у самой кожи и резко дергал — старые лигатуры выходили легко, не больше комариных укусов. Когда осталось снять последний шов дверь каюты бесцеремонно распахнулась. В проеме стоял грозный Камаз. Доктор застыл с пинцетом в руке и вытянулся по стойке «смирно» со спущенными штанами. Командир шагнул в процедурку: «Ну как?»

«Да все отлично, товарищ капитан первого ранга!» — отрапортовал старлей.

«Бригада, заходите!» За ним ввалились замполит, кок и боцман. «Товарищи офицеры, больше всего на свете я не переношу болтунов и стукачей! Если где-то услышу хоть полслова — ззз-спною! А сам все буду отрицать.» С этими словами Камаз извлек откуда-то небольшую банку домашних консервированных патиссонов. Всем все стало понятно; доктор лихо срезал последний шов, натянул штаны и нырнул за бутылью и стаканами.

Близился конец похода. Лодка уже не лежала в дрейфе, а весьма активно работала своими гигантскими винтами. Скорее всего домой. Этого никто, кроме приближенных, конечно не знал, но каждый догадывался. Старший лейтенант медицинской службы Пахомов все также бесцельно лежал на своем операционном столе и глядел в белый потолок. Зеркала не было — его давным-давно перевесили на старое место в кают-компанию. Мысли доктора были просты и прозаичны. О его будущем. Вероятно будет представление к награде. Камаз не соврал — поможет. Надо писать заявление в клиническую ординатуру. По общей хирургии...

Часть 1 (НАЧМЕД)

Была в ВМА кафедра с длинным названием — Кафедра Военной Токсикологии-Радиологии и Медицинской Защиты от Оружия Массового Поражения. Ну курсантам такая абракадабра не очень нравилась, поэтому при переводе этого названия с военнотарабарского на русский, его сильно сократили и стали называть эту кафедру просто ТоксОй. Так вот был на ТоксЕ Начмед. Фигурой он был крайне вальяжной. Против него никто никаких действий предпринять не мог, несмотря на то, что Начмед был крайне ленив. Он был единственный, кто мог без стеснения спать на людях. Начмед был неприкосновенным при любых обстоятельствах, так как был он любимчиком самого Главного Токсиколога Вооруженных Сил СССР генерала м/с Саватеева. А с такой протекцией делай, что хочешь — никто ни полслова не скажет, ни против шерсти в жизнь погладить не рискнёт. Да, лапа у него, что называется, лохматая была! Весь коллектив Кафедры перед ним пресмыкался. Ну там, чтобы к курсантам выйти, это было выше его достоинства. Курсанты видели его крайне редко, он в основном в верхних лабораториях ошивался. Несмотря на то, что с медзащитой от радиации Начмед был прекрасно знаком, можно сказать с пеленок, да и торчал на Кафедре безвылазно, ничем полезным он не занимался — только жрал, да пил, ну и действие некоторых радиопротекторов демонстрировал. Из прямых обязанностей ему вменялось только одно — открыто людям не гадить. Но это всех вполне устраивало, потому что Начмед не был офицером медицинской службы. Гражданским он был, а по характеру и складу ума — чистое животное. Но несмотря на эти нелицеприятные характеристики, слава о Начмеде по всей Академии ползла. Потому, что кот он был. Но кот необыкновенный!

Вообще все эти отравители с Токсы, может и мечтали о ядерной войне, но природу любили. У них на кафедре целый зоопарк был. Был здоровенный террариум с длиннющими змеюками, которых они кормили живыми мышами к всеобщему удовольствию. Забавное было зрелище. Еще был солидный аквариум с пузатыми тетраодонами — ну такими рыбками, у которых самая ядовитая в мире печень. Толи они там втихую японской кулинарией баловались — суши из рыбки фугу готовили, толи тетродотоксин из своих питомцев для науки извлекали — этого я не знаю. Но все равно среди всей этой экзотики Начмед особняком стоял. Вот действительно был Кот-Бегемот, в реале, а не в Булгаковских сказках! Огромный был кошара. Ну тигр какой-то. Точнее не тигр, а свинья, покрытая кошачьей шерстью. Кличку этому монстру лично генерал Саватеев придумал.

Об истинной истории Начмеда случайно проболтался один препод. Оказывается, что его судьба была неразрывно связана с другой гордостью кафедры — РДД. Весь коллектив работал над его созданием, и назывался их шедевр Радиопротектор Длительного Действия. Для знающих людей само за себя название говорит — таблетка от радиации. Было это снадобье основано на каком-то чудовом веществе, напоминающим гормон стероидной группы, не встречающийся в природе и поэтому с жутко секретной формулой. И по фармакологическому действию РДД являлся стероидом с суперсильным эффектом. Так вот еще в «мышиный» период, когда всякие ЛД-50 определяют и тератогенные эффекты ищут, мышки несколько великоватыми становились. Вот генерал Саватеев это заметил и приказал вырастить себе котика.

Часть 2 (Nachmed)

Эта часть только для факультативного чтения. К обязательному прочтению не относится, так как касается Академии весьма косвенно.

Была у меня кошка Джессика. Кошка весьма мелкая, а имя длинное, вот и стали мои

дети ее Сикой называть. У всех дети как дети, кошачьи имена с хвоста подрезают, а мои — с начала. И вообще наша семья в этом (кошачьем) плане не сознательная. Нормальные люди хватают кошечку и сразу ее тащат до ветеринара. Он ее кастрирует (коты — 50\$, кошки — 200\$), потом вакцинирует (всех одинаково за столыжник), потом дегельментитирует (глистов гоняет за полтинник), потом регистрирует (за 17\$), и наконец специальный ошейник с медальончиком цепляет (всего за десятку, ну а если ошейник со снадобьем от блох, то за двадцадку). Так вот мне денег стало жалко. Пусть себе Сика живет как в развивающихся странах — рождает сколько хочет и без квалифицированной медицинской помощи.

А у соседа моего, мистера Мак-Грегора, кот был по кличке Виски. Эта кличка не от естественного созвучия с английским whiskers — кошачьи усы. Эта кличка от естественной любви мистера Мак-Грегора к скотчу и бурбону. Кот Виски был ободренным чахлым доходягой, а вот виски на соседских вечеринках хорошее и дорогое. Поэтому, если сосед приглашает, я не отказываюсь. Ну и его Виски не отказывал моей Сикой пользоваться. У нас чуть теплее, чем в Санкт-Петербурге, поэтому мартовских котов нет. У нас мартовские котята, а коты январские.

Моя Сика исправно давала свой приплод, и как только котята начинали самостоятельно кушать, я еще одну мерзость совершал — сажал их в картонную коробку и раненько утром отвозил к какому-нибудь большому магазину, где сознательные люди, воспитанные в правильном духе Энвайронментализма-Мультикультурализма, быстренько их растягивали по домам.

И долго длилась бы эта идиллия, если бы Сика не повадилась свою кличку оправдывать — стала она с завидной регулярностью сикать на коврик «Welcome» — «Добро Пожаловать», что перед входной дверью. Как к дому подойдешь — вонь, а если кто ненароком ковриком по назначению попользуется — в смысле ноги вытрет, то мне хоть под землю проваливайся. Ну, значит пора от нее избавляться по-несознательному. По сознательному надо опять же к ветеринару — он за мзду ей отравы вколет, та гуманно сдохнет. А по несознательному надо отвезти через первый фривэй (скоростную дорогу) или речку и там выпустить — пусть себе живет бездомной кошкой. Но было на тот момент одно обстоятельство — Сика пузатая ходила. Ну нельзя же беременных из дому выкидывать. Решил я повременить. И тут меня идея прошибла — а не сделать ли мне Начмеда-2?

У меня на работе врачей нет — то ли страна бедная, толи врач дорогой, бюджета не хватает чтобы его на каждую точку сажать. Один нёрс — сержант-фельдшер. К тому же наш нёрс, сардж Джимми, смесь черного с пуэртиориканцем. Хуже только смесь тринитротолуола с гремучей ртутью. Подхожу я к Джимми и говорю: «Привет, старина! Насыпь ка мне самых сильных таблеток от радиации.»

А он, буквоед, мне и отвечает: «Бэдж давай.» Ну бэдж это такая карточка с фотографией сотрудника и магнитной полоской на обороте, типа водительских прав или кредитки. Обычно болтается у всех на шнурке на шее. Ее используют как ключ от дверей или как источник информации о сотруднике. Сует он мой бэдж себе в компьютер, смотрит тупо на экран и говорит. «Ты на вход под открытый щит реактора не внесен. Дозиметр давай!»

Я ему: «Джимми, да в порядке мой дозиметр, нигде ничего я не нахватался. А под щит мне и за даром не надо, я там не был и не собираюсь быть. Мне эти таблетки для личных целей нужны.»

Тут как он на меня посмотрит и так сурово говорит: «Не дам, может ты русский шпион и мою секретную таблетку в Кремль пошлешь!»

Я думаю: «Fucking idiot!» И прямо так откровенно, прямо в глаза ему заявляю со всей американской прямоотой: «Многоуважаемый господин сержант. Я практически полностью разделяю Ваши опасения и очень рад за Вашу проявленную бдительность. Я только хотел бы обратить Ваше почтенное внимание на пару мелочей: Во-первых если бы я из нашей шараги чего туда передавал, то твоя таблетка была бы на самом последнем месте в списке „Бесплатные Приложения“. Во-вторых я бы их втихую уже фунтов десять набрал, когда ты свои пузырьки ко мне в отдел на мою помойку таскаешь. Мне просто тогда они не нужны были, а сейчас нужны.» А ему и вправду всю его антирадиационную

гадость с истекшим сроком годности в обычный мусор по инструкции нельзя было выкидывать, вот он и сбрасывал всю эту химию в наш контейнер с опасными отходами.

Но разве сарджа переубедишь простыми доводами. Джимми мне и отвечает: «То таблетки негодные, старые, а значит — несекретные!»

Ну разве против такой логики попрешь? Это ж естественно, что новое — секретное, а старое — несекретное. Вчера «секретно», сегодня «несекретно» — в жизни такое сплошь и рядом бывает. Понял я, что дальнейший разговор бесполезен и говорю ему: «Ну ладно, старина, не сердчай. Звякни мне, как твое начальство приедет.»

Он: «О-Кэй, нет проблем.» И вправду, через пару дней звонит, мол приходи, офицеры у меня в медпункте сидят.

Захожу. Сидят Секонд Лютенант и Лютенант-Кёнал, лейтеха и подпол по-русски. На эмблемки глянул — свои люди, договоримся. Правда у нас страна малопьющая и дисциплинированная, поэтому на эмблемах офицеров медицинской службы змеи не вокруг рюмок, а вокруг палок обвиваются. Ну объяснил я в трех словах, на что мне нужен радиопротектор на стероидной основе, заодно и историю Начмеда вскользь помянул.

Тут подпола пробило. Оказывается он по молодости на подлодках класса «Огайо» служил. И надо им было за советскими «Акулами» по океанам гоняться. Он и говорит лейтехе, вроде как опытом делиться: «Вот у русских в бывшем СССР все такое было — „Акула“ втрое больше „Огайо“ по тоннажу была, Ту-160 вдвое больше Б-1. И в военной радиологии у них тот же подход, где мы крыс травим — они котов!» Растрогался от воспоминаний, дал мне банку таблеток и фельдшеру наказал выдавать их мне по первому требованию. А я больше и не требовал, я их с помойки брал.

Родила Сика котят. Генотипчик, как я уже упоминал, так себе, на троечку с минусом. Когда она их только молоком кормила стал я ей радиопротектор давать, ну так сказать, чтоб киски с ранья привыкали, впитывали что надо буквально с молоком матери. Вся эта гадость в белковой капсуле, поэтому давать ее легко было. Положишь на кошачий язык, она и глотает без проблем. Киски подросли, выбрал я себе котика рыженького, а от остальных известным способом избавился, заодно и Сике вольную дал. Котеночку стал давать протектор напрямую, перорально, исходя из его веса. Высыплю три четверти капсулы в самый обычный мусор, остальное назад белковыми половинками закрою и ему в рот. Потом больше. Пытался сам порошок давать, и на кошачьи консервы сыпал, и в их гранулированный комбикорм — не жрет. Потом нашел на чем жрет — на свежем филе лосося. Так до сих пор с него свою дозу получает — подрос уже и к гормону привык. Теперь если не дашь вовремя, такой мяв поднимает! Моя жена говорит, что у него явная гормональная зависимость. Не верю я. Просто кот умный и к тому же Начмед. Калифорния, она же на белых гранитах стоит, естественный радиационный фон в три раза выше среднестатистического. Вот кот это чувствует своей мудростью природной и добровольно принимает превентивные лечебно-профилактические контрмеры, чем всем начмедам и положено заниматься по роду службы.

Но должен оговориться — не получился у меня тот настоящий Начмед. Так, Начмедешко — жалкая пародия на оригинал. Видать слабоват американский радиопротектор. Сейчас нашему Наче один годик и три месяца. А как он выглядит сложно сказать — посмотрите на кискины размеры.

ГЕНОТИП ИЛИ СИЛА КРОВИ

В советском городе-герое Ленинграде жили-были две военных академии — Военно-Медицинская и Артиллерийская. Сосуществовали они между собой очень мирно, их пути и интересы никак не пересекались. То есть где-то, конечно, пересекались, но это было далеко и высоко, в Москве, в Министерстве Обороны СССР, а в повседневной жизни их бытие было абсолютно автономным друг от друга, хоть и располагались они очень близко: медики по правую сторону от Литейного моста, а артиллеристы по левую. Чтобы из одной академии в другую добраться, всех делов было проспект Лебедева перейти. Видать из-за такого географического соседства и возникла у начальников этих академий большая дружба.

Начальником Военно-Медицинской Академии был генерал-полковник Иванов, а начальником Артиллерийской Академии был генерал-полковник Анисовец. Равенство званий и полная независимость друг от друга такой дружбе весьма способствовали. Любили генералы друг к другу в гости съездить, на дачке рыбку половить, в картишки перекинуться, да в баньке попариться. У медицинского генерала уж внучата нарождаться стали, а вот у артиллериста... Облом, короче — не было у Анисовца детей. Ну над мадам Анисовец вся кафедра Гинекологии колдовала, да без толку. Точного диагноза я не помню, но вывод был один — медицина бессильна. Очень такое заключение генерала Анисовца опечалило, что он своему другу и высказал.

Начальником кафедры Гинекологии ВМА в то время был один военный профессор, полковник Цвилев. Ну сами знаете классификацию советских полковников — «товарищ полковник», просто «полковник» и «эй, полковник!». Для медицинского генерал-полковника обычный полковник медицинской службы в любом случае попадал под категорию «эй-полковников», будь ты хоть трижды профессор. Позвал Иванов Цвилева и говорит: «Проблему моего друга необходимо решить самым наилучшим образом —

надо найти очень хорошего ребенка на усыновление.» Точнее на удочерение, очень уж Анисовцам девочку захотелось. Критерии были просты — родители должны быть стопроцентно здоровы, очень умны и красивы. Козырнул Цвилев, ответил вечно-военное «Есть!» и принялся за работу.

Уж по каким каналам он ребеночка искал, я и понятия не имею, однако нашел, что потребовали, и весьма быстро. Молодую беременную привез к себе на Кафедру аж за месяц до родов. Обследовал полностью, убедился в полном здоровье, лучший курс витаминотерапии провел и точно в срок сам роды принял. Ну подождал еще дней десять — проконтролировал, чтоб ребенок на полноценном грудном питании был, и пошел докладывать начальнику академии. Оба генерала пристальные смотрины «генотипа обеих сторон» устроили. И по документам генеалогию родителей перекопали самым тщательным образом, и в личных «очных ставках» присутствовали — младенец, как не поверни, на пять с плюсом. Девочка, две недели от роду, роды неосложненные, быстрые, естественные. Вес три-триста. Ни группового, ни резусного конфликтов, никаких заболеваний у матери не до, не во время беременности, ни токсикоза, ни осложнений. Биологическая мать из самой, что есть благополучной семьи — питание беременной было полноценным, психологические стрессы отсутствовали. Дедушка по материнской линии доктор наук, бабушка — кандидат. По отцовской линии науки меньше, но общественный статус повыше — дедушка был так себе, невесть каким партийным начальником в Ленисполкоме, а вот бабушка из мира искусства — на весь мир известным преподавателем консерватории.

Одно только «но» оставалось — отец ребенка только месяц назад, как поступил на первый курс юрфака Ленинградского Университета, а мама вообще малолетка — только перешла в девятый класс средней школы. Озаботил этот факт медицинского генерала, собрал он всех знатоков человеческой генетики у себя в кабинете и попросил (али приказал) дать им свое научное заключение об молодом возрасте родителей, и как такой фактор на потомстве может отразиться. Ну ученые корректно попросили недельку на раздумья, чтобы свои выводы результатами мировых исследований, опубликованных в открытой литературе, подтвердить. Через положенное время вся «генетическая экспертиза» является с докладом — если зачатие без осложнений было, в смысле не по пьяне и без какой-либо наркоты-химии, то ранний возраст только плюс — меньше риск мутаций и отклонений от исходного генотипа.

Позвал тогда генерал-полковник Иванов главного особиста Военно-Медицинской Академии, и просит (тут уж точно просит — военному КГБ не прикажешь) устроить небольшой допросец самим родителям. Для Гебухи дело пустяковое, тем паче если заслуженному человеку надо. Явились школьница, первокурсник и оба генерала в гражданской одежде (не разглашать же тайну удочерения!) в назначенное место, что скорее всего было на Литейном-4, в главном КГБшном здании Ленинграда. Папа с мамой загляденье — мать, хоть и молода совсем, а уже красива по взрослому, как обложка с «Плэйбоя», ну а отец как герой с советского плаката. Родители от страха дрожат — все что есть, как на духу перед взрослыми «агентами в штатском» выкладывают: «Ну согрешили мы, так как живем недалеко. Не пили, не курили. От ребенка надо избавиться, так как малышка нашей обоюдной будущей карьере мешает.» Очень генералам такой ответ понравился, быстренько оформили необходимые документы об удочерении, а о том, что ребенок приемный тайна получилась полная — родители отказ безоговорочный подписали, вроде как и не сношались, и не рожали никого.

Мадам Анисовец и муж-генерал в приобретенной дочке души не чаяли. А девочка своим биологическим родителям соответствовала на все сто — красива была, как на открытке, училась на одни пятерки, в школе активистка и спортсменка, учителя не нарадуются, а одноклассники, так все поголовно в любви признаются, класса этак с седьмого... И все было благополучно до конца восьмого класса. Четырнадцать полных лет прошло с момента, как профессор Цвилев сию малышку на руках своих держал, и вот нате — опять она в его клинике очутилась!

Снова вызывают генералы эй-полковника Цвилева и говорят: «Можно ли что-нибудь придумать, типа аборт на таких сроках сделать?» Ну а Цвилев, хоть и военный, а гуманист был, им и отвечает: «Виноват, товарищи генерал-полковники, но никак нет.

Окончательно и бесповоротно — девочке рожать через месяц!» Опечалились тогда оба генерала и приказали Цвилеву найти хорошую семью на усыновление (на этот раз там был мальчик, это полковник-гинеколог ультразвуком определил).

А вы говорите «воспитание»! Чушь это, вот сила крови...